

А. К. Кушкумбаев

**ИНСТИТУТ ОБЛАВНЫХ ОХОТ
И ВОЕННОЕ ДЕЛО КОЧЕВНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

А. К. КУШКУМБАЕВ

ИНСТИТУТ ОБЛАВНЫХ ОХОТ И ВОЕННОЕ ДЕЛО КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Кокшетау
2009

УДК 94 (574)
ББК 63. 3 (5 Каз)
К 96

Печатается по решению Ученого совета
Кокшетауского университета

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор В. Ф. Зайберг

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Ю. С. Худяков;
кандидат исторических наук Л. А. Бобров;
доктор исторических наук А. К. Камалов.

Кушкумбаев А. К.

**К 96 Институт облавных охот и военное дело
кочевников Центральной Азии. Сравнительно-
историческое исследование. – Кокшетау: Келешек-
2030, 2009. – 170 с.**

ISBN 978-601-231-160-0

В книге рассматриваются проблемы и особенности становления и формирования военного дела в кочевых обществах Центральной Азии, с привлечением значительного массива разнообразных источников: письменных сведений, этнографических материалов, археологических работ, исторических исследований и специальной военной литературы. Как следует из изученных материалов, в выработывании и генерации основных составных частей военного дела центрально-азиатских нomaдов – военная организация, тактика ведения боевых действий, оружейный арсенал – видное значение имел милитаризированный институт облавных охот, выполнявший многофункциональную роль в подготовке вооруженных сил древних и средневековых кочевых государств.

Издание предназначено для историков, военных специалистов, этнологов, археологов, преподавателей, студентов и всех тех, кто интересуется военно-историческим прошлым кочевых народов.

УДК 94 (574)
ББК 63. 3 (5 Каз)

К 0503020905
00(05) – 09

ISBN 978-601-231-160-0

© А. К. Кушкумбаев, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ОБЛАВНЫЕ ОХОТЫ И ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.	8
1.1. Историческое значение облавной охоты в кочевом социуме	8
1.2. Институт облавных охот и военная организация кочевников	26
ГЛАВА II. ТАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЛАВЫ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО НОМАДОВ.	47
2.1. Особенности формирования военной тактики	47
2.2. Тактика облавы и военные действия номадов	53
ГЛАВА III. ОБЛАВНАЯ ТАКТИКА И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ АРМИЙ XIII–XV вв.	81
3.1. Военно-облавные приемы в армии Чингиз-хана ...	81
3.2. Роль тактики облавы в военно-оперативной практике монгольских и золотоордынских войск	91
ГЛАВА IV. ВЗАИМОСВЯЗЬ ОРУЖИЯ ОХОТЫ И ВОЙНЫ В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ	116
4.1. Соотношение охотничьего и боевого оружия	116
4.2. Лук и стрелы как основное орудие охоты и оружие войны номадов Центральной Азии	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141
Литература	147
Список сокращений	167

*Эта книга посвящается памяти
выдающегося казахстанского
кочевниковеда*

Нурбулата Одигеевича Масанова

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение номадизма на мировой арене в начале I тыс. до н. э. сигнализировало соседним оседло-земледельческим народам и странам, что кочевники для них — это не только носители совершенно другой культуры и образа жизни, но и прежде всего главные соперники в военном деле. Военизированный уклад жизнедеятельности номадов получил адекватное отражение в письменной традиции оседлых и кочевых народов, устно-эпическом жанре и в изобразительном искусстве на широких просторах Евразии. Проблемы изучения основных компонентов военного дела древних и средневековых кочевых народов Евразии всегда привлекали внимание исследователей. В эту эпоху кочевники стали решающей военно-политической силой на континенте, занимая и контролируя геостратегические центры, регионы и трансконтинентальные торговые караванные маршруты, соединяющие Восток и Запад, Север и Юг. Несомненно, что основными причинами появления войны как социального явления являются экономические (материальные) условия существования того или иного общества.

Эффективная деятельность военной организации может осуществляться только с помощью специально подготовленных средств — предметов вооружения. В этой связи военное дело есть совокупность трех неразрывных составляющих: военной организации, стратегии и тактики ведения войны и оружейного комплекса. Именно в военно-технической области как шел в прошлом, быстро и заметно, так и идет до сих пор прогрессивный процесс появления все новых и новых видов оружия и их перманентное распространение на огромных территориальных пространствах.

Можно особо отметить, что производство оружия в военном деле сарайских номадов носило на протяжении длительного времени перманентно-поступательный характер развития, вплоть до периода позднего Средневековья и Нового времени. Данное обстоятельство можно объяснить в целом

быстрой и материально заметной расширяющейся военной деятельностью, которая закономерно сопровождалась непрерывным ходом и процессом инноваций, заимствований и взаимовлияний в военной области. Установить (или точнее, привязать), на (к) какой территории и когда именно появился тот или иной вид, тип оружия (независимо, касается это защитного или наступательного), очень трудно (иногда почти невозможно), так как ареал его исходного местонахождения мог быть достаточно широким. К тому же плохая сохранность изначальных образцов оружия (в частности луков) не дает полных оснований выделить точно какой-то исходный вариант (прототип). Вместе с тем изучаемый оружейный инструментарий – это определенный показатель материально-технического развития, ремесленного производства, экономических возможностей и социальных отношений, существовавших в историческом прошлом.

Научные работы, посвященные этой интересной и многогранной теме, делают главный упор на изучение комплекса вооружения (материальное описание остатков оружия, условная реконструкция боевых средств, разносторонняя классификация, типология, вопросы происхождения отдельных видов оружия, сравнение предметов вооружения кочевых и оседлых этнокультурных общностей и т. д.). Несомненно, что специальные оружейно-технические исследования в этом направлении достигли весомых научных результатов и заложили достаточно надежную основу для последующего глубокого изучения и осмысления [Худяков, 1980, 1986, 1991, 1997; Бобров, Худяков, 2008; Горелик, 1979, 1983, 1987, 2002 и др.]. С другой стороны, приходится констатировать, что появление таких составных частей военного дела, как военная организация, особенности стратегии и тактики ведения боевых действий армий кочевых государств и народов, пока в меньшей степени привлекают интерес специалистов. Думается, без подробного рассмотрения этих сторон военного дела затруднительно говорить о военном деле в целом, так как социальный механизм войны более всего проявляется именно в военно-организационной структуре и его оформлении, технике, способах и методах проведения боевых операций.

По разным аспектам военной истории кочевничества на территории евразийского степного пояса имеется в целом немалый письменный и этнографический материал, позволяю-

ций проследить закономерные явления возникновения и эволюции отдельных элементов военного дела. К таким общекочевническим закономерностям относится традиционная военная организация, которая имеет у многих кочевых народов ряд принципиальных (фундаментальных) сходств, что, по всей вероятности, может говорить об их общих истоках. На протяжении почти всей истории кочевничества на территории Евразии военно-организационные основы вооруженных сил кочевых народов, как известно, возникших в древнейшую эпоху, не претерпели существенных изменений. Речь идет о дуальной (позднее триальной) форме организации войска и народа. В этом же ряду стоит проблема известной военно-иерархической системы – «десятичного принципа». Данный феномен требует своего объяснения. В кочевничестве уже предлагались различные концепции, высказывались интересные точки зрения по этому вопросу [Крадин, 1992, с. 138–143; Трепавлов, 1993, с. 75–102, с. 126–128, примеч. 92, 93, 94, 95, 105, 107, 112, 118, 116, 122, 123, 124, 126, 128. Историографию проблематики см. там же].

Яркой запоминающейся стороной военной культуры евразийских кочевых народов являлось специфическое военное искусство, эволюционировавшее на протяжении столетий и тысячелетий. Способы ведения войны, так же как и военная организация, – это показатель достигнутого экономического и социального уровня развития общества, материально-технических возможностей средств и сложившегося традиционного образа жизни кочевников. Характерные черты и потенциал военной организации, набор предметов вооружения того или иного социума воплощались в военно-тактических способностях войска практически решать боевые задачи. Методы осуществления военных действий и в целом военная деятельность человека, государства, народа, как ни банально это звучит, есть составная часть культурных достижений этого общества – элемент военной культуры. Причем это касается не только имеющегося в наличии текущего военно-технического (оружейного) арсенала, но и военного искусства как такового, которое есть не что иное, как практическое осуществление планируемых целей (нападение, оборона). Говоря в общем, военное искусство (стратегия и тактика) – это концентрированное выражение военно-организационной структуры армии (сильных и слабых его сторон) и военно-матери-

ального инструментария, которым обладает данное общество, и оно несет в себе определенные особенности.

К военному делу древних и средневековых кочевников Евразии, уходящему своими истоками в глубокую древность, проявляли пристальный интерес полководцы и военные специалисты оседло-земледельческих стран, а также хронисты, летописцы, послы, путешественники, оставившие значительное количество письменных источников, из которых можно узнать о некоторых характерных сторонах военного искусства кочевников. Особенно много таких ярких свидетельств современников, да и более поздних авторов, осталось о временах монгольских завоеваний. Опираясь на эти материалы, можно отметить, что многие военно-тактические приемы средневековых монгольских армий, составлявшие ядро их военного искусства, возникли задолго до появления монголов на мировой арене. Чтобы прояснить этот вопрос, необходимо обратиться к канонам военного искусства кочевников. Рассмотрению этих специфических черт военного дела кочевников и посвящено данное исследование.

Завершая вводную часть, хочу выразить слова благодарности моему давнему наставнику – директору Института востоковедения МОН РК М. Х. Абусентовой. Особое место в моем исследовательском поиске занимал известный казахстанский кочевниковед – мой учитель Н. Э. Масанов, оказавший самое серьезное влияние на формирование моего научного мировоззрения и с которым связаны самые теплые воспоминания. Навсегда в моей памяти останется Ю. А. Зуев, охотно делившимся собственным обильным и оригинальным интеллектуальным «багажом». Считаю приятным долгом искренне поблагодарить научного редактора – В. Ф. Зайберта и рецензентов книги – признанных специалистов-профессионалов: Ю. С. Худякова (г. Новосибирск), Л. А. Боброва (г. Новосибирск), А. К. Камалова (г. Алматы). Также признательность уважаемым российским коллегам: В. В. Трепавлову (г. Москва), Н. Н. Крадину (г. Владивосток), В. П. Костюкову (г. Челябинск), М. В. Горелику (г. Москва), И. М. Миргалееву (г. Казань), А. А. Астайкину (г. Москва), Р. Ю. Почкаеву (г. Санкт-Петербург), Р. И. Храпачевскому (г. Москва) В. Я. Бутанаеву (г. Абакан), и многим другим за поддержку, безграничную отзывчивость, консультации и помощь.

ГЛАВА 1. ОБЛАВНЫЕ ОХОТЫ И ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1.1. Историческое значение облавной охоты в кочевом социуме

Общепризнанно, что военная организация государства, народа (в ранней истории союза племен) отражает особенности государственного, административного, политического устройства, системы управления, военно-технических средств, которая зиждется на уровне экономического развития, социальной структуры населения, исторически сложившихся общественных отношений и географических условий. В древний и средневековый периоды регион местообитания, организация хозяйственной жизни и сопутствующий род занятий формировали экономический уклад общества и были определяющим детерминантом социального развития.

Не претендуя на полноту освещения всего спектра вопросов, которые касаются этой темы, можно в то же время указать, что на появление и формирование традиционной военной организации кочевников оказали заметное влияние два взаимодополняющих обстоятельства их хозяйственной деятельности — экстенсивная кочевая экономика, с одной стороны, и широкое распространение охотничьего промысла (загон, облава), с другой. Коллективная охота (облавная) была одной из основных отраслей присваивающего хозяйства, представлявшая собой преследование и добычу диких зверей, находящихся в естественном состоянии свободы. В общей классификации охотничьего промысла облавная охота относится к так называемой активной (высокомобильной) ее форме, которая в отличие от пассивной требовала привлечения значительного коллектива людей. Различные способы охоты на отдельные виды животных были связаны с местообитанием и экологией их поведения в рамках естественно сложившегося здесь биоценоза.

Во всем мире в последнее время идет возрождение интереса к охоте и охотничьей культуре. В конце XIX в. вышла фундаментальная 4-томная книга генерал-майора Н. И. Куте-

пова, заведующего хозяйственной частью императорской охоты в царской России, охватывающая период начиная с древности до Нового времени [Кутепов, 2005]. В работе системно изложено развитие охотничьего промысла, особые тонкости псовой и птичьей охоты, рассказывается об охотничьем быте, снаряжении, поверьях и заклетьях, о породах собак и лошадей, охотничьих угодьях, о составе чинов и служителей царской охоты, о ее утилитарном и политическом значении. В недавно изданной книге профессора Т. Т. Оллсена всесторонне проанализирована королевская охота от старины до XIX столетия, которая была жизненным компонентом политических культур Ближнего Востока, Индии, Средней Азии, и Китая. Королевские охоты функционировали как инспекционный тур и имперское продвижение, как средство утверждения королевской власти над окружающей территорией. В установлении межгосударственных отношений большие охоты использовались и как средство демонстрации армии, государственной мощи, и как определенный способ передачи дипломатических сигналов. Войны иногда начинались как охоты и заканчивались как праздничные преследования. Большие охоты часто понимались как своего рода тайное обучение вооруженных сил. Королевская охота была подчинена той же самой строгой дисциплине, и поскольку это применялось в войне, то это было также источником новаций в военной организации и тактике. Охотничьи парки были центрами ботанического обмена, военных складов, ранних запасов хранения. Занятие охотой использовалось между политическими лидерами (партнерами) как дипломатические инструменты, а внутри господствующего слоя — чтобы создать близкую им элиту, повысить ее политическую преданность и влияние на нее [Allsen, 2006]. Можно сказать, что охота издревле была важной частью социальной жизни общества.

Уже в эпоху палеолита охота становится главной (жизненно необходимой) частью сложившегося хозяйства и во многом определяет дальнейшее развитие общества [Массон, 1976, с. 21–22, с. 131]. До эпохи неолитической революции повсеместно был распространен в целом единый хозяйственно-культурный тип (ХКТ) охотников и собирателей. Из древнейшей истории человечества известно, что первобытные общины широко практиковали коллективные охоты, то есть загоны на диких зверей. Техника этого промысла первоначаль-

начально была примитивная. В качестве средств охоты использовались каменные и деревянные орудия. Со времени появления более совершенных орудий — копей, дротиков и, самое главное, лука и стрел — происходит дальнейшее расширение и специализация охотничьего промысла и увеличивается численность охотников. В больших загонных охотах участвуют до 100 и более людей. В древних оврагах до сих пор находят сотни и тысячи останков различных животных (зубры, олени, лошади, бизоны, козы и т. д.) с многочисленным количеством (несколько сотен) наконечников копий, дротиков. На какой стадии и как произошел переход от простой загонной ловли зверей к более результативной — облавной, достоверно пока неизвестно. В истории охоты они сосуществовали всегда параллельно.

В степных аридных районах Евразии, включая начальную эпоху бронзы, охота была одним из основных видов хозяйственной деятельности проживавших здесь племен. Это подтверждается обнаруженным и изученным богатым остеологическим материалом. Так, более 90% костей различных видов животных принадлежит копытным, что указывает на его «мясо-пищевую» направленность охоты [Андрианов, 1981, с. 256; Макарова, 1978, с. 130–139; Косинцев, 1989, с. 102; Косинцев, Стефанов, 1989, с. 109, 115; Ахинжанов, Макарова, Нурумов, 1992]. Среди ценных источников по древнейшей истории выделяются наскальные изображения — особый вид зародившегося в древности искусства, в которых хорошо представлены различные стороны жизни, в том числе «и сцены охоты людей на козлов и архаров», а сюжеты «загонной охоты на козлов с помощью собак — канонизированный сюжет для наскальных изображений Каратау. В известных... скоплениях петроглифов он повторяется 81 раз» [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 159, 175, 218; Самашев, 1992, с. 114–119]. Петроглифы, на которых показаны сцены охоты (см.; рис. Солдатово — Ешкиолмес). Указанные наскальные изображения можно представить как облавную охоту людей (кочевников?). Пешие и конные лучники, выстроившись (цепью?), стреляют на ходу, преследуя животных [Самашев, 2006, см. рис.]. Существенной проблемой наскальных рисунков как источников является как интерпретация изображений, так и их хронологическая привязка к определенному временному рубежу. Наскальные изображения (рисунки, петроглифы) интересны для нас тем, что

позволяют все же, на мой взгляд, наглядно убедиться в том, что древние охотники применяли среди различных видов коллективных охот и облавные. Проведение больших коллективных охот спланировало племя, род, обуславливало характер формирующихся социальных взаимоотношений внутри них.

Выработанные и функционирующие на протяжении опыта многих поколений организация, материальные средства охоты, охотничьи пути, состав охотничьего сообщества становятся сложившейся и иногда консервативной системой, которая менялась в зависимости от уровня освоения окружающей среды, domestikации диких животных, технических инноваций. Огромную роль в становлении облавной охоты у скотоводческих народов сыграло приручение и одомашнивание лошади, проходившей, по общему мнению специалистов, в эпоху позднего неолита-энеолита. Известный советский антрополог В. П. Алексеев считал первыми коневодами неолитические племена степных областей юго-восточной Европы [Алексеев, 1984, с. 439-440]. Так, в евразийской зоне Ботайский ХКТ, сложившийся на территории Северного Казахстана в период энеолита, можно охарактеризовать как «общество ранних коневодов, конных «охотников» и рыболовов», причем именно в это время идет «процесс приручения лошади» и коневодство становится важнейшей отраслью хозяйства в структуре многоотраслевого скотоводства, а само «использование лошади коренным образом изменило условия охоты в пользу человека и несравненно увеличило производительность труда» [Зданович, Зайберг, 1989, с. 81-82]. Работы последнего времени, в частности, многолетние исследования профессора В. Ф. Зайберга по ботайской культуре, показали, что лошадь стала использоваться по крайней мере на 1000 лет раньше чем считалось ранее. На территории Северного Казахстана британскими и казахстанскими исследователями найдены доказательства того, что представители ботайской культуры уже 5,5 тысяч лет назад приручили лошадь [Новое открытие].

При всей сложности процесса domestikации лошади и так называемой проблемы «*Fahren und Reiten*» для нас в рамках рассматриваемой темы главное значение приобретает освоение человеком лошади не только как упряжного животного, но прежде всего как верхового коня и появление первых всадни-

ков в середине II тыс. до н. э.¹ По своим биологическим, экологическим, техническим характеристикам конь считается одним из наиболее выносливых домашних животных, который «был способен в суровом климате степных и горно-степных регионов в течение круглого года находиться на естественных пастбищах». Кроме того, «наличие лошадей позволило кочевнику вести подвижное хозяйство, гарантировало надежность жизненных коммуникаций, служило важнейшим фактором военного могущества, давало человеку питательную высококалорийную пищу – мясо и кумыс, обеспечивало кожей для изготовления утвари и обуви, волосом – для арканов-верев, сухожилиями – для нитей и другими продуктами, столь необходимыми в быту, служило мерилем богатства» [Вайнштейн, 1991, с. 208; см. также Ковалевская, 1977; Масанов, 1995, с. 67–68].

Освоение верховой езды и появление на этой основе такого явления, как «всадничество», стало существенным фактором в географическом и экологическом познании среды обитания, ускорило переход от комплексного охотничье-собираательского, скотоводческо-земледельческого хозяйства к другим прогрессивным (адекватным) формам утилизации природных ресурсов. Все это дало возможность расширить район охотничьего промысла, позволило древним охотникам достичь необходимой мобильности и скорости в преследовании диких животных. В Восточной Сибири «на одном из рисунков возле деревни Шишкино изображены три сильно стилизованные звериные фигуры, похожие на фигуры кабанов. Зверей преследует конный охотник с луком и колчаном. Навстречу зверям мчится другой всадник, приготовившийся стрелять в набегающих зверей из лука» [Жаргалов, 1996, с. 59]. В петроглифах Шивээт Хайрихина, относимых к древнетюркской эпохе, четко

¹По сведениям американскогономадоведа Т. Дж. Барфилда степные культуры, применявшие верховую езду на лошадях появились в западной части евразийского региона приблизительно в 900–800 гг. до н. э. [Барфилд, 2009, с. 73]. Тем самым, он увязывает выход первых кочевников – киммерийцев и скифов с усвоением ими культуры верховой езды. Возможно, это мнение в свете новых данных уже несколько устарело.

зафиксированы изображения всадников и пеших лучников, охотившихся облавным способом на козлов [Кубарев, 2001, с. 155–159. Рис. 3].

Коллективные охоты (загон, облава) имели широкое распространение в ранней истории многих народов мира. Иньские гадательные надписи, датируемые серединой – второй половиной II тыс. до н. э., вырезанные на черепаших панцирях и костях животных, содержат факты о практиковании древними китайцами облавных охот. Позднее насельники равнин р. Хуанхэ и Янцзы постепенно перешли к экономически эффективному ирригационному земледелию и придомному скотоводству и со временем забыли эти охотничьи навыки [Жаргалов, 1996, с. 44–46]. Вековые традиции охотничьего промысла дольше «жили» у народов и этнических групп, стоящих на так называемом экстенсивном пути развития.

Занятие охотой было одной из неотъемлемых естественных сторон повседневного быта ХКТ кочевых народов Евразии. В кочевниковедческой литературе достаточно обоснованно высказано убедительное мнение о значительной роли охотничьего промысла в происхождении номадизма. В 40-х гг. XX в. В. Н. Кун обратил внимание на то, что в евразийской зоне степей, полупустынь и пустынь приручение диких животных возникло путем постепенного выпаса, чему «предшествовало непрерывное следование охотников за стадами животных, которыми они питались». Такая форма овладения стадом животных охотничьими племенами требовала от человека знания разнообразной информации о физиологических особенностях, естественных привычках и потребностях одомашниваемых животных, пищевом рационе, об экологических и природно-климатических условиях обитания этого вида. Тем самым «долгие тысячелетия человек должен был прожить охотником и собирателем, прежде чем накопил опыт, позволивший ему стать пастухом»², и охота долгое время была основной отраслью хозяйства [Кун, 1947, с. 20]. Другой путь, тесно связанный с первым, заключался в том, что с появлением племен, специализирующихся на разведении домашних животных, охотники через захват и угон их стад перенимали

²В. П. Алексеев как-то заметил, что «начатки разведения животных закономерно продолжали и развивали приобретенный ранее охотничий опыт» [Алексеев, 1984, с. 440].

соответствующие скотоводческие навыки по содержанию стада.

Один из видных этнографов, занимавшийся в течение ряда лет проблемой происхождения оленеводства в Восточной Сибири и становления кочевничества в Центральной Азии, С. И. Вайнштейн, пришел к выводу, что охотничьи племена Сибири, Саянского очага, переняли «одомашненных оленей у своих оседлых соседей». Это позволило ему сделать предположение «о принципиальной возможности заимствования подвижными охотничьими племенами domesticiрованных животных у соседних народов, знакомых со скотоводством (не только с оленями, но и другими животными), и формирования на этой основе пастушеского номадизма». Такое понимание генезиса номадизма подкреплено практическими доводами, т. к. «переход от подвижного охотничьего быта к скотоводству не требует от охотников резкой ломки сложившихся форм жизни». К тому же заимствовались такие домашние животные, которые отвечали их потребностям: в таежной зоне для охотников — это олень, в степной и лесостепной зоне — лошадь, в аридных районах наиболее адаптированные — верблюд, осел [Вайнштейн, 1991, с. 285]. В этом плане интересен пример, когда индейские племена охотников и собирателей Северной Америки, не знавшие домашних животных до XVI–XVII вв., приобретая лошадей, постепенно перешли в прериях к подвижному образу жизни с характерными кочевническими приемами и к XVIII в. стали типичными «кочевыми» коневодами, очень близкими евразийскимномадам древности и Средневековья. Все это дает возможность считать, что становление «пастушеского номадизма» и кочевого скотоводства как системы хозяйства шло именно через восприятие пешими бродячими охотниками домашних транспортных животных у соседей.

В условиях первоначального номадизма «раннекочевнические объединения стремились к приобретению все новых и новых пастбищ для растущего поголовья скота... Это требовало объединения в большие племенные союзы, способные создавать мощную военную организацию, обеспечивать экспансию и защиту» [Вайнштейн, 1991, с. 286–287]. Независимо сходную точку зрения выдвинул известный казахстанский кочевниковед Н. Э. Масанов, который, разбирая характер адаптации естественно-географического ареала зарождающегося

кочевничества, показал, что «охота стала той ступенью, которая обеспечила переход от пастушеского скотоводства к номадизму и одновременно стала способом освоения новой экологической ниши». В целом такое представление подтверждается тем, «что миграции диких парнокопытных животных аридной зоны Евразии (сайгаков, джейранов, куланов, диких лошадей и верблюдов) во многом аналогичны перекочевкам номадов».

По мере роста численности домашних животных возникла настоятельная необходимость в расширении кормовых ресурсов пастбищных территорий, и охота, прежде всего облавная, стала особым механизмом «очищения» занимаемой экологической ниши у ранних кочевников от конкурентных диких животных [Масанов, 1995, с. 35, 37]. Данное соображение можно считать удачным и стоит принять во внимание³. Но при этом такие акции происходили, по всей вероятности, стихийно (спонтанно) и осознавались охотниками как обычная добыча пищевых ресурсов, кожи, шкур, рогов, костей и других материальных продуктов ввиду их острой нехватки, и какое-то целенаправленное уничтожение животных здесь трудно увидеть. К тому же уничтожение животных не носило, по-видимому, тотального характера. Так, у североамериканских индейцев на уровне религиозно-магического представления существовали живая связь с окружающей природой и табу на полное истребление животных. По преданиям индейцев-киова «Великий Дух» сделал следующее предсказание: «Вот бизоны. Они бу-

³Л. Н. Гумилев в одной из своих работ пришел к интересному выводу, что тюрко-монгольские кочевники Центральной Азии «настолько приспособились к степным ландшафтам, что их хозяйственная деятельность так тесно сомкнулась с процессами, происходящими в природе [выделено мной. — А. К.], что они стали в известном смысле как бы частью освоенного ими ландшафта, или верхним, завершающим звеном биоценоза степей. Их стада вытесняли диких копытных, лишая их пастбищ и воды из немногочисленных источников. Степные собаки и прирученные орлы (?) истребляли волков, благодаря чему интенсивно размножались овцы — основной скот кочевников в евразийской степи. Таким образом, человек заменил собой крупного хищника, регулирующего обилие в естественных условиях прирост травоядных животных» [Гумилев, 1994, с. 24]. Критику такого понимания (см. [Масанов, 1984, с. 126]).

дуг давать вам пищу и одежду, но в тот день, когда вы увидите, что они исчезли с лица Земли, знайте — конец кивова близок и солнце закатится». Поэтому «индейцы никогда не убивали бизонов больше, чем это было необходимо им для питания и хозяйственных нужд» [Солдаткин, 1991, с. 143].

В то же время не совсем ясна форма (техника), сроки и организация такого «отстрела» конкурентов, в которой, вполне вероятно, были задействованы все боеспособные члены племенного сообщества, группировавшиеся в отдельные отряды. «Племя, включавшее в себя целый ряд экзогамных родов, охотилось в нем своим составом приемом облавы. Стало быть, охота носила характер общеплеменного действия, имевшего своей задачей массовый загон и забой зверя с последующим дележом добычи» [Кун, 1947, с. 20]. Такая охотничья организация, несомненно, требовала централизации управления и координации действий ее участников, которую выполняли выделявшиеся лидеры (руководители), имеющие опыт, обладающие навыками и необходимыми знаниями.

Вместе с тем я не склонен абсолютизировать значение охоты в генезисе номадизма в целом и согласен со сбалансированным (рациональным) мнением тех специалистов, которые считают, что «возникновение кочевого скотоводства было явлением столь сложным и многогранным, что каким-либо одним изолированным фактором объяснить его невозможно. К тому же в этом процессе следует отличать локальные особенности от универсальных тенденций и закономерностей» [Khazanov, 1994, p. 89; Хазанов, 2000, с. 179]. Так, климатические флуктуации имели огромное значение в истории возникновения кочевого скотоводства, которые объективно могли выполнять функции необратимых внешних «толчков» и «сдвигов».

Тем не менее, по-видимому, закономерно, что такая хозяйственная организация, как большая коллективная охота, зародившись в глубокой древности, получила широкое распространение среди кочевых и подвижных (полукочевых?) племен Сибири, Центральной Азии, евразийского пояса степей, ведущих мобильную хозяйственную жизнь, и была, видимо, изначально постоянно действующим социально-хозяйственным институтом. Таким образом, охота имела ведущее значение в экономике древнего общества и могла влиять на многие стороны

общественной жизнедеятельности человека и, конечно, на военную.

Сохранившиеся письменные источники убедительно свидетельствуют о проведении кочевыми народами Великой степи облавных охот, которое также нашло отражение в богатом устном фольклоре номадов позднес. Одни из первых таких известий фиксируются до нашей эры в летописях Среднего государства, в которых хунны «во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевою охотой и тем пропитываются», «они (хунну) в нескольких десятках тысяч копницы занимались охотой близ границы, нападали на пограничные посты». Накануне своего прихода к власти знаменитый Маодунь-шаньюй постоянно находился на охоте со своими воинами, которая, безусловно, представляла собой облавную ее вариант. Стоит обратить внимание на то, что грандиозные облавы проходили под руководством верховных правителей: «шаньюй со 100 000 конницы производил облаву близ китайской границы». Хуннский шаньюй «...послал войска численностью более 1000 человек на охоту...» и т. д. В эпоху Тюркских каганатов «тукюесцы, страшась, чтобы императорское войско не воспользовалось худым их положением, вступили с своим войском в Шо-чжусу — под предлогом для звериной ловли», «тукюесцы, следуя за травой и водою, занимаются звероловством, не имеют постоянного местопребывания и упражняются только в военных делах», «когда подходили к горам Гинь-я-шаль, войско ханово занималось звериною ловлей» [Бичурин, 1950, с. 40, 46–47, 79, 84, 254, 274, 292; Кюнер, 1961, с. 62; Материалы, 1968, с. 80]. В верховьях Енисея давно обнаружены наскальные рисунки (известные в ученом мире как «Сулекская писаница»), относящиеся к эпохе господства енисейских кыргызов, на которых изображены пара всадников, которые двигаются навстречу на лошадях и окружают лесных диких зверей — одного оленя и трех косуль. Наездники на полном скаку стреляют из луков и поражают стрелами животных. На другом изображении показаны два охотника, которые загоняют горного козла в круг облавы и точно стреляют в него. На этом же рисунке видны пешие охотники (сидящие в засаде?), стреляющие из лука с колена по набегавшим на них диким животным. В облавах принимали участие и охотничьи (гончие?) собаки [Жаргалов, 1996, с. 61 рис.]. По всей вероятности, облавы и загонны прохо-

дили в виде комбинированного участия как конных облавщиков, так и пеших охотников, в которых одна группа сгоняла и направляла на засаду зверей, а другая встречала и расстреливала с насиженных удобных позиций.

Первый китайский источник по истории иноземной династии Ляо – «Цидань го чжи» неоднократно сообщает об облавных охотах киданей, у которых она была, как известно, тренингом для армии. О том же говорят косвенные сведения по истории кыпчаков домонгольского времени [Е Лун-ли, 1979, с. 48, 62, 75, 122, 125–126; Ахинжанов, 1989, с. 255; более подробно об облавах кочевых народов см. Жаргалов, 1996, с. 47–68].

В раннем Средневековье начинают создаваться специальные закрытые «заповедные зоны» для проведения массовых охот в военных целях. Так, каган тюркешей Абу Музахим (Сулук) «приказал своим людям готовиться. У хаkana были заповедные луг и горы, к которым никто не приближался и не охотился там, они оставались для войны» [Волиц, 1960, с. 76]. Такая традиция создания пышных царских охотничьих парков, которые находились под управлением специально назначенных лиц (кушбеги, мир-и шикар) [Массон, 1953, с. 145–170; Дробышев, 2005, с. 30–47; о терминах см. Юдин, 1992, с. 37; Тарих-и Рашиди, 1996, с. 103; об охотничьих парках и резервациях см. Allsen, 2006], сохранялась в Средней Азии на протяжении всего Средневековья. Монгольские властители в своих улусах создавали свои охотничьи заповедники (*курук(э)*), уделяя этому серьезное внимание (Рис. 18). При Чингиз-хане должность устроителя охот занимал его старший сын Джучи [Джувайни, 2004, с. 29]. О его увлечении охотой в кыпчакских степях в период среднеазиатского похода (1221–1224 гг.) было известно в источниках, близких к монгольским правящим кругам [см. Allsen, 1983, p. 20]. У золотоордынских ханов в государственном аппарате существовал такой чин, как «начальник охоты» [ан-Насир, 2005, с. 197]. В Улусе Джучи значительная часть придворных чинов относилась к охоте: конюший, сокольник, барсник, волчарь, ловец, церемонимейстер, стольник [Березин, 1864, с. 458–459]. Помимо них имелось множество других придворных званий, связанных с охотой.

Как видно из этих лаконичных упоминаний, у древних хунну, средневековых тюрков, киданей, кыпчаков, тюркешей, монголов и многих других евразийских кочевников зверовая охота (облава) – это сформировавшийся военизированный ин-

ститут, в котором участвуют большие массы вооруженных людей под командованием руководителей (военачальников). Причем можно прямо выделить следующий факт – облавы организуются непосредственно перед военными действиями. Более того, охота и война, особенно для центрально-азиатских кочевников, – постоянные спутники их кочевой жизни, которые могли быстро переходить от одного вида занятий к другому, то есть от проведения массовых облавных охот на зверей к военным действиям против людей.

В последующем более детальное описание организации и хода облавных охот у центрально-азиатских кочевников можно встретить в сочинениях, написанных авторами периода монгольских завоеваний XIII в. Так, в «Хэй-да ши-люэ» (Краткие сведения о черных татарах) можно встретить такую характеристику монгольского образа жизни: «Круглый год [черные татары] занимаются охотой в поле» [Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 58]. Как дальневосточные, так и западные очевидцы, посетившие монгольские степи, сообщают сходные сведения. «Когда они [монголы. – А. К.] хотят охотиться на зверей, то собираются в большом количестве, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало-помалу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом как бы в круге, и тогда пускают в них стрелы», – передает Вильгельм де Рубрук в специальном разделе своего отчета «О животных, которыми они питаются; об их одежде и об их охотах» [Рубрук, 1957, с. 98]. Такую характеристику монгольской массовой охоты мог оставить, скорее всего, очевидец, которым и был Рубрук, или его информаторы. Перед нами стандартная кочевая облава с участием значительного количества охотников, которые заранее получили весть о наличии диких зверей в определенной местности. Далее четко подмечен основной технологический принцип облавной охоты – окружение, гон и замыкание зверей в круг, т. е. окружение и завершающий этап – расстрел оказавшихся в кольце. Иными словами, в целом можно представить весь охотничий процесс, состоявший из нескольких этапов: 1) разведка местонахождения животных, 2) сбор участников в большом количестве, 3) разделение охотников как минимум на две группы, которые приближаются «друг к другу» с определенной скоростью, 4) замыкание окружения и 5) массовый (выборочный?) забой согнанных зверей.

В разноязычных источниках полно упоминаний об организации облавных охот монгольских императоров: Чингиз-хана, Угэдэя, Мункэ, Хубилая (см. рис. 1, 2).

Ценные сведения по облавным охотам монгольских каанов имперского периода содержатся в произведении «Тарих-и Джахангүшай» Джувайни. Источник этот важен также тем, что наряду с подробным рассказом о монгольской охоте он сделал попытку дать этому явлению разумное объяснение и толкование для своего времени и сравнить его с «обычаями войны». Исходя из его повествования можно заключить, что большая охота устраивалась ханом «по наступлению зимней поры». Далее издавался специальный указ, доводившийся до войск, которые находились как в орде (ставке), так и поблизости нее с целью извещения их о подготовке к охоте. Такое распоряжение можно приравнять к изданию приказа о мобилизации войск в поход, так как в нем говорилось о снаряжении нескольких «человек от каждого десятка» низшего звена монгольской военной организации. Как известно, во время подготовки к военной кампании у монголов воинский набор проходил по единому принципу – «один или несколько человек от десятка». Причем как на специальном военном сборе мобилизуемые должны были приготовить оружие и другие необходимые средства «сообразно месту, где будет охота». Видимо, не случайно, по материалам хакасского эпического фольклора, мобилизация воинов – «эров» в войско проводилась в форме записи на облаву и называлась «*апхи пасханы*» – военные маневры, так как охота была основным способом обучения военной молодежи. Более того, у кочевников-тюрок «не делалось разницы между очередной облавной охотой и очередным походом на неприятеля» [Бутанаев, 2004, с. 20].

Рис. 1. Чингиз-хан на охоте с соколом. Фрагмент, рисунок на шелке, эпоха династии Юань. Музей Кабула

Рис. 2. Хубилай на охоте. Живопись на шелке, приписываемая Хуантао Лю, эпоха Юань. Национальный Палас Музеум. Тайпей

«Охотничье войско», так же как и на войне, распределялось на тактические единицы: правое, левое крыло и «середицу», возглавлявшиеся «великими эмирами», выступавшими «с женами, наложницами, а также яствами и напитками». Все это говорит как о масштабности задействованных людей, так и большом сроке предпринимаемой ханской охоты. По установившемуся многовековому обычаю перед охотой отправлялся специальный разведывательный дозор, который должен был добыть информацию о нахождении и численности диких зверей. По получении этих данных войско охотников, распределенное по крыльям и центру, разделяется и, получив охотничье задание, охватывает местность на огромном пространстве в течение одного или трех месяцев. Каждое крыло строится таким образом, чтобы занять (приблизительно равномерно) свой ответственный участок полукругом. Гон зверей осуществлялся в среднем темпе «не торопясь». В этот момент самым главным было не выпустить зверя из этого окружения. Для этого, безусловно, необходим был жесткий порядок, дисциплина как внутри рядовых охотников, так и координация и согласованность действий крыльев.

Такой сбор зверей, «словно стадо овец», мог продолжаться два-три месяца или более днем и ночью. Рашид ад-Дин особо подчеркнул закрепившуюся традицию в правлении Угэдэя уходить на «три зимних месяца в году» в охотничий загул [Рашид ад-Дин, 1960, т. II, с. 55]. Во время преследования направлялись быстрые гонцы с «охотничьими реляциями» от руководителей крыльев хану, где сообщалось о ходе движения, общей численности и виде, месте прохождения и направлении гонимых животных и т. д. Конечной точкой такой охотничьей операции становилось место смыкания кольца крыльями и середины, которая в окружности достигала «двух-трех парасангов», огораживаемая волосяными веревками, обмотанными кусками цветного войлока. Охотники-воины должны были выстроиться по этим линиям плотными рядами, «плечом к плечу», образуя тем самым огромный обруч, охвативший стада животных. В замкнутом кольце «львы встречаются с дикими ослами, гиены сдружаются с лисами, и волки беседуют с зайцами», котрые находятся там в плотном окружении, «настолько, что дикие звери не могут пошевелиться». После этого первым въезжает в круг хан со своими приближенными, и начинают первыми обстрел согнанных зверей, утомившись, они

уходят за пределы «нерге» (т. е. линия облавы), а затем вступают по порядку «царевичи, а за ними по порядку нойоны, военачальники и простые воины». Такая иерархическая последовательность в облавной охоте говорит об устоявшейся длительной традиции у кочевых народов Центральной Азии, принявшей характер обычного ритуала.

«Избиение» животных продолжалось несколько дней, и потом «пожилые люди и седобородые старцы смиренно подступают к хану, возносят молитву и просят сохранить жизнь уцелевшим животным и отпустить их в том месте, где ближе до воды и травы». Джувайни привел в своем повествовании легенду, услышанную от монголов, «как во дни царствования ка'ана [Угэдэя] так охотились однажды зимой, и ка'ан, чтобы лучше видеть сцену охоты, устроился на вершине холма; и тогда звери всех родов повернулись к его трону и от подножия холма подняли вой и издали стелания, словно прося о справедливости. Хан приказал отпустить всех зверей и приказал, чтобы ни одна рука не нанесла им удара». Такое «милосердие» по отношению к животным, видимо, было редким явлением и поэтому привлекло внимание персидского сановника и попало на страницы его книги. По окончании охоты велся учет убитых животных по видам. В случае невозможности произвести такой подсчет считали «только хищных зверей и диких ослов» [Джувайни, 2007, с. 13–15; см. для срав. Рашид ад-Дин, 1960, т. II, с. 41–42].

Так же как и при Угэдэе, в Юаньской империи эпохи правления Хубилая ханской облавой занимались в течение зимы (декабрь, январь, февраль) или холодный период года (рис. 2). По Марко Поло, охота проводилась «в окружности на шестьдесят дней пути» от столицы. Проживающему населению вменялось в обязанность приносить к ханскому двору «больших зверей, кабанов, оленей, антилоп, ланей, медведей и других, знатную часть из того, что наловят». Туши животных использовались в качестве пополнения мясного провианта для воинов, а обработанная кожа шла на экипировку армии. В структуре юаньского государственного ведомства, контролировавшего организацию ханской охоты, выделяются два лица — «*синис*», отвечавшие за охотничьих собак, причем «у каждого под началом десять тысяч человек; одни десять тысяч человек одеты одинаково в красный цвет, а другие — в голубой и всегда одеваются так, когда идут на охоту с великим ханом». При

выезде хана на охоту они занимали место по правую и левую сторону от него. Гон зверей проводился также плотным строем и занимал огромную территорию. Автор сам сопровождал хана на охоте, и поэтому это зрелище настолько его удивило и восхитило, что он отметил: «Любо посмотреть и на охоту, и на собак, и на охотников, заглядишься, скажу вам, на великого хана, когда он и князья кругом его скачут с кречетами по равнине, а собаки, смотришь, гонят с той и с другой стороны медведей, оленей и всяких зверей». Очень популярными были большие соколиные охоты с участием не менее десяти тысяч человек. В целях сохранения фауны для ханской охоты подданным великого хана было запрещено охотиться с марта по октябрь на зайцев, оленей, ланей, антилоп и т. п., за нарушение этих норм предусматривались жесткие наказания [Марко Поло, 1990, с. 104–107]. Все это показывает, что гигантские облавные охоты занимали большую площадь и приняли в Юаньской империи статус узаконенных государственных установлений.

Персо-тюркоязычные источники также несут упоминания об облавных охотах, проходивших на территории Казахстана XIV–XVI вв., в которых участвовали находившиеся здесь воинские подразделения. Так, в походе на Инга-тюре в 1388–1389 гг., приблизительно в районе юго-восточного Казахстана, войска Тимура, «пустившись в путь, дошли до местности Туграут, там они решили устроить охоту на диких ослов и поймали много зверья». Абдаллах-хан, расположившись весной 1582 г. в районе Улуг-Тага (Улытау, западная часть современной Карагандинской обл.), дважды отправлял своих воинов на охоту для пополнения пищевых запасов, и «вышли на охоту [люди] правого и левого крыла победоносного войска и направились в разные стороны» [Шами, 1973, с. 107; Шарафнаме-йи шахи, 1969, с. 280, 287]. У казахских кочевников традиции проведения облав на отдельных видов животных и хищных зверей (правда, в очень искаженной форме) дожили до второй половины XIX в. [Бабаджанов, 1996, с. 46–54; Вяткин, 1998, с. 69; Кэстль, 1998, с. 89]. Маньчжурские богдыханы династии Цин в Китае и Монголии продолжали степные правила организации больших облавных охот вплоть до XIX в., но по масштабам, срокам и численному составу они заметно уступали монгольским облавам Угэдэя и Хубилая. Для сравнения, у маньчжурских правителей в облаве участвовало 10 тысяч

человек с продолжительностью в среднем до 45 дней [Ковалевский, 1851, с. 27–29; Бурдуков, 1969, с. 96].

Как показывает история евразийского номадизма, коллективные охоты как неотъемлемый элемент системы жизнеобеспечения с момента возникновения кочевгого способа производства активно воздействовали на военную сферу жизнедеятельности общества. Поэтому взаимодействие облавы и военного дела в кочевых обществах выглядит вполне естественно. Как это выражалось практически, рассмотрим далее.

1.2. Институт облавных охот и военная организация кочевников

Исходя из имеющихся материалов, а также комплекса природно-географических условий, экологического ареала местообитания и системы материального производства номадов Центральной Азии можно считать установленным тесное взаимодействие между развитием кочевого скотоводства и занятием охотой как на стадии становления, так и в дальнейшей эволюции кочевничества.

Возможно, поэтому Б. Я. Владимирцов, подготовивший разностороннее исследование по общественному строю монголов, постоянно напоминал, что монгольские кочевые племена по образу жизни и ведению хозяйства можно подразделить на две группы: 1) лесные (звероловные) (*hoyin irgen*) и 2) степные (скотоводческие) (*keeriin irgen*). «В некоторых случаях» отдельные племена могли принадлежать и к тем и другим, так что «довольно трудно провести грань между «лесными» охотниками и «степными» скотоводами: были племена, стоявшие на переходной стадии, были племена или ветви племен, ответившие роды и семьи, которые то вели скотоводческое хозяйство, то занимались рыбной ловлей». Долгое время основным занятием монголов XI–XIII вв. было как скотоводство, так и охота. Таким образом, такое взаимопереплетение охоты и кочевого скотоводства стало достаточным основанием для него считать средневековых монголов одновременно «номадами-охотниками» [Владимирцов, 1934, с. 33–36, 41, 58–59]. Монголы, по свидетельству очевидцев этого периода, «живут только охотой, стреляя [зверя] из лука» [Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 45], «их обычаи – стрельба из лука и охота» [Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 37].

Как считает бурятская исследовательница С. Г. Жамбалова, «идеальный вариант кочевок, особенно зимних и осенних, представлялся в синтезе пастбищ, удобных для тебеневки скота и богатых охотничьих угодий. Мотивами перекочевок становились поиски благоприятного для ведения комплексного хозяйства сочетания» [Жамбалова, с. 25]. Например, хунны старались свои кочевые маршруты планировать так, чтобы они проходили по территории, где имелась возможность заниматься охотой, в том числе и облавной. Эти плодородные земли имели для кочевников стратегическое значение, которое понимали их противники. Один из китайских чиновников, Хэу Ин, являвшийся непреклонным врагом кочевников, в своем докладе на запрос императору писал: «По северной границе до Ляо-дун лежит хребет под названием Инь-шань, простирающийся от востока к западу на 1000 с лишком ли. Сии горы привольны лесом и травой, изобилуют птицею и зверем. Мода Шаньюй, утвердившись в сих горах, заготавливал луки и стрелы и отсюда производил набеги. Это был зверинец его» [Бичурин, 1950, с. 94]. В глазах кочевников лучшие пастбища — это земли с обильной травой и разнообразной дичью, из-за которых шли ожесточенные войны внутри кочевого мира, дальние походы и перекочевки.

Облавные охоты как необходимая часть комплексного хозяйства существовали у многих кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии долгое время. В XVIII–XIX вв. у скотоводов-хакасов Хонгорая, расположенной в центре Саяно-Алтайского нагорья, основополагающей формой охоты была облава — «аб», участниками которой были все мужчины аала (села). Охотники собирались и окружали заранее обозначенную местность концентрированным кольцом и с громкими криками сжимали круг [Бутанаев, 2004, с. 65–66].

Среди монголоязычных этносов виды, формы, структура, техника, технология, вооружение, снаряжение, исторические традиции и особенности коллективных охот бурят давно привлекли внимание исследователей, начиная с конца XIX — начала XX в., таких как М. Н. Хангалов, Д. А. Клеменц. Охотничье хозяйство бурят вплоть до начала XX в., несмотря на то, что его значение все падало в течение XIX в. [Залкинд, 1970, с. 59–66], занимало определенный удельный вес в их экономике, о чем свидетельствуют историко-этнографические материалы. Содержательная этнографическая база данных по

бурятской облавной охоте дает обильные и в целом достоверные сведения и необходимый фактологический материал по данной проблеме.

Существуют различные названия облавных охот. Так, в бурятском языке они передаются в следующих понятиях: «зэгтэ аба, аба хайдак (хайгта аба), хушуута аба, галимата аба». Не трудно увидеть, что общим для всех этих видов коллективных охот бурят является окончание «аба», которое означает «облава». В древнетюркском глоссарии слово «Ab» переводится как охота вообще [Древнетюркский словарь, 1969, с. 1]. В средневековом монгольском языке «аба» – охота, «абаѝ» – охотник [Поппе, 1938, с. 93]. Есть соблазн считать, что и русское слово «облава» есть не что иное, как продолжение от искомого «аб(а)». Возможно, что «облава» состоит из двух корневых обозначений: «об, (аб?)» (отсюда «облагать», «обложить») и + «лава», то есть определенный групповой порядок строящихся людей. У В. И. Даля «облава», «облова», «обловля» – выстроившиеся лавой или полукругом облавшики (загонщики), которые выставляют зверя из лесу, из камышей на стрелков или в тенета в большом числе [Даль, 2006, с. 179–180]. Поэтому «облавить» означает «охватить», «окружить». Выше в красочном пересказе Джувайни ханской охоты упомянуто слово «нерге» – линия, строй. Марко Поло, рассказывая о битве Ногай и Токты, пишет, что «сопились два царя на равнине Нерги» [Марко Поло, 1990, с. 215–216]. Г. В. Вернадский, комментируя этот сюжет, также переводит его с персидского (или соглашается?) как «линия». «Нерге» или «нерке» в персидском языке со временем стало обозначать и облаву. Этот термин употреблялся для определения организационного расположения монгольской армии на поле боя. Рашид ад-Дин, передавая рассказ об обстоятельствах встречи Чингиз-хана с руководителями племени джурьят, приводит монгольское название облавной охоты: «Однажды они все вместе выехали на охоту. На холме, именуемом Очал-Джалмак и расположенном посреди великой степи, они устроили облаву [джаргэ⁴];

⁴ Данный термин имеет тюрко-монгольские корни. Так, И. И. Березин в примечании 26 своей статьи «Нашествие Батые на Россию» объясняет, что это «слово принадлежит монгольскому и тюркскому языкам: в монгольском *дзеркэ* – ряд, строй; в тюркском *джерке* – ряд, образующий круг. Это слово имеет еще подобное же значение в

уту Чингиз-хана, т. е. центр [калб] охоты, присоединив к этому, свели вместе [цепь] облавы» [Рашид ад-Дин, 1952, т. 1, кн. 2, с. 88-89]. А. К. Акишев считает, что грандиозные облавы «жирга» (от монгольского "qurq" – "окружить", "обложить"), имеют прямое отношение к казахским законам хана Тауке – «Жеты Жарғы», так как последнее производное от них [Акишев, 2001, с. 34].

Подводя краткий итог, можно сказать, что «нерге» («нерке») и «джаргэ» («жирга») – это явления одного порядка, передающие определенный (в нашем случае функциональный) смысл: линия – строй – цепь, окружающие, охватывающие что-либо на местности.

персидском языке... (*нерге*). Этот круговой строй употребляется у монголов преимущественно на охоте, и от них перешел в нас под именем облавы, но у монголов сходилась круговой строй охотников к общему центру, у нас же облава не всегда состоит из кругового строя» [Березин, 1855, с. 91].

Наименования бурятских облав связывают с количеством участвующих в охоте людей. Например, если на охоту собирается 300 человек, то это «зэгэ(э)тэ аба» (см. рис. 3), при присутствии 500 – «хуиуута аба», свыше 1000 – «галишта аба» [Жамбалова, 1991, с. 87; Жаргалов, 1996, с. 147, 162].

Есть необходимость остановиться на каждом из перечисленных видов бурятских облав подробно. Более чем вероятно, что помимо внешних (числовых) объяснений названия облав напрямую связаны с особенностями структуры, внутренней организации, характерных выработанных способов (последовательность приемов), составляющих принципиальную характеристику того или иного вида охоты. Так, в частности специфической чертой «зэгэтэ аба» считается то, что район охоты специально огораживался воткнутыми кольями, между которыми протягивались волосяные веревки, к которым прикреплялись яркие цветные куски войлока, ткани, дабы звери не проскочили линию ограждения. В «Кратких сведениях о черных татар» данный вид охоты охарактеризован так: «Когда их правитель устраивает облавную охоту, всегда непременно собираются большие массы людей. [Они] выкапывают ямы и втыкают [в них] колья. [Последние] соединяются между собой волосяными веревками, а [к веревкам] привязываются [лоскутки] войлока и птичьего перья. [Это] как при ловле зайцев при помощи сети у китайцев. [Веревки] тянутся [кругом] до 100–200 ли. Так как на ветру колышутся перья [и лоскутки войлока], то перенуганные звери не осмеливаются перебежать. После этого [люди] окружают [огороженный участок, постепенно], прижимая [зверей к середине круга], ловят и бьют [их]» [Линь Кюн-и, 1960, с. 139–140; несколько иной перевод см.: Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 37–38]. По мнению С. Г. Жамбаловой, «зэгэтэ аба (зэгтэ аба)» с момента своего появления обозначало круговую охоту цепью с использованием «волосяных веревок и флажками» [Жамбалова, 1991, с. 90; дискуссия по названию см.: Жаргалов, 1996, с. 148–150].

При каанс Угэдэе, любители охотничьих зрелищ и забав, были построены облавные ограждения – загоны длиной в десятки (сотни?) км. Об этом сообщает Рашид ад-Дин: «Он приказал, чтобы на зимнем стойбище Онг-хин построили из кольев и глины ограду длиною в два дня пути. В ней сделали проходы и назвали чихик. Во время охоты непрерывно сообщали окрестным войскам, чтобы все они, построившись в

круг, шли к ограде и гнали туда зверя. Предусмотрительно оповестив [население в округе] на месяц пути, гнали добычу в чихик. Войска, выстроившись кольцом, стояли тесно, плечо к плечу. Сначала [в загон] въезжал каан с толпой и часок тешился и бил зверя, а когда прискучит, ехал на возвышенность посреди оцепления. Въезжали по порядку царевичи и эмиры, потом простые воины и били зверя. Потом часть отпускали для разводки. Бакаулы [«засадчики»? – Прим. пер.] делили добычу справедливо между всеми разрядами царевичей, эмиров и воинов и никого не обделяли. Все общество выполняло обряд целования праха и подношения даров, и после десятидневного праздника каждый род возвращался к своим юртам и жилищам» [Рашид ад-Дин, 1960, т. II, с. 41–42].

Если сравнить это с рассказом автора, процитированного выше, то общим здесь является «цепь облавы», но в данном случае здесь имеется в виду ограда, служившая установленной границей по гону зверей. Остатки этих сооружений до сих пор сохранились на территории Монголии. В Приаральском регионе, в районе Устюрта, обнаружены аналогичные каменные конструкции в форме гигантских стрел, тянущиеся на 50 км, которые сужаются в конце. По компетентному мнению, эти конструкции относятся к скифской эпохе [Жаргалов, 1996, с. 64, 98–107; Акишев, 2001, с. 34]. Создание таких специальных сооружений встречается позднее и в монгольских улусах. Хулагуидский Газан-хан после похода в северную часть Азербайджана сделал остановку в районе городов Билясувар и Хамашахрэ и отсюда начал охоту, двигаясь в направлении владений Талыш и Испахбад. По его приказу были построены «из жердей и хвороста две сходящиеся клином изгороди длиною в один день пути, так, чтобы между концами изгородей в широкой части клина расстояние было около одного дня пути, а в узкой пятьдесят гязов, и в тупике их сделали из дерева наподобие загона. После этого воины устроили облаву и гнали дичь, как то: горных буйволов, джуров, диких коз и ослов, шакалов, лисиц, волков, медведей и других всевозможных диких и хищных зверей во внутрь изгороди до тех пор, пока они все не собрались в том загоне. Поскольку они находились между обеими изгородями, а выхода не было, то они поневоле все попали в загон. Государь ислама с Булуган-хатун восседал на помосте, который построили в середине, и любовался на тех животных. Часть их перебили, а

часть отпустили на волю» [Рашид ад-Дин, 1946, т. III, с. 189]. Загнанных в круг мелких зверей поражали стрелами, крупных копьями, а раненых добивали пожарами. Насколько она была эффективна, можно судить по числу большого количества добытой там дичи.

Значительно от рассмотренной выше охоты отличалась «*аба хайдак*», в которой участвовала относительно небольшая группа до 300 человек. Видимо, главным ее назначением было то, что она проводилась непосредственно перед основной облавой, так как по времени она была относительно короткой, небольшой (от 15 дней до 2-х месяцев), отслеживающей охотой, с задачей разведать местность и найти местопребывания крупных стад зверей [Жамбалова, 1991, с. 91]. Таким образом, «*аба хайдак*» можно считать предварительной, подготовительной, разведывательной охотой для предстоящей крупной облавы.

Следующей известной разновидностью проведения облавной охоты была «*хушуута аба*». В сравнении с вышеуказанными при ней отмечена более устоявшаяся структура, имевшая взаимосвязанное расчлененное построение: вперед выдвигался передовой отряд (*туб*), напоминающий авангард, а позади него стояли правый и левый фланги. Такое охотничье построение было похоже на треугольную форму, направленную вперед. Да и само слово «*хушуут*» (букв. *выступ*) по-монгольски означало «*хошуурах* — «двигаться клином», *хошууд* — «построение войска типа клина или морды». Не лишена оснований вероятность того, что при «*ээгэтэ аба*» центр имел арьергардную (тыльную) позицию по отношению к крыльям, а при «*хушуута аба*» наоборот [Жамбалова, 1991, с. 90]. Не исключено, что в последнем случае *туб* мог отсутствовать вообще (например, если охотников было меньше необходимого) либо оттянут сильно назад. Эти две организационные структуры указывают на то, что в первом варианте («*ээгэтэ аба*») центр имел главное значение, потому что при смыкании кольца животных он заканчивал облаву, а во втором варианте растянутые крылья, состыковавшись на определенном расстоянии, выполняли завершение окружения.

Самой крупной, а также более значительной по количеству охотников и внушительной по своим масштабам облавой являлась «*галишта аба*». Это наименование было связано со словом «*галиша*», или «*галишин*» — вождь, предводитель, шаман. У

бурят *галша* – начальник родового или племенного огня. Как констатирует С. Г. Жамбалова, «это дает основание предполагать существование шаманской облавы, то есть облавы под руководством шамана, которая, по всей вероятности, была широко распространена в ранней истории бурят» [Жамбалова, 1991, с. 91]. Вслед за ней, если продолжить эту мысль, можно найти ее наличие и у других кочевых народов. Так, по данным археологов, в первой половине I в. до н. э. на территории северо-западного Кавказа появляется серия богатых мужских погребений с жезлами. Это объясняется тем, что в обществе идет процесс сближения духовной и светской власти, основанный на новом принципе, в соответствии с которым мужчина – воин – вождь – шаман. Вождь совмещает в себе качества шамана и воина, что в полной мере соответствовало требованиям организации социума и достигнутому динамичному образу жизни и общественному строю кочевников. Поэтому шаманизм постепенно становится господствующей религией в эпоху Средневековья [Шевченко, 2006, с. 152; о шаманах-баксы у казахов см. Жузбасов, 2007, с. 19 и др.]. Хотя в бурятской охоте участвовали только мужчины, это не исключает участия женщин (активное, пассивное) ранее.

В составе бурятских облавников имелось несколько иерархических этапов: 1) вся рядовая масса охотников называлась – «*абын зон*», собранная в группы по 20 человек, и подчинялась «*малгаю*»; 2) следующими выше по положению были «*захулы*», отвечающие за порядок линии облавы и соблюдение определенной дистанции внутри охотничьей цепи; 3) «*гар баяаши*» находились во главе крыльев облавы; 4) в центре находился «*тобша*» («*тубучи*»); 5) всей облавной охотой руководил и управлял главный распорядитель – «*галша*». Шаман «во время религиозных обрядов... – верховный жрец, в военных действиях – главный полководец» [Жамбалова, 1991, с. 92].

Средний уровень иерархической лестницы облавной охоты, состоявший из «*захулов*», был непосредственно связан с рядовым составом участников. В каждом крыле находилось по два «*захула*»: один располагался впереди фланга, другой замыкал линию облавы. Интересно, что слово «*захул*» (*захуул*, *захул*, *засул*), подчеркивает С. Г. Жамбалова, выступает здесь в значении «распорядитель, устроитель, часовой, офицер» [Жамбалова, 1991, с. 95–96]. Окончание этого слова – «ул» –

указывает, прежде всего, на его военное предназначение. Варианты этого слова в тюркских языках – «йасаул, жасауыл, ясаул, есаул» и обозначают должностное лицо, ведавшее размещением войска в бою, на смотрах, сановников на пирах и приемах. У В. И. Даля «ясаул, есаул (помощник) вообще старший военный помощник, правая рука, вроде адъютанта» [Даль, 1999, с. 681]. Происхождение этого слова связано с тюркским понятием «*Jasa* – строить, делать, устраивать» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 245]. Есть большая доля вероятности, что слова «захул, заһуул» (монг. языки) и «йасаул, ясаул, жасауыл, есаул» (тюрк. языки) первоначально имели смысл «устросение, усмотрение, распоряжение» в охотничьей практике, а затем трансформировались в значение военного термина в связи с изменением его функций (военная деятельность). У тюркских и монгольских кочевников за движение походных войсковых колонн и их размещение на поле брани отвечали специальные лица – «ясаулы».

Следующая ступень внутренней структуры облавы – «гар баряаша», папомним, руководители крыльев. Термин «гар» хорошо известен и переводится с монгольского языка как «рука, крыло». По сложившейся традиции у кочевых народов (монголов, ойратов) понятие «гар» входит в терминологию военного дела. Например, «зү(ү)н гар» – левое крыло, «барү(ү)нгар» – правое крыло; он гар – правый фланг, сол гар – левый фланг войска – в тюркских языках [Жамбалова, 1991, с. 94]. Естественно, здесь встает вопрос; что первично – организационные единицы традиционной облавной охоты или крыльевая система кочевых армий? Может, здесь настолько все «перешлетено» (см. в этой связи указания Б. Я. Владимирцова, приведенные выше), что не представляется возможным на этом этапе наших знаний найти «ключи» к пониманию этого феномена. Мне представляется, что есть основания полагать, что устоявшееся деление на фланговые крылья по своему происхождению было связано со структурой института облавы, а в последующем перешло в разряд основного боевого построения и военно-организационных частей кочевого войска. Надо также понимать, что оригинальная военная система кочевников не стояла на месте, а все время совершенствовалась и уже на более высоком эволюционном витке могла оказывать – и оказывала – влияние как в целом на общественное

развитие кочевничьего сообщества, так и на облавную охоту в частности.

Во главе всей организационной структуры облавной охоты стоял главный руководитель – «*тобша, галша*». Слово «*тоб (туб)*» означает «центр, центральный» и содержит в себе характеристику этого действующего лица как центрального, то есть находящегося в центре облавы [Жамбалова, 1991, с. 94]. Основной задачей центра на охоте было заключить, замкнуть, завершить кольцо облавы. «*Тобша*» тем самым исполнял роль координатора, регулятора «механизма» облавы, отдавая непосредственные приказы и распоряжения нижестоящим. «*Галша*» – хранитель священного огня – располагался позади линии облавной охоты. Его значение в обществе неизменно усиливалось, так как он совмещал в себе сразу три функции – шамана, вождя, военачальника. М. Н. Хангалов писал, что «ему беспрекословно подчинялись все участники *«ээгэтэ аба»*. Когда облава кончалась, *галша* оставался управителем в обыденной жизни на летних стоянках» [Хангалов, 1958, с. 15]. «*Галша*» избирался на родовых собраниях, и в его назначении большую роль играли личные качества: ум, сила, выносливость, умение метко стрелять из лука и ориентироваться на местности, связь с потусторонним миром духов. Здесь можно вспомнить огромное влияние шамана («бигмена») Кэчку (Тэб-Тэнгри) на окружающих при возвышении Чингиз-хана. «Охотой распоряжался со всей полнотой власти главный шаман. Существенно важно, что на войне он играл роль полководца» [Кун, 1947, с. 20–21].

Власть таких выборных вождей распространялась в основном на период облавной охоты, но в некоторых экстремальных случаях и на более длительный срок. Б. Я. Владимирцов определил, что у средневековых монголов хан также избирался только для ведения войн и организации облав, а власть его зависела от могущества и силы рода, который его выдвигал. Ритуальная формула с упоминанием облавы, произнесенная родственниками Чингиз-хана при его избрании, подтверждает это [Сокровенное сказание, 1990, § 123, с. 45–46]. Облавные охоты имели стимулирующее значение (как фактор, ускоряющий центробежные тенденции) в процессе появления кочевых военно-политических объединений, может быть, как подчеркивал известный монголовед, даже больше, чем войны [Владимирцов, 1934, с. 79, 82]. Р. Груссе по этому поводу совершенно

точно высказался так: «Независимо от атмосферы богоизбранности, которой пронизаны эти тексты, они позволяют предположить, что избрание Чингисхана явилось **выбором стратега войны и вожака охоты**» [Груссе, 2005, с. 222]. Взгляды Б. Я. Владимирцова на общественный строй монголов оказали влияние и на выводы современных исследователей. «Хан избирался на совете равных ему глав сообществ для организации облавных охот и проведения военных действий, что и было оговорено при избрании Темучжина ханом в 1201 г.», – считают Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 103; Скрынникова, 1992, с. 58–59]. Схематически становление института ханской власти у кочевников можно представить так: охотник → воин → шаман → полководец → хан (каан).

В системе облавных охот место и функции участников были связаны с положением и статусом того или иного рода, племени в социальной конструкции генеалогического родства и конкретного индивида в обществе. В диспозиции облавной охоты наиболее уважаемыми и почетными (привилегированными) считались места, расположенные в центре, на конях крыльев и в засаде. Несмотря на ее «общенародный» характер, имущественное и социальное неравенство в кочевом обществе отражалось и в организации облавной охоты. В Монгольской империи и в Золотой Орде в частности «тяжелой повинностью кочевого населения была необходимость выставлять большое количество людей для облавы во время охоты хана» [Федоров-Давыдов, 1973, с. 40–41]. Кроме того, у монголов были и другие повинности, связанные с охотой. «[Я, Сюй] Тин, видел, что татарские семьи, во время их кочевек, добывают волосяные веревки и войлок и считают это достаточно тяжелым [занятием]. Лошади, которыми [я, Сюй] Тин, всю дорогу пользовался на станциях-ямах, по большей части были острижены и лишены своих грив. [Когда я] разыскивал [причину] этого, то [мне] сказали, что из них [конских волос] были сделаны веревки, а последние были сданы в ставку-орду⁵ для использования в устраиваемых охотах» [Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 38;

⁵ В тексте «во-ли-то». В комментариях переводчики отмечают, что это слово является китайской транскрипцией монгольского *ordu* или *ordo* в значении «лагерь» или «дворец». Скорее всего, этот термин был позаимствован монголами из древнетюркского языка.

Липь Кюн-и, 1960, с. 140]. В облавной охоте могли участвовать только те члены кочевой общины, у которых был конь и соответствующая экипировка. Безлошадные бедняки (то есть несостоятельные) не имели права участвовать в облаве и выполняли вспомогательную, подсобную работу (ношение туш, разделка мяса). «Тот зэгэтэ – облавщик, который имел коня, имел право голоса в делах, принимал участие в облавах на зверей и различных военных действиях и получал свой пай (хуби) из общего раздела» [Хангалов, 1959, с. 180–181]. Особое внимание уделялось отбору и подготовке охотничьей лошади. Существовал специальный принцип их выделения. Лошадь должна быть сильной, чтобы участвовать в гоне зверей, у нее должен быть мягкий и широкий шаг, так называемая "переступь" [Жамбалова, 1991, с. 69]. На крупные облавы брали 2–3 лошадей. Закономерно, что сам ХКТ кочевников-скотоводов, определивший такой тип охоты и доминирование в структуре вооруженных сил конницы, обусловил появление и господство конного охотника и воина-всадника.

Право принятия участия в облавной охоте принадлежало главным образом мужчинам, достигшим соответствующего возраста. У кочевников полноправным охотником становились приблизительно с 12–14 лет, то есть именно с такого периода в жизни молодого человека, когда он вступал на военное поприще. Рашид ад-Дин записал в своей летописи старинный монгольский обычай, связанный с обрядом инициации молодых охотников, впервые добывших дичь. При возвращении Чингиз-хана из западного похода, находясь в пределах Монголии, «к нему вышли навстречу Кубилай-каан, которому было одиннадцать лет, и Хулагу-хан, которому было девять лет. Случайно в это время Кубилай-каан подбил зайца, а Хулагу-хан дикую козу в местности Айман-хой, на границе страны найманов, близ Имил-Кучина по ту сторону реки Хилэ [?], поблизости от области уйгуров. Обычай же монголов таков, что в первый раз, когда мальчики охотятся, их большому пальцу [на руке] делают смазку, то есть его натирают мясом и жиром. Чингиз-хан самолично смазал их пальцы. Кубилай-каан взял большой палец Чингиз-хана легонько, а Хулагу-хан схватил крепко. Чингиз-хан сказал: «Отот поганец прикончил мой палец!» [Рашид ад-Дин, 1952, т. 1, кн. 2, с. 229–230].

На охоте существовали строгая дисциплина и порядок. Об этом говорят этнографические материалы по бурятской охоте:

«Тех, кто опаздывал, привязывали за *секретные органы тела* к поводу узды и водили вокруг толпы» [Жамбалова, 1991, с. 102]. По Джувайни, «ежели вдруг выскочит зверь из круга, то тут же проводят тщательное расследование и, найдя причину и виноватого, бьют за то палками тысяцких, сотников и десятников и часто убивают до смерти. И ежели (к примеру) кто не соблюдает строя (который называется у них *нерге*) и выступит из него на шаг либо отступит, того жестоко наказывают и спуску не дают» [Джувайни, 2007, с. 124; см. также Хара-Даван, 1992, с. 94]. Наиболее детально правила проведения облавных охот и одновременно, заметим, военного дела были описаны в период правления основателя маньчжурской династии Цип Нурханы [Тюрюмина, 1990, с. 94–95]. В монголо-ойратском правовом памятнике XVII в. – «Великое уложение» («Их Цааз») – имеется ряд статей, касающихся нарушения порядка облавной охоты. «Если во время облавы антилоп будет убит кто-нибудь (от чьего-либо неумышленного, случайного выстрела), то взять (с выстрелившего) половину штрафа положенного за убийство человека»; «кто будет нарушать (правила) облавной охоты – стоять рядом и ходить рядом – с того взять пять лошадей»; «кто (во время облавы) выскочит (вперед) на расстоянии трех выстрелов (из лука), с того взять лошадей; двух выстрелов – овицу, одного выстрела – пять стрел» [Их Цааз, 1981, с. 21, 27; см. также Жаргалов, 1996, с. 129–131]. Такие жесткие правила дисциплины и поддержания порядка облавы (особенно по Джувайни) заставляют думать, что нарушения этих правовых норм приравнивались к наказаниям за воинские преступления в период военных действий.

Если сопоставить полученные выборочные сведения по организации облавных охот у «кочевников-охотников» Центральной Азии с данными по охоте других народов, в частности индейцев-кочевников Северной Америки XVIII–XIX вв., проживавших в прериях, то можно обнаружить принципиально тождественные параллели. Сравнивая эти материалы, я установил следующие сходные черты: (I) общее, что «рождает» коллективные охоты центрально-азиатских *номадов* и индейских племен «Великих Равнин», – это массовый (общемужской) характер. Основная индейская летняя охота на бизонов носит аналогичное общеплеменное значение. (II) Построение индейской облавы полностью совпадает с вышеприведенными данными: «С приближением к стаду охотники разделялись на

два крыла, которые охватывали стадо с двух сторон. Во главе каждого крыла ехали по два-три руководителя (акациты). Если одно крыло продвигалось слишком быстро и тем самым слугивало стадо раньше, чем замыкался круг, то руководители этого крыла наказывались руководителями другого крыла. По правилам охоты ни одна стрела не должна была быть пущена раньше, чем соединятся оба крыла. Когда круг замыкается, тогда акациты давали знак к атаке и охотники начинали пускать свои стрелы в бизонов». (III) «В верховой охоте могли участвовать лишь охотники, имевшие специально тренированных быстроногих охотничьих коней». (IV) В индейской облаве были распространены такие же строгие правила и порядок, как у монголоязычных кочевников [Аверкиева, 1970, с. 29–31, 35–37; Аверкиева, 1974, с. 259–260, 262]. Облавные охоты, пройдя путь от древнейших времен до современности, сохранили главные организационные принципы былых охот [Охота, 1976, с. 29–31, 35–37; Марков Б. И., 1992, с. 236–237]. Такое сходство облавных охот у разных народов и их «долгожительство» до наших дней позволяют утверждать, что облава была универсальным видом охоты, которая была широко распространенным явлением в прошлом.

Почти все исследователи, касавшиеся в той или иной степени вопросов, связанных с облавной охотой, постоянно указывали на ее большую роль в военном организации кочевников [Владимирцов, 1934, с. 33, 82; Кун, 1947, с. 19–29; Греков, Якубовский, 1950, с. 98; Гумилев, 1993, с. 69–70, 139, 257–262; Ахинжанов, 1989, с. 255; Плетнева, 1990, с. 137; Гордеев, 1992, с. 38–39, 75; Гончаров, 1986, с. 28; Егоров, 1990, с. 36–37; Grousset, 1970; Phillips, 1969; Saunders, 1971; Chambers, 1979; de Hartog, 1979; Benson, 1995; Allsen, 2006 и мн. др. О проведении монголами военных операций в «облавном стиле» см. Sinor, 1975; Sinor, 1999, p. 1–44]. Общим для всех этих работ является, на мой взгляд, то, что проведение регулярных облавных охот кочевниками они рассматривали только в ракурсе военных маневров (подготовка к боевым действиям, отработка тактических приемов и т. п.). С этим фактически следует полностью согласиться. Но если сопоставить организацию и формы функционирования института облавной охоты с военной организацией и военно-административной системой кочевых социополитических объединений древности и Средневековья, то можно увидеть, что они очень похожи друг на друга. Просмат-

ринаются опять же такие параллели, которые наталкивают на мысль об их близком, «родственном» происхождении. Стержневым сближающим элементом здесь является дуальная (триальная) организация (правое, левое крыло и центр). Ее традиционное (постоянное) присутствие почти во всех имперских кочевых военно-политических образованиях Евразии не вызывает сомнения, в том числе и среди оседло-земледельческих народов. В «наиболее крупных древних и средневековых кочевых обществах Центральной Азии нетрудно заметить, что все они принципиально однотипны по своей организации: 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации; 2) триадный (в редких случаях – дуальный) принцип социальной организации на ее высших уровнях; 3) военно-иерархический характер общественной организации, как правило, по "десятичному" принципу» [Крадин, 1992, с. 138].

Триальная структура деления войска и народа встречается у скифов [Хазанов, 1975, с. 122, 128; Мурзин, 1990, с. 74] и хунну [Материалы, 1968, с. 11–12], зафиксирована у сяньби [МИГД, 1984, с. 36, 311], древних тюрков [Кюннер, 1961 с. 192; Бернштам, 1946. с. 101], средневековых монголов [Сокровенное сказание, 1990, § 229, с. 111], в Средней Азии и Казахстане [МИКХ, 1969, с. 73, 76, 88, 104, 142, 146, 153–154, 156–157, 161, 166, 165, 175; Якубовский, 1992, с. 40–41], джунгар [Моисеев, 1990, с. 77], киргизов [Абрамзон, 1945, с. 169] и многих других. Более подробно о триальном институте у кочевых народов Центральной Азии (см. [Кычанов, 1997]). Ю. А. Зуев, рассматривая пережитки триальной организации у кочевых народов Центральной Азии, создал целую концепцию, согласно которой и казахские жузы возникли на триальной основе [Зусв, 1981, с. 65–78]. В специальной литературе, посвященной этой проблеме, предложен убедительный вывод о первоначально дуальной организации общества, соответствующей делению войска кочевников на правый и левый фланги и о перерастании ее в трехчленную систему – «центр», правое и левое «крылья» [Стратанович, 1974; Мурзин, 1990, с. 74; Крадин, 1992; Трепавлов, 1993 и др.]. Но Т. А. Жданко выдвинула предположение о том, что деление племен на две части – это закономерное явление и что первичным было именно деление племен и их территорий, вызванное «какими-то особенностями общественного строя», и уже вторичным – отражение в литературе деления войск на две части [Жданко, 1950, с. 38]. Мыс

представляется, что последнее, хотя и не подкреплено вескими аргументами и конкретными примерами, могло иметь место, так как военное устройство (народа, племени) все же есть отражение общественного. И тем не менее вариантов, когда военная организация, навязанная сверху (особенно при завоеваниях), изменяла общественный строй, также немало встречается в прошлом.

Среди исследователей предлагались различные объяснения причин установившейся дуальной и триальной структуры у кочевников. Г. Г. Стратанович посвятил этой теме отдельную работу и пришел к выводу, что появление трехчленной военной организации можно интерпретировать постоянными вооруженными конфликтами, которые постепенно «... приводили к накоплению опыта в военном построении» [Стратанович, 1974, с. 230]. «Классификация социальных организаций по парным органам тела человека или зверя универсальна [ср.: правая рука и левая рука соответственно соотносятся с правым и левым крылом войска и т. д. или значение священной шапки с четырьмя стрелами у шайеннов (Америка)]» [Акишев, 1984, с. 107]. Это самое простое объяснение, имеющее под собой реальную основу. Н. Н. Крадин, пытаясь выяснить перерастание дуальной организации в триадную, пишет, что это «... связано с усилением власти верховного вождя, с его стремлением сформировать собственную властную структуру, могущую конкурировать с традиционными органами и с аристократией» [Крадин, 1992, с. 139]. На мой взгляд, более убедительно и обоснованно к этому вопросу подошел В. Н. Кун: «Порядок этот [т. е. трехзвенная военно-тактическая конструкция. — А. К.] исстари применялся и выработан был облавной охотой» [Кун, 1947, с. 29]. Действительно, информация по структуре и организации облавных охот подтверждают именно эту точку зрения. Видимо, и Ю. А. Зуев независимо поддержал это мнение и считал, что «у большинства кочевых народов се появление было продиктовано необходимостью экономной и вместе с тем наиболее эффективной координации действий на войне и облавной охоте. В древности охота носила характер общенародного мероприятия. По свидетельствам очевидцев, вся действующая масса делилась на три тактические единицы: левое крыло — центр — правое крыло» [Зуев, 1981, с. 65; Зуев, 1998, с. 50–51]. Думаю, эти объяснения подводят к тому, что истоки происхождения этого феномена следует видеть в коллективной

облавной охоте. Весьма условно весь этот процесс перехода от «охоты к организации войны» у кочевых народов выглядит так: охота → облава → двух-трехкрыльная модель → трехчленная военная организация → трехсоставная военно-административная система (правое, левое крыло с центром или без него).

В военной организации многих кочевых народов издревле существовал десятичный принцип деления войска и населения (10, 100, 1000, 10 000). Этот военно-иерархический принцип был характерен для многих центральноазиатских кочевников: хунну [Материалы, 1968, с. 40; Barfield, p. 48–49], жузжаней [МИГД, 1969, с. 269], древних тюрков [Бичурин, 1950, с. 232, 235, 250], уйгур [Малов, 1959, с. 33], енисейских кыргызов [Худяков, 1980], киданей [Худяков, 1991, с. 92], монголов [Сокровенное сказание, 1990, § 202, с. 100–101, § 221–225, с. 111–114; Плано Карпини, 1957, с. 49 и др.], узбеков XVI в. [Рузбихан, 1976, с. 90], маньчжур [Кузнецов, 1990, с. 52; Кычанов, 1992, с. 214], джунгар [Моисеев, 1991, с. 34], киргизов [Абрамзон, 1945, с. 169], казахов XIX–XX вв. [Бекмаханов, 1992, с. 186, 194; Нуркамысов, 1986, с. 132]. Наиболее подробно и глубоко о десятичной системе организации народов Центральной Азии писали Е. И. Кычанов [Кычанов, 1997], Ю. А. Зуев [Зуев, 1998] и др. Данная система счета и учета была присуща как оседлым, так и кочевникам, то есть она была универсальным явлением. Так, из 307 первобытных народов 146 использовали десятичную систему, так как она была наиболее оптимальной и удобной. Несомненно, что десятичное деление организации войска можно назвать весьма условно, ибо в верхних эшелонах данной военной организации, на уровне «тумена», оно показывало не действительное количество воинов, а титул (ранг) военачальника и подтверждало его статус [Крадин, 1992, с. 140; Далай, 1983, с. 57].

По поводу возникновения десятичной системы в историческом прошлом высказывались различные мнения. Б. Я. Владимирцов думал, что это связано с разделением племен на более мелкие роды, кланы и айлы, которые должны были выставлять в то же время соответственно десятки, сотни, тысячи и т. д. воинов [Владимирцов, 1934, с. 104]. Другие исследователи видят ее происхождение в объединении племен, родов и кланов на военной основе, когда такая армейская структура, как десятичная система, собирала, организовывала и упорядочи-

вала эту массу людей. Те структуры, которые были объединены в иерархические системы, в военном отношении находились в гораздо более выгодном положении, потому что они быстрее возникают из составляющих ее частей, чем неиерархические организованные системы с таким же числом компонентов. В таком случае военные структуры кочевников, упорядоченные по иерархическому принципу, были более мобильны, эффективны и, в конечном счете, являлись более сильным военно-организационным средством, чем отряды номадов, собранные по принципу просто «орды» [Крадин, 1992, с. 141–143].

Интересны сведения по военно-административной системе ниру, существовавшей у маньчжур. «Система ниру (ниру по-маньчжурски «большая стрела») была заимствована из практики облавной охоты у чжурчженей [здесь и далее выделено мной. – А. К.], введена Нурхаци в 1601 г. официально, хотя первые упоминания о ниру относятся к 1584 г. «В 1601 г. Тай-цзу из каждых 300 человек собранного им народа и войска создал ниру и передал в подчинение эчжэну. До этого, когда маньчжуры выступали на охоту и назначали начальников, людей, независимо от их числа, распределяли по родам или месту жительства в укрепленных поселениях гашань. Каждому охотнику давали одну стрелу. Из каждых десяти человек одного ставили старшим, он руководил девятью подчиненными ему людьми. Таких старших называли ниру эчжэн (начальники больших стрел)⁶. Отсюда и пошло наименование чина ниру эчжэн». Позже в маньчжурском государстве стрела стала символом управления отдельным районом. Среди «новых маньчжуров» ...и дауров патент на такую должность именовался бошоро ниру темгету битхе (кит. ши гуань цзюлин чжичжао)... Таким образом, командир роты, ниру эчжэн, первоначально был десятником, руководителем десятка людей во время большой облавной охоты. Му Чуань полагает, что стрела, которая давалась каждому при начале облавной

⁶ В одной из ранних работ по этой тематике я выдвинул предположение, что появление десятичной системы у кочевников было связано именно с организацией облавных охот [Кушкумбаев, 1996, с. 24–25; см. также Кушкумбась, 2001, с. 29–30]. Использованные материалы по структуре военной организации маньчжур такое понимание не только допускают, но и, на мой взгляд, подтверждают.

охоты, являлась свидетельством участия в ней и удостоверением на получение доли из добытого на охоте. По данным Чэнь Вэньши, на стреле, которую имел каждый участник облавной охоты, было вырезано имя ее владельца. Стрела служила не только для дележа добычи и выдачи наград, но и для определения наказаний провинившимся» [Кычанов, 1997, с. 215]. Исходя из этих свидетельств очевидность происхождения десятичной системы в военной организации из способа управления социально-хозяйственного института облавных охот в помадных обществах Центральной Азии раннего периода более чем вероятно. Этот внутренний военно-организационный принцип распространялся не только на мужчин — охотников и воинов, но и их семьи и носил со временем почти «тотальный» (всеобщий) характер, охватывая, по сути, все общество.

Если вновь обратиться к материалам бурятской облавы, то можно заметить, что отряды облавных охотников, помимо вышеуказанных крупных единиц, делятся на более мелкие группы по 20, 50 человек [Жамбалова, 1991, с. 97]. Такое мелкогрупповое дробление было связано с системой организации облавы, так как охотники должны были равномерно охватить территориальное пространство охоты, предельно соблюдая определенную дистанцию между собой. Вместе с тем это деление также было обусловлено механизмом управления и общей координацией действий в средних и низших звеньях охоты. Прямых сведений в источниках о присутствии десятичной структуры в поздних облавных охотах нет. Но, тем не менее, М. Н. Хангалов указывает, что у бурят на охоте «от каждого десяти выходит один конный» [Хангалов, 1958, с. 100, см. также Жаргалов, 1996, с. 150]. В хакасской облаве мужчины аала выходили на охоту в количестве около 100 человек [Бутанаев, 2004, с. 66]. В ордосских степях южной Монголии охотники, собирающиеся в отряд, достигающий тысячи человек, разбиваются на группы по десять, а в крыльях подразделяются уже на двадцать человек [Жаргалов, 1996, с. 132], что может служить дополнительным аргументом в ее наличии в период зарождения облавы как таковой. В то же время можно увидеть в этом и обратное влияние бывшей военной организации на структуру коллективной охоты. Интересно отметить, что и современные облавные охоты в большинстве случаев проходят в количестве 10 человек [Охота, 1976, с. 46–47]. Это не исключает, возможно, того, что здесь есть связь с реминисценциями

о былых облавных охотах с внутренним дробным делением ее участников.

Десятичный принцип -- это жесткий социально-регулятивный механизм, который устанавливал единый (универсальный) горизонтально-вертикальный (сквозной) военно-организационный порядок как в вооруженных силах, так и среди гражданского населения кочевых империй и стал, можно сказать, вершиной их управленческого менеджмента. Любая сплоченная (большая или малая) групповая общность людей требует мелкогруппового (дробного) подразделения в целях системности, планомерности и слаженности действий. Таким регулятивным военным институтом, несомненно, стал десятичный принцип военной организации.

ГЛАВА II. ТАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЛАВЫ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО НОМАДОВ

2.1. Особенности формирования военной тактики

В западной этнологической науке (работающей в области социобиологии), не скованной надуманными политико-идеологическими постулатами и схемами, как бывшая советская, начиная с 60-х гг. XX в. и по настоящее время разрабатывались и выдвигались продуктивные идеи по осмыслению конфликтного поведения некоторых видов животных, в том числе и тех, которые были ближе к человеку в эволюционном ряду. Агрессивная модель поведения животных получила название «агонистическое» (стычки, драки, взаимные угрозы, отношения господства и подчинения, холодность, избегание) [Шнирельман, 1994, с. 60]. Дж. Гудолл, совместно со своими сотрудниками наблюдавшая «военнообразное поведение» шимпанзе в 60–70-х гг. прошлого столетия, рассматривает это как зарождение человеческой войны в обществе, так как у них «наблюдались кооперативное групповое поведение, территориальность, коллективная охота, использование палок и камней в виде оружия, страх перед необычным поведением и неприязнь к чужакам». Это стало весомой аргументацией в близкой связи «ранних войн с охотой», «причем методы убийства мало чем отличались от охоты». Среди рассмотренных случаев групповых атак отмечены случаи коллективных нападений на отдельные особи из чужого стада, и «в этом случае поведение нападающих близко напоминает охотничье». В. А. Шнирельман, анализируя вооруженные конфликты, встречающиеся в обществе охотников и собирателей, склонен к тому, что «охотничья гипотеза» может разъяснить истоки возникновения военного искусства применительно к раннему периоду, которое «действительно имело много общего с охотой»⁷. Вместе с

⁷ Особое мнение высказал Ю. С. Худяков. Он, разбирая случаи каннибализма среди палеоантропов и неолитов, пришел к мнению, что война в форме охоты на людей не могла возникнуть в человеческом обществе, т. к. в биологическом отношении она была бы противостественна, а в социально-экономическом невыгодна [Худяков, 2003 б, с. 36].

тем это не дает понимания глубинных причин насилия в человеческом обществе [Шнирельман, 1994, с. 68–69, 72, 90]. Эти исследования интересны тем, что позволяют раскрыть (понять) военно-тактические приемы, используемые человеком в будущей военной деятельности. Ведь для того, чтобы уничтожить себе подобных, нужны были определенные навыки, которые были выработаны до военных действий.

Интересны заключения Р. Бигилоу, изучавшего две группы шимпанзе, проживавшие в разных ландшафтных зонах: первая группа, обитавшая в саваннах, отличалась повышенной агрессивностью и жесткой внутренней структурой в сравнении с теми, кто обитал в лесу, и связывается с особенностями окружающей среды. «При этом жесткие системы доминирования и более выраженная агрессивность встречаются именно у обитателей саванны [выделено мной. — А. К.]; лесные виды отличаются более миролюбивым нравом». Конечно, такие данные требуют дальнейшего изучения, но факт сам по себе примечательный. На основе материалов К. Эмбер было установлено, что подавляющее большинство обществ с милитаристским уклоном относятся к конным охотникам и специализированным рыболовам, а «миролюбивые» представлены, в основном, бродячими охотниками и собирателями. А чешский археолог С. Венцл пришел к выводу, что «развитие войн как «коллективной формы грабежа» вызывалось переходом к скотоводству, ибо домашние животные, представляя большую материальную ценность, были в то же время и легко отчуждаемой формой собственности» [Шнирельман, 1994, с. 63–64, 102, 147]. Не случайно среди индоиранских (арийских) скотоводческих народов под понятием «война» подразумевалась «борьба за захват коров» [Худяков, 2003 а, с. 20].

В советской военной литературе охотничий спорт в армии рассматривался как необходимая подготовка солдат к будущей боевой ситуации. В специальных работах по этому вопросу акцент делался на то, что «некоторые зверовые охоты — на барса, медведя, волка, на рысь — как бы содержат в себе элементы боевых действий», «воспитывают в человеке дисциплину и выдержку». Известный советский маршал К. Е. Ворошилов как-то сказал, что «хороший охотник — готовый опытный разведчик, меткий стрелок, выносливый и способный в

любых условиях переносить трудности походной жизни» [Ерменко, 1960, с. 7, 12]. В период перманентных войн выжили наиболее сильные и ловкие индивиды, проявляющие сильные внутренние качества, стойко переносившие тяготы военного лихолетья. От них требовались знания, помогающие найти пищу для себя и корм для коня в экстремальных условиях, умение ориентироваться в непростых природных условиях, различать приметы, животных, растения, распознавать погодные закономерности и т. д. «Лучшим средством воспитания таких воинов была охота» [Рахилин, 1989, с. 56].

Среди различных причин возникновения групповой общественной охоты экологи выделяют следующие: человек с момента своего появления находился постоянно в борьбе с окружающей природой (фауной); нехватка ресурсов по мере увеличения численности первобытных общин; живая фиксация и наблюдение за стайной охотой хищников [Рахилин, 1989, с. 10]. В совокупности все эти факторы способствовали появлению различных видов и форм коллективной охоты и в особенности осознанию выгод кооперации, объединения усилий и взаимопомощи в ловле и добыче диких животных и зверей. Заимствование и широкое использование экологического опыта, накопленного представителями животного мира, очень активно проходило на ранних этапах формирования и возникновения ХКТ. По всей видимости, основное дестерминирующее значение в развитии приемов и методов коллективной охоты людей имели практический опыт и наблюдения за охотой хищников, в частности куниц, волков и других, на мышепитающих. Один из охотников в горах Сихотэ-Алиня на Дальнем Востоке был свидетелем удачной стайной охоты трех куниц на кабаргу, при которой одна бежала следом, а две другие обходили ее справа и слева. Кроме того, куницы при другой охоте использовали прием загона, когда одна группа преследует кабаргу по следу, а другая скрывается в засаде. Более разнообразные приемы используют волки при преследовании своих жертв. Так, другой из очевидцев видел загонную охоту пяти-шести волков на лося, при которой два хищника без труда разобрались с «сохатым», в результате от него «остались лишь обрывки шкуры да обглоданные рога» [Жаргалов, 1996, с. 12–14]. Здесь следует остановиться на этом более подробно.

В зоологической литературе имеются различные характеристики многочисленных видов стайной охоты волков. Обычно волчья стая, выходя на охоту, как правило, делится на две группы: загонщиков и ловцов. Волки-загонщики окружают и гонят стадо зверей (олени, лоси, косули и т. п.) в определенном направлении. Другая группа – ловцы – в это время незаметно и быстро переходит на этот участок территории и караулит дичь. При приближении преследуемого стада волки-ловцы из засады неожиданно и молниеносно нападают на животных. Другой известный волчий прием – охват, или «катака веером». В данном случае волки, двигаясь цепью, стараются интенсивно гнать стадо, постепенно уничтожая отставших обессиленных животных [Охота, 1976, с. 77; Бибиков, 1991, с. 73, 75, 77; Моуэт, 1992, с. 102, 109–110]. Среди волков довольно распространенными являются тактика скрадывания, загон, пастьба, заманивание, эстафетная передача жертвы и т. д. Охотничьи приемы волков разнообразны и зависят от видовой специфики животных, характера местности и сезонно-временных особенностей.

Естественно, встает вопрос: почему именно волков и их «добывающую тактику» я избрал в качестве предмета сравнения с охотничьим промыслом человека? Ведь существуют и другие виды охоты у хищников (тигров, львов, шакалов, лисиц и т. п.). Объектом внимания волчья охота стала по определенным причинам. Как показывают зоологические наблюдения, именно волчья стая при добывании пищи в естественных условиях действуют сообща, проявляя при этом координацию и слаженность действий, четкое внутригрупповое деление, которое имеет аналогичные формы организации проведения облавных охот у людей, в частности кочевников Евразии. Многократно зафиксированные факты свидетельствуют о гибкости поведенческих адаптаций этих хищников, высокой способности приспосабливаться [Алексеев, 1984, с. 433], о появлении новых защитных рефлексов, прекрасной ориентации на местности, быстром формировании приспособительных реакций, повышенном чувстве этого вида к самосохранению и, что самое интересное, способность передавать информацию (и даже «умение говорить» особым языком) другим особям. Волчья стая показывает высокоорганизованную структурированную охоту, которая, возможно, послужила моделью поведения человека на охоте.

В качестве иллюстрации можно привести этнографические материалы, показывающие, что ночная казахская барымта (угон скота) напоминает волчью охоту с разделением на загонщиков и засаду [Ермоленко, 1992, с. 186]. По сведениям дореволюционного исследователя Ю. Шмидта, казахи-барымтачи «подъезжают незаметно к намеченному для угона табуну, несколько всадников спешиваются и ползком, крадучись, обходят табун сзади, пугливые животные становятся ночью впечатлительными к малейшему шороху, табун устремляется в сторону конных барантачей, последние тычат копьями батиками и союлами, производят еще больший переполох, и кони со всех ног бросаются вперед, а копыта барантачи направляют их к намеченному заранее месту» [Шмидт, 1897, с. 116–117].

Вполне естественно, что в религиозно-тотемной идеологии и духовной культуре кочевников наиболее глубоко запечатлен образ хищника-волка [Гумилев, 1993 а, с. 66; Бичурин, 1950, с. 229; Бернштам, 1950, с. 83–84; Кляшторный, 1964, с. 26; История Казахстана, 1996, с. 426; Плетнева, 1990, с. 102; Манас, 1975, с. 235, 246, 375; Самашев, 1992, с. 206–208 и др.]. В древнетюркской социальной терминологии должностных лиц существовали, по данным китайских источников, чины, связанные с названием животных, в частности волков: «Иногда учреждают фу-линь каганов; [фу]-линь суть название волка. Из-за их алчности и склонности к убийствам дают такое проименование», то есть «*böri* "волк"», что связано с мифическими представлениями тюрков о легендарной прародительнице-волчице (волке). В Первом тюркском каганате вся правящая династия считалась потомками «Волчицы». Отражением этой традиции был государственный символ – знамя с позолоченной волчьей головой в навершии, развевавшееся над официальной ставкой-ордой каганов. Охрана ордынской ставки состояла из отборных лейб-гвардейских полков – «фули/бори». Младшим братьям («малые каганы»), которые были возможными будущими претендентами на каганский трон царствующего монарха, присваивался имя-титул «Бу-ли (*b'uo-ljie*) Бори-каган». Таким образом, это символизировало «прохождение его посетителем курса военной и захватнической («волчьей») академии перед грядущим правлением всем государством» [Зуев, 2002, с. 280, 287–289; Бичурин, 1950, с. 221; о монгольских воинах, волках-

псах см. Юрченко, 2000, с. 259–260; Христианский мир, 2002, с. 223, 226].

В южноукраинских степях XI–XII вв. в период господства половцев (куманов) особой активностью отличалась воинственная орда «Бурчевичей», скорее всего, получившая свое название от тюрк. *«bori»* – волк (*«бурчевичи»* – волки). В древнерусской летописи приводится поэтический рассказ «под 1097 г. о волховании хана Боняка перед битвой на Вягре: «... и яко бысть полунощи и встав Боняк и отъеха от рати и поча волчьски выти». Как предполагает С. А. Плетнева, видимо, Боняк был жрецом культа волка-покровителя (тотема) половецкого племени и просил у волков помощи в предстоящем сражении. Вернувшись в стан, хан уверенно сказал князю Давыду, своему союзнику, о предстоящей победе [Плетнева, 1990, с. 102]. И действительно, на следующий день союзники разбили вражеское войско. В казахской устно-поэтической прозе: «Хан Аблай – серый волк степной», а батыры «Исатай и Махамбет – два волка» [Поэты, 1993, с. 62, 105]. По бытующей у монголов легенде, Чингиз-хан родился от серого волка, и поэтому на монгольских знаменах красовалась волчья голова. У башкирских предводителей символом их административной власти был знак с изображением волчьей головы. Таких примеров огромное множество. Возникновение культа волка и связанных с ним легенд исследователи связывают с эпохой каменного века в Центральной Азии, когда охота играла ведущую роль, в связи с чем возник сюжет космической охоты [Урманчеев, 1987, с. 68–73].

Еще в XIII в. Джувайни писал о каанской облаве: «Не так ли и обычаи войны, когда убивают, считают убитых и даруют пощаду уцелевшим? И правда, они совпадают до мельчайших деталей, ибо после боя поблизости не остается никого, кроме нескольких несчастных» [Джувайни, 2007, с. 16]. Французский историк XIX в. К. Д'Оссон, автор лучшей книги того времени по истории Чингиз-хана, считал, что монголы к своим завоеваниям относились как к временной добыче, а в способах ведения войн похожи на хищных животных. Скорее всего, он и был автором крылатой фразы: «Охота – школа войны» [Д'Оссон, 1996, с. 190, 193]. В дореволюционной русской литературе эту идею развил профессиональный военный М. И. Иваниц: «Чингис-хан называл охоту школою войны, и там, где по разнообразию местности водились разного рода звери, он

мог в мирное время вести войну с зверями, открывать их убежища, стогнать в назначенные места, отрезывать им пути к спасению, приобретать навык пользоваться местностью, приучать своих воинов к порядку, послушанию, меткой стрельбе, действию на лошади и упражнять военный гений свой...» [Иванин, 1875, с. 17–18]. «Эти охоты послужили зародышем особого способа военных действий, доставившего Чингис-хану и его преемникам столько военных успехов и распространившегося по всему Востоку» [Миткевич, 1893]. Профессор Э. Хара-Даван, разясняя причины грандиозных военных успехов монголов XIII–XIV вв., отмечал, что «монгол, воспитавший свою воинственность на звериной охоте, и на войну смотрит отчасти как на охоту», «с малых лет занимаясь охотой на зверя с луком и борзыми и на птиц с соколами, он развил в себе страсть к ней, приучил себя к преодолению препятствий и достижению цели путем выдержки и знания природы», так что «из монгола-охотника только и мог создаться монгол-завоеватель» и т. д. [Хара-Даван, 1992, с. 108–109, 154, 32]. А. И. Першиц в своей специальной работе, посвященной проблемам войны в кочевых обществах, видит прямую связь военной тактики кочевников (движение рассеянным строем, для обеспечения животных кормом, возвращение из походов другими путями) с системой организации кочевого скотоводства, а также в большей степени с организацией облавной охоты (рассыпной строй, окружение крыльями [с центром или без него], а при намеренном ослаблении авангарда – крыльями и аррьергардом, засады и т. д.) [Першиц, 1994, с. 158]. Зададимся вопросом: есть ли все же серьезные и веские основания считать, что это именно так?

2.2. Тактика облавы и военные действия кочевников

Для того чтобы составить наглядное представление о взаимообусловленности охотничьих приемов и военно-тактических действий у кочевников, следует вновь обратиться к историко-этнографическим материалам, характеризующим «технологию» функционирования облавной охоты.

Облавная охота, хорошо описанная Г. Ф. Миллером, у хакасов (качинцев, сагайцев и бильтир) имеет много сходств с облавными охотами других кочевых народов южносибирского этнокультурного ареала. В облаве участвовало 300–400 чело-

век, в том числе женщины и дети, верхом на лошадях. «Сначала они образуют линию, в которой один человек находится от другого на расстоянии 100 сажень. Затем оба крыла постепенно сближаются, а так как вся линия всадников непрерывно движется вперед, то получается круг⁸. Старшина охоты, избирасмый всей охотящейся группой, едет вперед посередине. Ему подчинены еще два старших охотника, которые командуют правым и левым крыльями. У него имеется еще несколько подручных, которых он рассылает туда и сюда, если замечает какой-либо беспорядок. Как только оба крыла сомкнутся, со всех сторон поднимается громкий охотничий крик, тогда дичь начинает сбегаться, но со всех сторон возвращается назад и наконец сильно утомляется. Старшина охоты, с несколькими хорошими стрелками, находится в середине круга, и они все время бьют дичь. Если же какое-либо животное пытается прорваться, то оно наталкивается опять на вооруженных людей, и его тут же убивают, ибо люди расставлены друг от друга на небольшом расстоянии, но достаточном для полета стрелы, чтобы поразить зверя. Если же зверь попадает в такое место, где стоят женщины и дети, то ему обычно удается ускользнуть, ибо они не вооружены и нужны лишь для того, чтобы круг был шире, а крик громче. Бывает, однако, и так, что животное уходит из круга, но за ним гонится какой-либо хороший стрелок, догоняет его и убивает, так как от непрерывной беготни в круге животное очень устает. Иногда удается убить в одном таком круге до 100 штук дичи, ибо олени и козули ходят стадами по 50 и больше животных. Но иногда охотники ничего не добывают. Тогда они сразу же идут дальше в другое место. Иногда они делают два круга в один день, иногда только один. При одном круге они идут вперед до 10 верст, прежде чем круг сомкнется. Вся убитая дичь сносится в одно место и делится поровну всеми. Это иногда продолжается непрерывно 3–5 недели» [Потапов, 1957, с. 185–186].

У центрально-азиатских кочевых народов сроки проведения облавных охот ориентировочно проходили в осенне-зимнее время, обусловленные прежде всего естественно-геогра-

⁸ По мнению известного хакасского историка и этнографа В. Я. Бутанасва, круг по-хакасски назывался «*сiвее*», т. е. крепость [Бутанасва, 2004, с. 66].

фическими, климатическими условиями и хозяйственно-экономическими закономерностями. Экологический фактор, по всей вероятности, был определяющим в системе кочевнического образа жизни. Из записок Цэн Да-я и Сюй Тина можно узнать, что монгольские облавные охоты начинались в «девятой луне» и заканчивались во «второй луне», что соответствовало хронологически второй половине сентября – первой половине октября и до второй половины февраля – первой половины марта [Линь Кюн-и, 1960, с. 140; Цэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 38]. По сведениям М. Н. Хангалова, большого знатока бурятских коллективных охот, время проведения облавы обсуждалось и утверждалось на специальных общественных сходках за полмесяца или месяц до начала охоты и назначалось на пятнадцатый день «первой зимней луны» [Хангалов, 1958, с. 16]. Большие облавные охоты у бурят осуществлялись только в холодный период года: поздней осенью, зимой и ранней весной [Жаргалов, 1996, с. 150]. Это, по всей вероятности, было обусловлено как природными (дикие звери и животные проходили за сезон соответствующий нагул и тем самым набирали необходимую форму и кондицию), так и хозяйственными (летом шла подготовка к охоте, откорм и выставление лошадей) закономерностями. Кочевые народы старались проводить военные действия – походы, нашествия в осенне-зимний сезон.

Перед большой охотой проводилась предварительная подготовительная охота «*аба хайдак*», имевшая разведывательное значение, практически готовившей главную облаву (разведка путей, установление крупных скоплений животных и т. д.). Затем наступала основная, можно сказать, генеральная охота («*эзэгтэ аба*», «*хуцуута аба*», «*галшата аба*») с основным составом охотников. Активными участниками охоты являлись следопыты, знатоки местности – опытные проводники («*газардчи*», «*газаршин*»), выполнявшие функцию разведки. Они, как правило, прекрасно знали территорию, где должна была проходить облава. В их задачу входило найти место для охоты, определение охотничьих стоянок (лагеря), размещение там облавщиков, выбор почлега (функция «квартирмейстеров»). Способы, методы, приемы облавы зависели во многом от местности, и поэтому особо огромное значение для плана (стратегия и тактика) и структуры будущей охоты имело предварительное знакомство с рельефом и ландшафтом. «*Газардчи*» – знатоки местности – были незаменимыми специалистами, ре-

комендациями которых пользовались руководители охоты. Фактически ни одна крупная облава не могла пройти успешно без их деятельного участия. В средневековых монгольских армиях, двигавшихся войсковыми колоннами, впереди находились «качарчи (гачарчи)», («проводник») – походные проводники, исполнявшие те же задачи. Происхождение последних от охотников – «газардчи» не вызывает сомнений. Как считает

Р. Груссе, «терпеливая засада в ожидании оленьих стад научила кочевников посылать вперед своих сил лишь бесшумных и незаметных разведчиков, миссия которых заключалась в том, чтобы наблюдать, но ни в коем случае не попадаться на глаза дичи или врагу» [Груссе, 2005, с. 243].

После обнаружения разведкой стад животных передавались указания по родам о сборе отрядов охотников. Каждая группа облавщиков, прибыв на сборное место, отдельно разжигала свой родовой огонь, имевший ритуальное значение. При этом у бурят совершался обряд «сасант» – кропление, очищение охотников, приносились жертвоприношения, обращенные к богам о «даровании обильной дичи», а «шаманы совершали моления и гадания. Молились «заянам» – духам-покровителям – о даровании обильной дичи, хорошей погоде и благополучном окончании; руководители договаривались о расположении, движении, сближении крыльев и быстроте движения» [Кун, 1947, с. 21]. Перед началом охоты проводились совещания, отдавались последние общие распоряжения, «улигершины» (срав. каз. *өлеңші* – певец) пели торжественные «улигеры», чтобы поднять настроение и привлечь зверей на охоту. Среди монголов Халхи был старый обычай, пришедший из глубины веков, петь песни-гимны в честь зверей. В древние времена использовались музыкальные инструменты для созыва животных. У кочевников к облавной охоте относились как долгожданному празднику.

Облава начиналась рано утром и шла целый день до вечера. Исходя из использованных сведений, можно сказать, что облавные охоты имели как минимум два этапа. Первый этап. Сигнал о начале охоты давал главный шаман, по которому охотники, разделенные на два крыла, растягивались в противоположные стороны, полукруг (полумесяц) или цепь и занимали «боевые» исходные позиции, образуя установленный строй, разреженный круг, охватывали определенную площадь

в виде эллипса с расстоянием по поперечнику в 4–5 км и по периметру в среднем 10–12 км. При больших облавах пространство, занимаемое таким кругом, достигало более 60 км. В последнем варианте при сужении кольца было две-три цепи. Обычно облава начиналась в медленном темпе «не спеша», а затем скорость движения увеличивалась. Весь этот процесс гонки управлялся и регулировался главными распорядителями облавы «галшой» или «тобшой» (центральной управленец) через «газариши», «захулов». Распоряжения, исходящие от начальников, и обратная оперативная информация «циркулировали» по живой цепи облавщиков. На этом ответственном этапе любая оплошность (опоздание или выстроенная линия с разрывами) могла привести к прорыву зверей через кольцо, и «поэтому облавы, производившиеся на больших пространствах, требовали большой точности и согласованности в движениях, общей дисциплины охотников». На втором этапе крылья, охватившие местность, ускоренно сближаясь, замыкали кольцо облавы. Это был завершающий этап облавной охоты, от которого зависел успех всей операции. Командующие крыльев

должны были стараться одновременно двигаться, придерживаясь определенной заданной скорости и ритма движения, следить через «захулов» за порядком внутри своих отрядов. Общая координация и слаженность действий, как указано, возлагались на главного руководителя облавы. В значительной мере успешность охоты зависела от его опытности, хорошего знания местности и ориентации на ней. Его распоряжения и приказы беспрекословно и неукоснительно выполнялись всеми. Тактика массовой охоты обуславливалась во многом природными условиями – складом рельефа, видовыми особенностями облавливаемых животных. Так, при облаве на дзеренов подгоняли стадо на ровное место к возвышенности (гора, большой холм), лесу, реке или низине, чтобы не дать шанса уйти животным (рис. 4).

На последнем этапе круг плотно суживался, приближаясь к центру, где и происходило массовое истребление животных. Согнанных зверей убивали стрелами, а изюбрей, лосей и медведей, спешившись, поражали копьями. В таких схватках отчаявшиеся звери могли нанести охотникам тяжелые увечья и

Рис. 4. Бурятская облавная охота. Рис. Избранта Идеса

ранения. За световое время при больших охотах проходило в среднем не более двух круговых облав. Как правило, за день производилось несколько загонов. «Вечером возвращались на стоянку, делили мясо и шкуры. Шаманы совершали благодарственное моление, а затем производился суд над провинившимися и разбор ошибок». Вернувшиеся охотники узнавали местопребывание своего рода по кличу (пароль -- «ура») -- «урану», который выкликивали заведующие каждым огнищем -- «галчи» (и их помощники -- «дежурные»), которые заранее готовили дрова и пищу в лагере.

Само слово «*клич*» означает призыв, вызов, оглашение и употреблялось для того, чтобы вызывать, объявлять что-либо. Интересно, что в старорусском языке даже имелось такое понятие -- «*кличанин*» -- охотник-загонщик или облавщик на охоте [Даль, 2006, с. 92], то есть данное лицо издавало соответствующие звуки, например, для вспугивания зверей. Возможно, первоначально выкрикивание кличей или подача необходимых звуковых сигналов, способных напугать дичь, определялись именно потребностями охотничьего промысла, заимствованными, в свою очередь, из «охотничьей практики» живой фауны. Военно-этнографический материал по истории тюрков Саяно-Алтая косвенно это подтверждает. Например, хакасы во время сражения «применяли всеобщий боевой клич -- «хуух». Они подражали клекоту ворона, увидевшего падаль. Священный клич (по-хонгорски -- «*ай-ураа*») носил сакральный смысл -- криком повергнуть врага, чтобы тот стал падалью для воронов. «*Хусхун ит кёрзе -- хуухтанча*» -- когда ворон видит мясо, то он клекочет «хуух», -- говорят в народе» [Бутинаев, 2004, с. 21]. Такая сигнализация эффективно использовалась тюрко-монгольскими номадами на смотре, походном марше, в бою.

Добыча делилась между всеми участниками охоты. Нередко возникали споры по поводу убитого зверя -- кто из стрелков первым попал. Такие тяжбы разрешались «*засагулами*» -- судьями. В случае возникновения таких ситуаций спорящие должны были доказать свою меткость тем, что с определенного расстояния должны были поразить тушу зверя. Тот, кто первый попал по цели, тому и доставалась добыча. Если охотник уже в кольце при первом попадании только ранил зверя, то ему доставалась не вся добыча, а *жуидэ* -- ливерная часть (легкие, печень, сердце). Остальное мясо переходило к

тому, кто добил зверя. Очень часто было трудно определить первое попадание и при выяснении всех обстоятельств дела расспрашивались свидетели. Спор решали стрельбой спорящих сторон по мишени «на расстоянии 25 луков от охотников». По окончании пробной стрельбы раны тщательно осматривали. У монгольских народов «стрела, оперенная передними перьями правого крыла птицы, вращается слева направо и наносит рану соответственно своему полету». По этому признаку и выясняли, кто прав. Нарушение порядка облавы (отставание или опережение цепи) и несоблюдение дисциплины и правил (утайка и сокрытие добычи) жестко карались охотничьими установлениями (вплоть до изгнания из состава охотничьего сообщества). При «аба хайдак», «тубучи» (тобша) ехали в середине строя, а по сторонам во главе с командирами крыльев двигались охотники, за которыми специально следили и видели нарушения «засагулы». Обычными наказаниями виновных были обрезание передних пол халата, ломание стрелы над головой или растрепывали перья стрел нарушителя [Кун, 1947, с. 24; Жаргалов, 1996, с. 153–156, 162–165].

Построение типа «хушуут(д)» отмечено у тюркоязычных кочевых племен Центральной Азии. Средневековые кочевые уйгуры «в сражениях не строятся в ряды, отделившись головою (т. е. острым клином) производят латиск; вдруг выступают, вдруг отступают; постоянно сражаться не могут» [Бичурин, 1950, с. 215]. Такая форма боевого порядка была очень лабильной по принципу «вперед – назад» и позволяла на ходу перестраиваться в зависимости от обстановки. Смело заметить, что в настоящем бою такие тактико-технические операции были сложными по выполнению. Происходили и казусы в виде невозможности состыковки крыльев при ошибке руководителей, когда один из флангов не успевал к точке стыка или на пути встречались непреодолимые препятствия. Неожиданностей и случайностей, приводивших к расстройству облавы, могло быть много. При всем при этом неизменным оставался фундаментальный принцип облавы – действия крыльев, которых могло быть не только два, а больше – три, четыре.

В поздних монгольских облавах охотники, собранные в центре, расходились двумя крыльями и медленно охватывали территорию охоты, а потом соединяли их, «образуя огромный круг». Специальное подразделение облавщиков – «рука», тесно взаимодействуя с другими, загоняла стада зверей плот-

нее в круг, «суживая его с двух сторон, востока и запада». После этого «рука» отходила назад. Животные, особенно крупные, сбитые в кучу, становятся легкой добычей. При наличии тысячи человек выделяется специальная группа – «годоли» – стрела (упомянут в «Тайной истории монголов» «стрела-годоли с кипарисовым лобком», см. Сокровенное сказание, 1990, § 116, с. 42) во главе с «бага джасулом». Во главе облавы находятся три человека. Облавные крылья в этом варианте выходят от точки в центре, именуемой «туб» – середина, изображая дугу большого радиуса, а затем должны сойтись в определенном пункте, расположенном напротив начального исхода. При схождении крыльев охотники в цепи должны молчать, чтобы не испугнуть окружаемого зверя. После схождения облавы командиры крыльев должны сойтись и обменяться металлическими пластинами – «пайдза», передаваемыми по цепи к главному руководителю. Тот, «получив пайдзы как доказательство того, что крылья сошлись, отдает команду на смыкание и сужение круга облавы к центру – «хаморхо». Когда круг будет достаточно сужен, то в него входят князья, стрелки, которым и предоставлено право первыми бить загнанного зверя» [Жаргалов, 1996, с. 132–133].

В средневековых монгольских облавных охотах, как можно убедиться, были задействованы большие воинские контингенты, занимавшие огромные территориальные пространства. По временной продолжительности такие охоты варьировались от месяца до полугода и устраивались обычно в осенне-зимний период. Одним из правил таких облав было то, что охотникам-воинам не давали использовать против животных другое холодное оружие, кроме лука и стрел. Скорее всего, это было связано с тем, что таким образом пытались предохранить шкуры и кожи зверей от сильных повреждений. Пропустить зверя через цепь облавы считалось позором для воина. «Охотники должны были внимательно сохранять свои ряды и не выпускать добычи, малейшая небрежность влекла наказание палками» [Д'Оссон, 1996, с. 193]. В ходе облавных охот категорически запрещалось разговаривать, и охотники могли извещаться только условными знаками. У каждого подразделения был свой пароль (иногда крик птицы). Причем название пароля зависело от видовой специфики объекта охоты. В некоторых случаях, как на боевом марше, «приходилось совершать трудные переправы через реки, не нарушая непрерывности

цепи». Через некоторое время «бессчетное» количество различных видов животных оказывалось внутри гигантского круга. Охотникам «приходилось нести настоящую сторожевую службу: зажигать костры, выставлять часовых. Давался даже «пропуск» [Хара-Даван, 1992, с. 113–114].

На всем протяжении евразийского степного коридора облавные охоты по форме были принципиально однотипны. «Когда стадо сваков [т. е. сайгаков. — А. К.] замечено где-нибудь в траве в поле, хан или император татарский скачет туда верхом со множеством конных, и они со всех сторон окружают скрывающихся в высокой траве животных. Начинают бить в бубны, тогда испуганные сваки выбегают с разных сторон и всё мечутся от одного края облавы к другому, пока не обессилеют от усталости. Тут татары с криком бросаются на них и убивают» [Меховский, 1936, с. 60]. В казахских облавных охотах XIX в. использовались специально натренированные собаки. Всадники «обкладывали известное место выгнутым полукругом на расстоянии 200–300 шагов друг от друга. При сложных рельефных условиях они занимали места по краям тропинки или ущелья. Другие загонщики, направляясь вперед с криком и шумом, старались вспугнуть зверя и направить на затаившихся людей с тазы (каз. охотничья собака). В этих случаях высочившие звери насккивали на борзых, последние ловили их легко, без сопротивления» [Казахи, 1995, с. 51].

Способы и методы проведения облавных охот позволяют, на мой взгляд, провести непосредственное сравнение с тактическими приемами военного искусства кочевников. Так, общеизвестно, что военно-тактическая структура армии состояла из трех главных боевых единиц: центр («*туб*», «*дондо*», «*гол*», «*кул*»), правое («*барун гар*») и левое («*зун гар*») крылья. Подобно тому, как в центре построения линии охоты находился главный распорядитель облавы, в боевом построении кочевников здесь располагалась ставка («*ордо*») хана, выполнявшая задачу управления и командования войсками. Командный состав крыльев подчинялся непосредственно главнокомандующему. Правый и левый фланги — ведущие («каркасные») боевые единицы, которые несли всю основную тяжесть боя. Серьезные функции отводились в походном движении и в бою авангарду — передовому отряду. В его задачу входили выдвижение далеко вперед, обнаружение противника и последующее

наблюдение за ним, обследование местности, нахождение удобных стоянок и воды на пути следования для главного войска — функции, сходные с выполнением разведки (организационно — «*каба хайдак*», персонально — «*газарчи*») на облавной охоте. В полевых сражениях авангард, как правило, первый начинал бой с противником. В тылу боевого расположения кочевников находился специальный отряд (засада, резерв), действовавший в самый решительный и ответственный момент.

Эволюция военно-тактического искусства кочевников привела к усовершенствованию и усложнению триальной войсковой структуры. Наивысшего этапа боевое построение в кочевой тюрко-монгольской военной системе достигло в войсках Тимура. «Заслуживает глубокого внимания, что Тимур, следовавший Чингис-хану, при построении войсковой массы намеренно ослаблял центр и усиливал крылья и аррьергард. Предоставляя противнику успех в центре, он затягивал его между сильными крыльями, а от прорыва всегда гарантировал себя мощным резервом, которым всегда сам командовал. В развитой форме здесь действовал тот же принцип засады и затягивания противника для его охвата» [Кун, 1947, с. 29]. Впереди и по сторонам крыльев выделяются дополнительные войсковые соединения — фланговые охранения (*канбул*). Боевой строй доходил в глубину до трех и более линий.

На мой взгляд, триальное (иногда дуальное) войсковое деление кочевого войска практически полностью отражает структуру организации облавной охоты. В качестве дополнительного аргумента в пользу «охотничьей теории» происхождения элементов военного искусства можно обратиться к традиционным способам военных действий лесных обитателей Западной Сибири — хантов, манси. В тактике этих народов большое значение придавалось в разведке хождению «скрадом», слежению за поведением птиц и за противником. В военном деле хантов и манси важная роль отводилась приобретению воинских навыков на охоте, которая считалась «микро-моделью» войны. Боевые действия в лесной зоне сводились к незаметному приближению на близкое расстояние и действительной стрельбе из луков накоротке, в отличие от «загонно-облавных» способов кочевников, с широким маневрированием конных масс на открытых степных пространствах в зоне прямой видимости, возможностью и стремлением поразить цель на

максимальной (безопасной) дистанции [Тактика партизанской войны].

Отрывочные сведения о тактике ведения боя древними и средневековыми кочевниками Центральной Азии встречаются в китайских письменных источниках: «Искусно заманивают неприятеля, чтоб охватить его [выделено мной. – А. К.]: почему, завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц; когда бывают разбиты, то подобно черепахе рассыпаются, подобно облакам рассеиваются», – пишет о хунну летописец [Бичурин, 1950, с. 50]. Из этих сведений видно, что в ходе полевого боя хунну старались вывести (выманить, буквально «вытянуть») противника на открытое место и охватить его фланги с целью окружения. Чтобы осуществить такой тактический маневр, необходим был оперативный простор, и, естественно, для такого способа сражения кочевники выбирали удобное открытое пространство. В случае неудачи стремились быстро отступить разрозненными отрядами, дабы затруднить преследование.

В источниках довольно редко можно встретить свидетельства фронтально-лобового столкновения боевых частей кочевников и тяжелых бронированных подразделений оседло-земледельческих государств. «При удаче идут вперед; при неудаче отступают, и бегство не поставляют в стыд себе. Где видят корысть, там ни благоприличия, ни справедливости не знают» [Бичурин, 1950, с. 40]. Такая манера боя, именуемая в популярной публицистической литературе «скифской» (легкий, быстрый бой), была продиктована тактическими особенностями и боевыми возможностями кочевников, а также доминированием в комплексе вооружения оружия дистанционного боя (лук и стрелы), показывавшего свою боевую результативность на дальнем расстоянии без сближения с противником. После многократного (иногда непрерывного) обстрела из дальнебойных луков с использованием набора специальных стрел и нанесения максимального урона по живой силе и боевым коням врага кочевники переходили к решающей атаке. Отсюда стратегия и тактика хунну строилась на быстрых и внезапных набегах небольшими отрядами на китайские земли и лопешном отходе, а при встрече с регулярными войсками их боевые приемы сводились к изматыванию сил врага. Легковооруженные хуннские всадники за счет высочайшего мастерства владения луком и искусного мобильного маневрирования

на местности наносили лучше вооруженному противнику серьезные потери. Чтобы достичь победы в войне против хунну, китайцы должны были противопоставить им такую же лабильно-мобильную тактику с упором на применение ручных метательных средств. Поэтому китайский полководец Ли Му «построил войско «нанодобие крыльев», то есть охватил фланги противника» и добился успеха. Главной силой в его войске были лучники [Гумилев, 1993, б, с. 42-43; см. также Николоров, Худяков, 2004, с. 9-10; Худяков, 1986, с. 51-52; Крадин, 2001, с. 105].

В основу военной тактики кочевников был положен опыт проведения облавных охот с их территориальным простором и широтой маневра, который давал возможность при вторжении контролировать не только свой правый и левый фланги, но и не допускать их обхода неприятелем, то есть тактическая инициатива боя должна быть всегда в собственных руках. Даже «в оперативном искусстве отдавалось предпочтение глубоко проникающему маневру, нередко несколькими группами войск, действующими облавой», – совершенно верно, на мой взгляд, охарактеризовал военное искусство центрально-азиатских кочевников Ю. С. Худяков [Худяков, 1997, с. 136]. Сарматы, идя в набег, передвигались обширной линией, предпочитая не вступать в открытое столкновение, в случае появления вражеской армии и неизбежности столкновения собирались для отражения угрозы [Нефедкин, 2004, с. 94]. Монгольская конница специально разворачивалась широким фронтом и своим расположением напоминала форму огромного полукольца для того, чтобы охватить вражеское войско слева и справа с тактической задачей сжать и уничтожить его. Тактические задумки полководцев на поле боя становились все изощреннее и хитрее. «Притворное отступление, засада, отступление, втягивающее в засаду, применение чучел, неожиданный удар во фланг и тыл, скрытое приближение и полное окружение противника, внезапные ночные нашествия с поджогом селения со всех сторон – все это приемы, рассчитанные на обман противника, шли на то, чтобы вызвать в нем ужас и тем лишить боеспособности» [Кун, 1947, с. 28].

Давний и всем известный прием грозных противников Китая – хунну – ложное бегство (и не только у них, а фактически у всех кочевников) для подведения под удар заранее приготовленной засады, которая неожиданно нападала на неприятеля с

нескольких сторон, так что противник оказывался под двойным или иногда тройным ударом. При всей массовости его упоминаний в первоисточниках и растиражированности в публикациях хотелось бы обратить внимание на то, что этот прием сам по себе был достаточно сложным. Он требовал больших усилий, подготовленности, четкой последовательности действий простых воинов и их командиров. Для успешности этого военного приема необходимо было побудить армию противника покинуть свои боевые позиции (выгодные?), внушить ему мысль о слабости атакующего противника, заставить его двигаться в выгодном направлении. После окружения на местности его наступающих частей следовало позаботиться о нейтрализации попыток деблокирования взятых в кольцо и, если необходимо, в минимальные сроки уничтожить попавших в «капкан-западню» частей врага. Это хорошо фундируется источниками. «Модэ притворился побежденным и, отступая, заманивал гнавшегося за ним китайское войско. Модэ скрыл отборные войска, а выставил одни слабые: почему все китайское войско, состоявшее из 320 т. наиболее пехоты, устремилось за ним. Гао-ди прежде других прибыл в Пьхин-чен; а пехота еще не вся пришла. Модэ с 400 т. отборной конницы окружил Гао-ди в Бай-дын. В продолжение семи дней китайское войско не могло доставить осажденным съестных припасов. Конница у хуннов на западной стороне имела белых, на восточной серых, на северной вороных, на южной рыжих лошадей» [Бичурин, 1950, с. 51].

Засады, ловушки, «капканы» устраивались после предварительного изучения местности будущего сражения и с учетом всех особенностей рельефа. Так, надпись в честь уйгурского кагана Моюн Чура сообщает: «...у озера Тайган я собрал [войско], оттуда я послал отряд, чтобы [их] завлечь. Люди пришли. Переправившись через Черный Йоталык, они [этим] заставили [врагов] приблизиться. Я пошел им навстречу...» [Айдаров, 1971, с. 349]. Как правило, для засады выбирались естественно-природные укрытия (лес, холмы, бугры, горы и т. д.), а иногда при отсутствии таковых отряды лучников прятали буквально «под землю» (временные укрытия) или располагали в высокой траве. Такие выработанные навыки и методы ведения военных действий говорят о том, что кочевники в своей боевой практике активно применяли, прежде всего, приемы, отработанные как на облавной, так и индивидуальной охоте. «В

боевой тактике монголов принцип окружения противника имел решающее значение и применялся постоянно. Его применение требовало, конечно, большого опыта действия конными массами, рассчитанной точности их движений. Но и самый принцип и опыт его применения внушались опытом облавной охоты, отраслью народного труда коренного значения для всякого кочевника» [Кун, 1947, с. 28]. Для военного искусства древних тюрков, енисейских кыргызов, кочевых уйгуров в целом были присущи те же характерные стороны «военно-облавной тактики», представленные выше.

В государственном строе киданей военные рычаги управления стали преобладающими, а милитаризация государственного аппарата достигла особенно гипертрофированного состояния. «Государство в военном деле полагает за основу: любовь к народу. Если народ богат, то и воинов много. Если воинов много, то и государство непоколебимо», – вот выраженная в предельно сжатой форме суть военной доктрины правящей верхушки киданей» [Ларичев, Тюрюмина, 1975, с. 100]. В общем, это было характерно для всех центрально-азиатских кочевых обществ древности и Средневековья. В течение года для поддержания боевого состояния армии киданьские императоры дважды устраивали большие шестидесятидневные облавные охоты. В соответствии с восточным лунным календарем на новый год «в первую луну» зимой кидани отправлялись на охоту, а затем «в седьмую луну» (приблизительно сентябрь–октябрь). В основу военной организации, стратегии и тактики киданей были положены принципы облавной охоты.

Киданьская войска при нападении на территорию противника делилась на три-четыре армейские группы. Каждая из них имела четырехстороннее прикрытие, направленное на предотвращение внезапного удара противника, и свою разветвленную разведывательную службу до 10 тысяч человек, передвигающуюся по всем сторонам. Разведка собирала информацию на протяжении до 100 ли. Помимо них действовали мелкие караульные группы в среднем по 10 воинов, действовавшие вблизи расположения войск и лагеря неприятеля для сбора подробных сведений о нем. Такие меры предосторожности ставили задачу не допустить неожиданного появления и атаки врага. Отряды высококомобильных разведчиков оперативно доставляли киданьскому командованию военную информацию о противнике. Для быстрой передачи собранных

сведений пользовались специальной системой сигнализации и оповещения: в ночное время сигналы подавали «ударами гонгов», через звуки, «которые извлекались из раковин», характерными криками птиц и зверей. «Днем на марше сигналы воспринимались как на звук, так и наблюдением за специально подаваемыми знаками, своего рода кодом», передававшиеся через эстафету. Впереди армии в обязательном порядке располагался авангард в количестве 3 тысяч человек, который прикрывала сотня самых сильных и опытных бойцов. По фронту и флангу походного марша армии действовали специальные передовые подразделения «сяньфуны», со встречной и тыльной стороны имевшие разведку в количестве 10 человек, состоявшие из воинов с хорошим слухом и вооружением. Киданьские разведчики могли с дальнего расстояния по звукам определить движение вражеского войска. Эти принимаемые чрезвычайные меры безопасности предотвращали неожиданные атаки противника и во многом были заимствованы из практики охот и адаптированы к условиям военного времени. При обнаружении противника киданьские полководцы окружали неприятельскую армию с четырех сторон, не давая ему возможность выйти из готовящегося кольца. Такую оперативно-тактическую комбинацию удавалось провести при соблюдении задуманного плана, слаженности действий боевых частей, быстроты и незаметности передвижения обходных групп. При осаде городов и крепостей кидани старались занять три ключевые блокадные позиции вокруг вражеской стены и начинали штурм. При продвижении по территории противника кидани добывали питание грабежом местного населения по принципу «Конное войско, нападая на все четыре стороны, кормится», т. е. «облавым» методом [Наричев, Тюрюмина, 1975, с. 103, 105, 108, 110].

Чжурчжэньские племена Приамурья, разгромившие киданьскую империю Ляо и установившие впоследствии свою власть в Северном Китае, в течение года по четырем сезонам — весна, лето, осень, зима — устраивали облавы на диких зверей. Некоторые чжурчжэньские военачальники настолько любили этот вид охоты, что даже в дни серьезной опасности, когда «монгольские войска находились в Цзюй-юн-гуане, между тем Хушаху [цзиньский полководец — А. К.] ежедневно занимался облавою, нисколько не помышляя о военных делах» [Бичурин, 1996, с. 211–212]. Способы проведения облавной охоты в

Цзиньском государстве принципиально не отличались и проходили в том же режиме, что и у кочевников Центральной Азии; чжурчжэньские всадники строились в стандартную двухкрыльевую линию, являвшуюся одной из «основных построений цзиньской конницы» на поле боя. Авангардные позиции в чжурчжэньской армии были усилены отрядами копьеносцев, а при появлении неприятельского войска отправлялись разведчики для обследования его позиций. Чжурчжэньские воины предпочитали стремительную внезапную атаку противника с фронта, флангов и тыла, а углубившись в его строевые линии, «враз стреляют из луков» [Гончаров, 1986, с. 28; Деревянко, 1987, с. 125]. Последние фразы убеждают в том, что обойденный противник слева, справа по центру и с тыла подвергался интенсивному лучному обстрелу со всех сторон одновременно, то есть по окружности. Чжурчжэни при обороне укрывались в укрепленном месте и строились в круг. В монголо-цзиньской войне отряд Толуя [четвертый сын Чингизхана] подошел к перевалу Тунь-гуань кахалка, охранявшийся трехтысячным цзиньским войском, которые «стояли, построившись в круг, по ту сторону поля и на нижних склонах гор, оградившись тыном, в боевом порядке, выжидая боя». Все попытки монголов выманить их из укрепленного пункта не увенчались успехом. Толуй на военном совещании сказал: «Пока они не тронутся со своего места, с ними невозможно сражаться» и вынужден был отложить военную операцию [Рашид ад-Дин, 1960, т. II, с. 22].

Интересен пример, который дают половецкие способы ведения войны. В 1097 г. союзное русско-половецкое войско князя Давыда и хана Боняка, имея малочисленный отряд, всего 400 воинов, выстроилось и атаковало противника следующим образом: в центре расположился Давыд со стягом и 100 воинами, а Боняк, который практически командовал управлением боя, ввел в сражение только половину своих воинских сил, поделив их на три отряда по 50 человек в каждом. Вперед был выслан отряд стрельцов (стрелков) под командой половецкого батыра Алтуноны. Оставшиеся два отряда были спрятаны в засаду. «Алтунона же пригна к первому заступу (к передовому вражьему полку. — С. П.) и стреливше побегну перед угре, угре же погнаху по них, мняху Боняка бежаша». Как видно, здесь воспроизведен шаблонный кочевнический прием, (1) когда передовые части номадов, начиная обстрел противника из лу-

ков, бросались «в бегство», затягивая своих преследователей в засаду. (2) Половецкие засадные отряды бросились на врага с двух сторон. (3) Резервные полки половцев, подключившись к последней фазе боя, совместно довершили разгром обманутого противника «...и сбиша угров в мячь [букв. собрали их в «шар», круг], яко сокол галице збиваеть. И побегоша угры». Успех, что примечательно, был достигнут относительно малыми силами (всего 400 воинов). Неприятель (венгры) хотя и обладал, судя по всему, численным превосходством, но не смог решить боевую задачу. В данном случае это показывает, что в половецком военном искусстве «основным принципом их было заманивание врага в ловушку». В знаменитом походе на половцев Игоря Святославича в 1185 г., воспетого в «Слове о полку Игореве», полководцы кочевников осуществили тактический план по вовлечению русского войска в западню «посреди степи». Русские, поддавшись на хитрую уловку с подставными «вежами половецкими», которые были «легко» взяты, отклонились от основного направления похода. На следующий день они оказались в «мешке», со всех сторон окруженными «железными *пѣлками половецькими*», подошедшими за ночь со всей степи. В этом случае кочевые вежи использовались в качестве особой приманки, дабы русское воинство поменяло свой маршрут и оказалось в районе, неблагоприятном для них тактически [Плетнева, 1990, с. 134–136, 161–164].

Во время своего пятого похода в Могулистан (1388–1389 гг.) продолжатель монгольского военного искусства Амир Тимур отправил отборное войско на розыски противника. Облавные отряды, подойдя к р. Иртыш, разделились на два крыла, двигавшихся параллельно по обоим берегам реки. В этой масштабной военной кампании на курултае «вышел приказ, чтобы... войска поотрядно отправились различными дорогами и, охватив все местности... и степи той страны, являющейся местом кочевий народа Джете, не оставили бы и следа от того, что где-либо обнаружат. Согласно обязательному фирману собрали всех проводников и вожатых и, разузнав [у них] о дорогах, занесли [сведения в реестры]. Когда их распределили между эмирами и царевичами, было решено, что каждый отряд отправляется своей дорогой с назначенным проводником на исторжение и искоренение неприятелей и тех людей, что из страха перед их разящими мечами выйдут из любого укромого места, захватят всех, и

все соберутся в местности Юлдуз». И далее, «они нападали по всем сторонам и краям от дороги и везде, где обнаруживали врагов, завершали дело избиением и грабежом... В поисках народа бул(а) гачи и салучи они шли, осматривая все края тех областей». Всего в этой операции было задействовано 5 отрядов общей численностью 120 тысяч человек [МИКК, 1973, с. 138–140; Пишулина, 1977, с. 77].

Такую тактику войск Тимура вполне можно назвать целенаправленной «облавной охотой» на людей противника. В письменных источниках нередко воины-кочевники в момент нападения на врага сравниваются с хищниками. «Монголы, точно львы, бросающиеся на стадо газелей, пошли на китайцев и перебили большую часть того войска, многие разбежались и погибли в горах» [Рашид ад-Дин, 1960, т. II, с. 24]. Отсюда, не случайно средневековый автор Насир-Хусрау подчеркивал: «Всякого чужеземца, которого видят, они [т. е. кочевники. — А. К.] называют дичью» [Росляков, 1962, с. 207]. Такая характеристика кочевников часто встречается в источниках: тюрок, «завидев нашего всадника, ... смотрит на него, как гепард на добычу, или как гончая на антилопу». Или: «тюрку кусок не идет в горло, если пища добыта не на охоте или в набеге» [Ал-Джахиз, 1993, с. 85–86].

Сигизмунд Герберштейн в начале XVI в. со слов очевидцев писал о татарах: «Сражение с врагом они начинают издали и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то [при первой возможности] татары пускают назад в них стрелы; затем, внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов. Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда, для этого у них есть опытные в сих делах вожатые (ductores), за которыми они следуют. Но если эти (вожатые) или падают от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага. Такой способ боя из-за сходства называют "пляской"

(chorea). Если же им приходится сражаться на узком пространстве, то такой способ боя уже неприменим, и поэтому они пускаются в бегство, так как не имеют ни щитов, ни копий, ни шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной (statarius) битве [выделено мной. – А. К./]» [Герберштейн, 1988, с. 168; Герберштейн, 1908, с. 142–143].

Этот красочный сюжет комментировался М. В. Гореликом, который называет круговое построение кочевников «хороводом», «каруселью», с помощью которого велся непрерывный обстрел «с максимально близкого и выгодного положения – вбок вперед и особенно – в бок назад». В результате такого движения по «часовой стрелке» противник всегда находился слева от стрелков, которые успевали выстрелить в среднем по 2–3 раза. Эффективность такой стрельбы была высокой только в том случае, если противник находился в позиции «неподвижной мишени» [Горелик, 1990, с. 156–158; Горелик, 2002, с. 30]. И на этой начальной стадии боя решался исход битвы, так как массовые потери (не обязательно убитые, а тяжелораненые и просто выведенные из строя бойцы) противоборствующей стороны вынуждали его отойти или спастись бегством. Такое представление можно принять, но откуда взят был этот довольно специфический кочевнический прием? Мне кажется, что «хоровод» («карусель») мог применяться на облавной охоте, когда согнанные дикие звери, собранные в кучу, подвергались охотниками массированному обстрелу. Нужно обратить также внимание на то, что С. Герберштейн говорит о «вожатах» (ведущих, «предводителях»), за которыми выстраивались и следовали лучники, соблюдая определенный порядок. По всей вероятности, «вожатыми» были руководители звеньев (отделений), которые, описывая движения по кругу, отдавали команды на открытие стрельбы. Как видим, боевое построение в виде круга – обычный военный прием кочевников, которой был перенесен из организации облавы.

Безусловно, в процессе непрерывной военной деятельности способы и приемы тактики не стояли на месте, а совершенствовались и развивались в зависимости от имеющегося военно-технического арсенала, конкретной боевой ситуации, цели и задач войны, но неизменными оставались сами принципы, на которых базировалось военное искусство кочевников. Так, англичанин Джон Кэстли, находясь в Младшем жузе в 1736 г. с посольской миссией, отмечал, что казахи на войне, «в

бою ... не знают порядка, атакуют так же хитро, как копка ловит мышей. Чтобы окружить врага, они ползут в высокой траве 2–3 версты, как при охоте на диких лошадей, а когда им кажется, что враг окружен, стреляют, лежа на земле, из своих камерных труб и почти каждым выстрелом убивают человека» [Кэстль, 1998, с. 107; Матвиевский, 1958, с. 143]. У тех же «бурят традиционная тактика ведения войн и обложения зверя – окружение» [Жамбалова, 1991, с. 110]. Можно говорить с определенной долей вероятности, что в основу военной тактики кочевников евразийского степного пространства были положены техника и разнообразные методы облавной охоты.

Специфическое кочевническое военное искусство – «военно-охотничья тактика» – ярко отражено в монгольских правовых установлениях – Яса Чингиз-хана. «I. Статут об охоте. «Когда монголы не заняты войной, они должны отдаваться охоте. И они должны учить своих сыновей, как охотиться на диких животных, чтобы они набирались опыта в борьбе с ними и обретали силу, энергию выносить усталость и быть способными встречать врагов, как они встречают в борьбе диких и неприрученных зверей, не щадя (себя)» [Вернадский, 1999, с. 110]. У Джувайни: «Большое внимание он [Чингиз-хан. – А. К.] уделял травле зверя и говорил, что охота на диких зверей подобает военачальникам; и обучение ей – обязанность воинов и бойцов, [чтобы те знали], как охотники гонят зверя, как ведут охоту, как строятся и как окружают добычу, смотря по числу людей» [Джувайни, 2007, с. 13]. В другой норме настоятельно подчеркивается, что «мужчинам разрешается заниматься войной и охотой». Самое серьезное внимание Яса уделяла сохранению высокого уровня боевой готовности войск. «Чтобы поддерживать боевую подготовку армии, каждую зиму надлежит устраивать большую охоту. По этой причине воспрещается кому бы то ни было убивать от марта до октября оленей, козлов, косуль, зайцев, диких ослов и некоторые виды птиц» [Хара-Даван, 1992, с. 187, 112–113]. Характерно в этом плане крылатое высказывание киданьского императора Тайцзуна, в ответ на вопрос о частом проведении охот: «Мои облавные охоты – не забава, а обучение военному делу» (цит. по: [Ларичев, Тюрюмина, 1975, с. 101]). В этом предложении достаточно четко сформулирована мысль: облавные охоты – это подготовка армии к военным действиям. Сходные сведения параллельно сообщают и арабские источники. У Ал-Фахри

тюркская «охота – серьезное занятие объемлет много значительных выгод, высшая из которых упражнение ратников в скачке, в нападениях, в набеггах, в искусстве приучиться к верховой езде, метать дротики, бить саблех и булавох. Другах выгода охоты заключается в испытании конех» [Гусейнов, 1967, с. 146–147; см. также МИТТ, 1939, т. I, с. 150; Мандельштам, 1956, с. 232; Юнусов, 1990, с. 99–100, 102 и др.]. Китайские источники о монголах: «Их обычан – стрельба из лука и охота», «татары только охотятся и стреляют из [лука]» [Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 37, 63]. В работах известных востоковедов В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова, Г. В. Вернадского, А. Ю. Якубовского подготовка армейских подразделений монгольских государств к военным действиям посредством облавной охоты звучит как аксиома. «Охота – маневры для войска» [Бартольд, 1963, т. I, с. 452], «важным средством для поддержания дисциплины, обучения и тренировки воинов были организуемые в больших масштабах облавные охоты, во время которых все требования дисциплины должны были соблюдаться также строго, как на войне» [Бартольд, 1968, т. V, с. 619–620]. «Войска Чингиса до начала враждебных действий занимались облавными охотами, которые служили для добычания провизанта, а также военными маневрами и откармливанием своих конех» [Владимирцов, 1992, с. 76]. Для Г. В. Вернадского «охота... отличная тренировочная школа для взрослых воинов, насколько нам известно из включенного в Великую Ясу статута об охоте. Правила Ясы относительно большой охоты делают очевидным, что это занятие играло роль армейских маневров», «очевидно, что охота не была только наиболее популярным спортом монголов, она рассматривалась Чингисханом как государственный институт и основа военной подготовки» [Вернадский, 1999, с. 119, 110; Grousset, 1970; Phillips, 1969; Saunders, 1971; Chambers, 1979; de Hartog, 1979; Benson, 1995; Allsen, 2006 и мн. др.]. (О проведении монголами военных операций в «облавном стиле» см.: [Sinor, 1975; Sinor, 1999]). Все эти обоснованные выводы в ракурсе «охота – подготовка – война» могут быть распространены на военное искусство евразийских кочевников в целом.

Несомненно также и то, что облавные охоты выполняли полифункциональную роль в системе военного дела кочевников. На массовых сборах всех военнообязанных полководцы во время охоты отработывали и выполняли основные боевые

операции кочевой конницы: атаки с флангов, тыла, обходной маневр, обманные движения, прорыв боевого строя противника, активное беспокойство его на марше и отдыхе, на переправах через реки, днем и ночью, большие длительные маршброски, разведка, заманивание в засаду, активное стратегическое и тактическое преследование и т. п. Охота способствовала обучению, совершенствованию и тренировке в стрельбе из лука, выработке умения владеть различными вариантами походного движения и взаимодействию между воинами, выучке лошадей движению в строю, повышению мастерства воинов-всадников. Военная («призывная») молодежь отбывала на облавной охоте своего рода воинскую повинность. Здесь же происходило обучение военному делу молодых воинов, которые узнавали секреты воинского мастерства в экстремальных условиях, приучались к выполнению команд и сигналов командиров в ситуациях максимально приближенных к боевой обстановке.

В Древнем Иране участие в охоте ахеменидских юношей рассматривалось как «упражнение в военных играх, навыках рано вставать, переносить холод и зной, уметь ходить и бегать, не бояться опасностей». Такие военно-спортивные мероприятия были обязательными при прохождении «обрядов инициации – посвящения в мужи-воины» [Зуев, 1998, с. 96–97]. Тем самым облавную охоту следует считать военной игрой с заранее распределенными ролями. Среди монголоязычных этносов Средневековья – киданей, монголов известностью пользовалась специальная игра – облавные шашки («бугу»), проводившаяся на глиняной доске. Реконструированная доска для игры в «бугу» представляла собой плоскость, расчерченную на квадраты с пересекающейся диагональю. Суть игры заключалась в охоте на оленя, который бежит из Хангайских гор в Гоби. Хангай на доске изображался квадратом, повернутым к ней углом с двумя пересекающимися диагоналями, а Гоби – треугольник с повернутым (вершиной) углом к доске с разделительной линией по середине параллельно к доске. К сожалению, неизвестен материал, использовавшийся в качестве фишек (кость?), и сами правила игры. В основу «бугу», несомненно, заложены принципы облавных охот [Жаргалов, 1996, с. 112]. Игра в «бугу» помогала развивать оперативно-тактическое мышление.

Известно, что войска кочевников в период дальних походов, особенно если маршрут проходил по степной и пустынной зоне со скудной (сезонной) кормовой базой, в обязательном порядке проводили облавы на диких животных, и не только в целях военных маневров, но и для пополнения продовольственных запасов. Об этом неоднократно говорят источники: в енисейском памятнике, можно прочесть: «Говорят: войско ханства выступило на охоту. В облаву попались козули-звери. Хан своей рукой поймал (зверей). Население и все войско его (т. е. хана) радовалось. Так знайте – это хорошо» [Малов, 1951, с. 91]. «Тоорил-хан, двигаясь с войском, попутно совершал облавы», воины Чингиз-хана после понесенного поражения от Ван-хана и Джамухи «по дороге продовольствовались облавой», во время похода монголов на найманов «облавы шли вокруг урочища Тулкин-чеуд» [Сокровенное сказание, 1990, § 115, с. 42, § 175, с. 73, § 190, с. 84; см. Джувайни, 2006, с. 54–55 и др.]. «Когда при выездах в карательный поход в Срединное государство [татары] съедают [в пути] всех овец, то [они] стреляют зайцев, оленей и диких кабанов для пропитания. Поэтому, сосредоточивая войска [численностью даже] в несколько сот тысяч [человек], [они] не разводят дыма и огня» [Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 69]. Тимур, совершая длительный дугообразный рейд по территории Восточного Дашт-и Кыпчака против Тохтамыша в мае 1391 г., «позначил охоту, и когда тавачии объявили эмирам правого и левого крыла, то войско отправилось на облаву. Оцепив всю ту бесконечную равнину, они согнали бесчисленное множество зверей и птиц и через 2 дня произвели травлю... войско убило столько оленей, антилоп – сайг, лосей (булен) и разной другой дичи, что, несмотря на такое оскудение, брали жирное и оставляли тощее» [Йазди, 2006, с. 312]. Крымский хан Ислам-Гирей III, выступив с войском из столицы ханства Бахчисарая, по пути занимался охотой и ловлей животных [Кырымлы, 1998, с. 63]. Такое пополнение провианта было характерно не только для кочевников, но и для войск оседло-земледельческих государств. Польский король Владислав в 1409 г., готовясь совместно с литовским князем Витовтом к решительному столкновению с немецким Тевтонским Орденом, пошел «на охоту в Беловеж, ...занимаясь охотой и пребывая у Беловежа в продолжение восьми дней, добыл много лесных зверей и, засолив в бочках, переслал их по

Пареву и Висле в Плоцк про запас для будущей войны» [Длугош, 1962, с. 57].

Такие военно-походные облавы имели строго продуманную организацию и порядок движения войска на место охоты-маневров, а также поведение во время охоты и при возвращении обратно, обладали серьезным внутренним и внешнеполитическим пропагандистским (демонстрационным) значением, т. е. показывали и друзьям и врагам мощь, силу, непобедимость своей армии (о политико-дипломатической роли охоты в государствах Востока см.: [Allsen, 2006]). В эпоху Средневековья в восточных странах охота считалась подготовкой армии к войне. Потомки кочевников-тюрков евразийских степей – египетские мамлюки специально организовали и создали в XIII в. «массовую технику ведения охоты», в которой воины брали в клещи заранее выделенную (обозначенную) площадь, а затем зажимали кольцо, истребляя встретившихся на их пути зверей [Мамелюки, 2002, с. 14].

Облавная охота считалась прекрасным времяпрепровождением для кочевой знати. Хулагу-хан в иранском походе, переправившись через р. Джейхун, «для развлечения отправился на прогулку к реке. Внезапно из зарослей показались лесные тигры. Он повелел, чтобы всадники, став кругом, устроили облаву» [Рашид ад-Дин, 1946, т. III, с. 25, см. там же с. 96; Сафаргалиев, 1960, с. 74]. Массовые охоты проходили в атмосфере роскошного праздника и служили поднятию и поддержанию боевого духа воинов (рис. 18). Зрелищность, стремительность, драматичность, сила, ловкость, удача, демонстрировавшаяся охотниками, богатая и престижная добыча – все это создавало атмосферу веселья и высшего удовольствия. Одновременно такая охота была ритуально-магическим воспроизведением предстоящей битвы: воины-охотники преследуют бегущего зверя (врага), окружают и поражают будущего противника и тем самым одерживают над ним полную победу [Симаков, 1989, с. 35; Симаков, 1995, с. 64–72; Симаков, 1998, с. 181–184]. Впрочем, рассмотренный выше пример перехода от проведения облавных охот к вторжению во вражескую страну показывает, что охота была маскировкой, призванной прикрыть истинные намерения военачальников кочевников по осуществлению плана нападения на противника. В кочевом обществе охоту рассматривали в качестве инсценировки (репетиции) набега на землю противника, в которой участвовали все

свободные члены общества. Подготовка к ней шла самым тщательным образом, как к настоящей войне. Именно на облавных охотах выделялись наиболее смелые воины, способные показать свои лидерские качества и военные таланты, которые впоследствии и становились командирами. Неучастие (отстранение от участия) в охоте среди мужчин-кочевников рассматривалось в качестве дискредитации человека как воина и считалось тяжелым моральным наказанием.

«Военно-охотничье мировоззрение» тюрко-монгольских народов Средневековья опосредованно нашло выражение через образы и характерные качества хищных зверей и птиц. Древнетюркский рунический памятник в честь героя Кюльтегина гласит следующее: «(12). Так как небо даровало (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам». Другая надпись гласит: «Когда было сражение, он [т. е. каган. — А. К.] предводительствовал (направлял) войсками, когда была охота (на зверей), он был... как... (?)» [Малов, 1951, с. 37; Малов, 1959, с. 28]. Хотя последние слова остались неизвестными (из-за дефектов), но мысль писавшего, кажется, более чем понятна. Автор, по-видимому, сравнивает полководца-кагана с хищным зверем (птицей), который идет в бой как на добычу.

Традиционное военно-идеологическое представление nomadов отражено и в письменной традиции оседлых народов. Военные вожди тюрков говорили омейядскому наместнику Хорасана Насру ибн Сейиару: «Великому и достойному полководцу нужно обладать десятью свойствами из свойств зверей — мужеством петуха, склонностью к спору курицы, сердцем льва, натиском дикого кабана, лукавством лисы, терпением пса, высотой полета сокола, чуткостью журавля, алчностью волка, жиром нугайра, а это животное в Хорасане, которое жиреет, несмотря на трудности и бедствия» [Бертельс, 1947, с. 73; см. Малов, 1951, с. 292–293]. Там же Е. В. Бертельс доказал, что этот список животных восходит к достоверным традициям. Варьируется следующий список животных: лев, кабан, волк, медведь, як, лиса, сорока, ворон, верблюд, сова, тигр. Среди тюрков сопоставление образов зверей и людей было обусловлено мифологическими представлениями. Сочетание и отождествление образов людей и конкретных животных было не случайным, а воплощало в себе черты героического идеала воина-степняка [Бертельс, 1947, с. 61, 74–75]. В именах тюрк-

ских народов постоянно встречаются имена с так называемой «звериной семантикой». Например, «Каплан» («Қабылан», «Қобыланды-батыр» у казахов) – тигр, «Арыстан» (каз.), «Аслан» – лев, «Бар(ыс)» (вспомним правитель мамлюкского Египта султан «Байбарс») – снежный барс, леопард, «Бури, Курт» – волк, «Буга» (частая приставка к именам монголов и тюрок, золотоордынский хан 1287–1290 гг. – Тула-Буга) – бык, «Домбай» – зубр, птицы: «Лач(ш)ин» – сапсан, «Сұңқар» – сокол, «Бүркіт» – беркут, «Қыран» (четвертый сын Орда-Еджена – «Кунг-Кыран») – горный орел (в смысле хваткий, зоркий, ловкий) и т. д. Звериными именами и прозвищами кочевники наделяли своих детей и выдающихся людей, чтобы они обладали (или которые уже имели) такими же качествами, присущими для этих видов хищных животных и птиц. В киданьской армии империи Ляо отдельные армейские подразделения назывались по характеру агрессивных хищников: «Хуцзюнь» – отряд, побеждающий как тигр (пеший отряд императорской гвардии), «Хуцзюнь» – армия тигров (военное соединение), «Хуцзюнь» – армия соколов (военное соединение) или «армия драконов», «железные коршуны» [Е Лун ли, 1979, с. 389, прим. 14] и т. д. Отсюда закономерно, что в структуре современных Вооруженных сил Республики Казахстан есть части специального назначения, которые имеют наименование – «Бүркіт», «Сұңқар», «Арыстан», что является отголоском древней военной традиции тюрко-монгольских nomads.

В наставлении Чингиз-хана Субэдэй-бахадур говорит:

В обычной жизни живите тихонько, подобно годовалым телятам.

В бою действуйте быстро, преследуйте, подобно соколу, что хватает добычу!

Во время несения и игр будьте, как жеребята, бегущие в поле,

В бою преследуйте врага и хватайте, как сокол, что бьет на лету!

В обычной жизни ведите себя, как колонок, что движется, таясь.

В бою, где нужна ловкость, действуйте и нападайте, подобно соколу!

Будьте дружны, подобно телкам в ограде, собравшимся вместе.

В бою нападайте на хитрых врагов, пускайте стрелы, хватайте, как ястреб!

Идите, как голодный тигр, как беркут, выдержанный без еды!

Ясным днем будьте бдительны, как матерый волк!

Темной ночью будьте осторожны, как ворон!

Полкрадывайтесь, как крадется ревнивая супруга.

[Лубсан Данзан, 1973, с. 196].

В притчах и биликах Чингиз-хана встречаются следующие изречения на тему «Охота – война»: «Среди [мирного] населения будьте смиренны, как малый теленок, а во время войны кидайтесь в бой, как голодный ястреб, бросающийся на дичину», «Мы отправляемся на охоту и убиваем много изюбрей, мы выступаем в походы и уничтожаем много врагов. Поскольку всевышний господь указывает [нам] путь, это [нам] легко удастся, люди же забывают [это] и видят здесь другое» [Рашид ад-Дин, 1952, т. I, кн. 2, с. 261].

По сведениям осведомленного Джувайни, у монголов «наилучший порядок организации войска; ибо львы, пока не проголодаются, не выходят на охоту и не нападают ни на какого зверя. Есть персидская пословица: «От сытой собаки нет охоты», и еще сказано: «Мори голодом свою собаку, чтобы она следовала за тобой». Какое войско во всем мире может сравниться с татарской армией? В бою они, нападая и атакуя, подобны натасканным диким зверям, а в дни мира и спокойствия они как овцы, дающие молоко, шерсть и многую другую пользу [Джувайни, 2007, с. 16; см. также Греков, Якубовский, 1950, с. 107]. Суть этих сентенций, видимо, сводится к тому, что войско уподобляется (доводится) до состояния агрессивного («жаждущего добычи») хищника.

ГЛАВА III. ОБЛАВНАЯ ТАКТИКА И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ АРМИЙ XIII–XV вв.

3.1. Военно-облавные приемы в армии Чингиз-хана

Одним из основных тактических приемов кочевых армий в войнах был принцип окружения (блокирование со всех сторон, обходной маневр, охват флангов, взятие в кольцо) войск противника как в отдельно взятом сражении, так и в стратегическом развертывании вооруженных сил в ходе выполнения военных операций. По мнению известного российского военного теоретика прошлого века А. А. Свечина, в бою «монголы стремились к окружению неприятеля, чтобы дать решительный перевес метательному оружию. Это окружение легко получалось из широкого походного движения; ширина последнего позволяла монголам распускать преувеличенные слухи о многочисленности наступающей армии» [Свечин, 2002, с. 142]. Примерно по такому военному сценарию действовали и сарматы до нашей эры при вторжении на территорию врага, рассыпаясь на мелкие группы, то есть атакуя широким фронтом [Нефёдкин, 2004, с. 86]. Соглашаясь в целом с позицией А. А. Свечина, в то же время хочется уточнить, что такой тактический способ как окружение мог возникнуть у кочевников не только из походного движения армии, но и из самой тактической модели нападения, выработанной (подготовленной) кочевниками. Ширина, а самое главное скорость такого развернутого движения по главным (заранее выбранным) направлениям давало возможность армии номадов практически молниеносно выполнить тактический замысел по охвату выбранной цели. Так, войска Чингиз-хана, двигаясь в походе на ставку киреитов, например, «не делая даже ночных остановок, подошли и окружили Ван-хана в Чжер-кабчигайской пади Чжечежерских высот» [Сокровенное сказание, 1990, § 185, с. 80]. В битве с найманами монголы опять же стремились окружить противника. При приближении монгольского войска «заметил Таян-хан, что вслед за ними, ликуя, мчатся и окружают их витязи. И спросил Таян-хан Чжамуху: «Кто же вой те и зачем окружают?» [Сокровенное сказание, 1990, § 195, с. 89]. У кочевых народов попадание собственного войска в окружение почти приравнивалось к неизбежному поражению.

Поэтому найманский Таян-хан, напуганный подробными «пояснениями» Чжамухи о силе монгольских воинов и опасаясь оказаться в монгольском окружении, отступает все дальше в горы. Монгольское войско, преследуя найманского царевича Кучлука, сумело настичь его в районе Бадахшана, в одной из долин. В этой местности охотились местные жители, которые видели остатки войска Кучлука «и подошли к ним». Монголы, подошедшие с другой стороны долины, предложили бадахшанским охотникам поймать и доставить к ним мятежного предводителя найман. «И тогда эти люди окружили Кучлука и его сторонников взяли его в плен и предали монголам» [Джувайни, 2004, с. 43–44]. Фактически отряд Кучлука, судя по всему, был заперт в этой горной долине с двух сторон и находился в западне в окружении монголов и бадахшанцев, так что последние без особых осложнений захватили беглецов.

Французский исследователь истории Центральной Азии Рене Груссе считал, что монгольская тактика — это есть более совершенная форма старых методов, использовавшихся сюнну (хунну) и туцзюе (тюрками), складывавшаяся из непрерывных рейдов на окраины оседлых земледельцев и крупных охотничьих гонов в степях. Кочевники научились терпеливо подкарауливать оленей стада, выдвигали вперед множество бесшумно и невидимо передвигающихся разведчиков, наблюдавших за добычей или врагом, при этом оставаясь совершенно незаметными. Применение строевой линии из загонщиков, производивших шум на охоте, обучило воинов направлять движение неприятеля, так же как ориентировать поток бегущего стада диких животных в степи, и давало возможность делать на войне обходы флангов вражеской армии. Монгольские всадники появлялись неожиданно, разворачивали свои боевые порядки и окружали противника. Действия монголов в бою исследователь называл традиционными и давними уловками охотника. Монголы и их лошади были на охоте (войне) против китайцев, персов, русских и венгров так, как будто они находились на охоте на антилопу или тигра. Монгольский лучник убивал европейского рыцаря так же, как он поражал орла, парящего в полете. Наиболее впечатляющие военные кампании монголов — войны в Средней Азии и Венгрии, проведенные в форме гигантских облав, устраиваемых для утом-

ления зверя (преследование, выматывание и окружение) и последующего системного разгрома [Grousset, 1970, p. 137–139].

Г. В. Вернадский, анализируя военное искусство монгольской армии, также пришел к выводу, что основной целью стратегии у них считалось окружение и уничтожение главных сил врага. Чтобы достичь этой цели, они употребляли тактический прием большой облавы – взятие в кольцо. Сначала монголы охватывали большую территорию, а потом «постепенно сужали и уплотняли кольцо. Способность командиров отдельных колонн к координации своих действий была поразительной. Во многих случаях они собирали силы для достижения главной цели с точностью часового механизма. Операции Субэдя в Венгрии могут рассматриваться как классический пример этого метода. Если монголы при столкновении с основной армией противника не были достаточно сильны для прорыва ее линий, они изображали отступление; в большинстве случаев неприятель принимал это за беспорядочное бегство и бросался вперед в погоню. Тогда, принимая свои навыки маневрирования, монголы неожиданно поворачивали назад и замыкали кольцо. Типичным примером этой стратегии была битва при Лигнице. В сражении на р. Сить русские были окружены до того, как они смогли предпринять какую-либо серьезную контратаку» [Вернадский, 1999, с. 123; см. также Кун, 1947, с. 28]. Все эти соображения хорошо подкрепляются свидетельствами письменных источников.

В разбираемом сюжете уместно обратить внимание на то, что у монголов «сотня всадников окружает и может охватить десяти тысячное войско, а тысяча всадников, разделившись и растянувшись, может заполнить пространство на сотню *ли*» [Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 67]. Для проведения таких тактических мероприятий, безусловно, необходима заранее отработанная на учебных маневрах оперативно-тактическая схема четко гармоничных (согласованных) действий воинских частей. Такой тренировкой могло быть, скорей всего, веками закрепленная в военном деле кочевников боевая облава. Таким образом, монголы обладали очень развитым для того времени оперативно-тактическим искусством координации, слаженности и неукоснительности выполнения действий войсковых группировок.

При наступлении на территорию противника монголы расконцентрировали свои боевые силы на несколько крупных ар-

мейских групп. В тангутском походе «Чингис-хан, разослав отряды [т. е. во все стороны. — А. К.], приказал до конца выловить тех Тангутов с решетчатыми юртами и вьючными верблюдами, которые при отступлении Аша-Гамбу вместе с ним забрались в горы» [Сокровенное сказание, 1990, § 266, с. 136]. В первой войне с империей Цзинь «царевичи Джучи, Чагатай и Угэдэй, *разделившись, облавой* брали округа Юньнэй, Дуншэн[чжоу], Ушо[чжоу], которые пали перед ними» [Юань ши, 2005, с. 460]. Текст «Юань ши» отчетливо указывает на то, что войска Чингизидов проводили военные действия облавным способом, то есть рассредоточившись по цзиньской территории. Следует заметить, что в военных кампаниях монгольских войск на территории Северного Китая систематически использовались военно-облавные приемы. Перед проведением масштабной военной операции по древней военной традиции центрально-азиатских кочевников монголы проводили облавные охоты, которые, как известно, считались генеральной репетицией войны. Весной 1230 г. Угэдэй «с Толусом охотились на реке Орхон, после чего были посланы войска окружить Цзинтао» [Юань ши, 2005, с. 479]. Можно обратить внимание на то, что монголы осуществили, по всей вероятности, облавную охоту как боевое учение и только после этого были выдвинуты войска для выполнения военной операции по окружению противника. Или другой пример: «на рассвете монгольские войска, будучи усилены железною конницею, *окружили их* [цзиньцев. — А. К.] *со всех сторон*» [Иакинф, 1996, с. 288]. В походе на цзиньскую провинцию Хэнань войска Субэдэя «были сосредоточены у горы Саньфэншань, и цзиньские солдаты были охвачены несколькими кольцами окружения» [Юань ши, 2005, с. 502]. В 1231 г., овладев стратегическим Чабчияльским перевалом, Угэдэй «разослал в разные стороны отряды для осады различных Китадских городов» [Сокровенное сказание, 1990, § 272, с. 139].

В китайских источниках зафиксированы специальные боевые построения монголов, которые были ориентированы на проведение тактики боя в облавной манере. По сведениям Сюй Тина, «если основные войска [черных татар] соединяют [свои] силы и выполняют построение *«еж разворачивается»*, то [черные татары] вначале обжигают *ци-па*⁹ и [потом] избирают

⁹ Китайское название гаданий у монголов.

одного человека, чтобы командовал всеми подразделениями». Такое построение, разъясняет переводчик текста, означало специальный тактический маневр войск, рассчитанный «на одновременное окружение выброшенными из военных порядков маневренными конными отрядами» [Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 66, 100]. Исходя из контекста этого сообщения можно понять, что войсковые подразделения разворачивали такой боевой строй, направленный на взятие противника в полукруг или охват со всех сторон. Для успешного проведения подобной тактической комбинации был необходим единый командующий, который бы целенаправленно управлял и координировал ход этой сложной военной операции.

Другой яркий пример. Отряды чжурчженей под командованием Вань-янь-хада и Ира-буха заняли господствующие высоты, расположив пехоту впереди гор, а свою конницу выставили позади них. «Монгольские войска, приметив, что они не идут далее, *выстроились наподобие гусиных крыльев*, обошли подгорье, *зашли нючженской копнице в тыл и приблизились тремя колоннами*» [Иакинф, 1996, с. 250]. Интересно указание источника на построение войск именно в форме «гусиных крыльев», которые, скорее всего, могли разворачиваться в разные стороны с последующим смыканием к середине или выбрасной цели. Неоднократно источники отмечают, что монголы, окружив плотным кольцом противника, потом намеренно оставляли один проход и тем самым «заинтересовывали» (побуждали) противника воспользоваться этим выходом, чтобы затем обрушиться на него со всей силой с разных сторон в процессе бегства. Так, «монгольские войска, соединившись с войсками из Хэ-бэя, окружили их [чжурчженей. — А. К.] со всех сторон: разводили огни и пекли мясо, посменно отдыхая. Пользуясь изнуренностью и расслаблением войск нючженских, монголы открыли им дорогу в Цзюнь-чжеу и пропустили, между тем со свежими войсками ударили с двух сторон, отчего нючженская армия пришла в смятение. Крики подобны были обрушившейся горе» [Иакинф, 1996, с. 253]. Этот прием, вне всякого сомнения, был взят практически «в чистом» виде из облавных охот на зверей, когда охотники «давали шанс» животным выскочить из круга, а вслед за тем по спланированной программе гнали их на заранее приготовленную засаду или путем интенсивного преследования в заданном направлении уничтожали.

В среднеазиатском походе монголы плотным кольцом охватили один из главных городов Мавераннахра — Бухару. Защитники города во главе с *амир-ахур* Кушлу поняв, что их положение безнадежно, решили сделать прорыв и вырваться из вражеского окружения. «Когда татары увидели, что дело плохо, положение серьезно, что лезвие заострено, а зло велико, они обратились вспять перед их авангардом и открыли им путь для бегства. Если бы мусульмане сопроводили одну атаку другой, отбрасывая их словно пинком в спину и ввязываясь в сражение, то обратили бы в бегство татар. Но так как судьба отвернулась от них, они довольствовались лишь своим спасением. Когда татары увидели, что их цель — [только] избавление, они бросились следом за ними, стали перекрывать пути их бегства и преследовали их до берегов Джейхуна. Из них спасся лишь Инандж-хан с небольшим отрядом. Гибель постигла большую часть этого войска» [ан-Насави, 1996, с. 83]. Из книги ан-Насави следует, что монголы открыли проход намеренно, решив выпустить пробивающегося противника из созданного ими круга, а затем, преследуя и преграждая путь беглецам, добились их остатки.

На территории хорезмийского государства монголы целенаправленно применяли в погоне и поимке отходящего неприятеля и его «VIP-лиц» систему засад, сторожевых постов, растянутых на больном расстоянии. Чингиз-хан, получив известие об уходе сыновей султана Мухаммеда в Хорезм, «приказал войскам в Хорасане рассеяться по границе упомянутой пустыни и наблюдать из засад. Они устроили вокруг этой пустыни кольцо от границ Мерва до пределов Шахристана», а это один из округов Фаравы, с тем чтобы схватить сыновей султана, когда те, вытесненные из Хорезма, задумают уйти в Хорасан». Джалал ад-дин, выйдя из пустыни близ города Наса, нарвался на монгольский сторожевой отряд, состоявший из семисот всадников, и сумел разбить его в упорном бою [ан-Насави, 1996, с. 99–100]. Брату Джалал ад-дина — Узлаг-шаху, прорывавшемуся из Ургенча, несмотря на то, что ему удалось первоначально уничтожить преследовавший монгольский караул, повезло меньше. На одной из стоянок, не позаботившись о мерах предосторожности, он был атакован другим монгольским отрядом. «Нападавшие *окружили их, как ожерелье шею*, они ужаснулись, и то, что было легким, стало трудным, а за победой последовал разгром», а сам Узлаг-шах был убит мон-

голами [ан-Насави, 1996, с. 101–102]. По всей вероятности, монголы, уцелевшие в первом сражении с хорезмийским царевичем, быстро сообщили ближним сторожевым отрядам о приходе Узиак-шаха, а те оперативно отреагировали и нагнали его. Монгольские командиры, настигнув стремительно бежавшего неприятеля, старались ночью обойти его расположение со всех сторон и отрезать ему пути для бегства. Джалал ад-дин, имея тревожные известия о близости монголов, не позаботился об охране, а «утром он и его войска были окружены татарами» [ан-Насави, 1996, с. 284].

Монгольские войска, преследуя цель максимально охватить в оперативно-тактическом плане вражеские земли, всегда делились на стандартные группировки: правое, левое крыло и центр. В Хорасане «Тулуй, выйдя через [Тимур-кахангэ] и назначив правое и левое крыло [войск], сам шел в центре через Меручак и Багшур. Он захватил все те области и взял Мерв. Оттуда до Нишапура он целиком завоевал все округа и области, как то: Абиверд, Неса, Языр, Тус, Джаджерм, Джувейн, Хаф, Сенган [Шинган], Серахс и Зурабад, в которых каждый [их главный город] является весьма большим городом. Он также взял город Нишапур. В конце весны упомянутого года [1221 г.] он уже захватил все те города и области» [Рашид ад-Дин, 1952, т. I, кн. 2, с. 219]. Такой метод позволял успешно проводить сплошную зачистку неприятельской территории и не давал противнику возможность наладить и успешно осуществить оборонительные мероприятия.

Если противник применял против монголов оперативный принцип окружения, как, например, султан Джалал ад-дин в битве при Парване, то его ждал, как правило, тактический успех. Войско Джалал ад-дина численно превышало монгольское под командованием Шики-Кутуку, поэтому «оно делало круг, чтобы взять в середину монголов». «В то время, когда вот-вот должны были окружить [монголов], те не выдержали и обратились в бегство», и большая часть монгольского войска погибла [Рашид ад-Дин, 1952, т. I, кн. 2, с. 222]. Впоследствии, когда разбирались причины поражения, «Чингиз-хан достиг того места, где сражались Шики-Кутуку и султан, он спросил у Укара и Кутура [монгольские военачальники – участники битвы. – А. К.]: «Как стояли вы и как [стоял] султан?» Они показали. Он нашел их суждение и суждение султана негодными и сказал: «Вы [все] не знаете, какое место [пригодно]

для битвы!» И обвинил обоих эмиров» [Рашид ад-Дин, 1952, т. I, кн. 2, с. 223]. Из этого следует, что монгольские воеводы изначально неправильно выбрали место сражения, т. е. невыгодное в тактическом отношении, и таким образом позволили врагу окружить вверенное им войско. В свою очередь, окруженное войско, не имеющее свободного фланкирования, теряет одно из главных тактических качеств — маневренность, а соответственно, невозможность перестраивать собственное боевое построение, адекватно реагировать на изменения в ходе боевого столкновения.

Передовые монгольские отряды настигли убегающего Джалал ад-дина в пределах современного Пакистана на р. Инд (Синд). 23 (25) ноября 1221 г. здесь разыгралось крупное сражение между хорезмийцами и монголами. «Чингиз-хан узнал, что султан хочет на рассвете переправиться [на ту сторону реки], он опередил его намерение и, проскакав ночь, на заре охватил его спереди и сзади. Монгольские войска со [всех] сторон окружили султана; они встали несколькими полукругами друг за другом наподобие лука, а река Синд была как бы тетива, и когда солнце взошло, султан увидел себя между водой и огнем». А уже в ходе сражения, «так как не было приказаний [йаса] на то, чтобы стрелять в него, [монголы все] теснее стягивали кругом него кольцо [Рашид ад-Дин, 1952, т. I, кн. 2, с. 223]. «Джами ат-таварих» полностью воспроизводит сведения Джувайни об этой битве: султан «поспешил с правого фланга на левый, а с левого бросился на центр монгольского войска. Он нападал снова и снова, но монгольские войска понемногу продвигались вперед, оставляя все меньше пространства для маневров и все меньше места для боя; но он продолжал сражаться, как разъяренный лев» [Джувайни, 2004, с. 91; см. также ан-Насави, 1996, с. 122–123]. Построение войска полукругом, или так называемой полудугой, полностью перекрывало возможность делать какие-либо тактические маневры запертому в полукольце противнику.

Сведения Рашид ад-Дина по тактическому построению монгольской армии подтверждаются историко-этнографическими материалами по военному делу монголоязычных народов. Бурятский писатель Дамба Жаргалов, собравший большой фактический материал по облавным охотам, констатирует: «Облавные охоты давали очень многое для военно-тактической выучки войска и военачальников. Интересные сведения в

этом плане сообщает монгольский историк Д. Гонгор. Оказывается, монгольские войска при встрече с неприятелем располагались полукругом, образуя фигуру лука, а затем окружали его. Если же они сами оказывались в окружении, в кольцо, то раскидывали неприятеля, подобно разъяренному быку. У монголов существовало свыше 60 способов прорыва окружений. Эти способы возникли у них на основе наблюдения за поведением зверя в кругу облавы, когда он, чувствуя смертельную опасность и невзирая ни на что бросается на прорыв смыкающегося кольца охотников» [Жаргаланов, 1996, с. 89].

Эти данные можно дополнить характеристикой боевой тактики ойратов XVII–XVIII вв. Например, «по приказу Галдана его войска в спешном порядке построились в шестьдесят одну позицию “бычьего рога”. Цель такого строя состояла в том, чтобы как бодающийся бык, короткими, но сильными ударами справа и слева разорвать лукообразное построение противника... войны Галдана разорвали в клочья “лук-ключ” Очирту хана» [Кыгчапов, 1980, С. 56–57]. Другой калмыцкий тайджа – Дондук Омбо с 13-тысячным войском построился в бою “полуциркулем” и атаковал противника с двух флангов [Бакунин, 1939, с. 209]. Близкие им тактические позиции отмечены в военной практике цинских военачальников XVII–XVIII вв. (рис. 5). Полукруг, полукольцо, полуовал, дугообразное построение, “подкова”, форма вогнутого и загнутого лука и многие другие построения напрямую были заимствованы кочевниками из системы коллективной охоты.

Рис. 5. Маньчжурские стрелки, атакующие джунгар.
Рис. эпохи императора Цянь Луна, 1765 г.

3.2. Роль тактики облавы в военно-оперативной практике монгольских и золотоордынских войск

Чрезвычайно эффективно военные облавы проводились монголами в степной зоне против враждебных кочевых племен. Сама широкая и открытая местность давало требуемый простор и необходимую маневренность участвующим в облавной операции войскам, растянутых на десятки и сотни километров. Такой «идеальной» территорией для этого были огромные пространства тюркского Дашт-и Кыпчака (север-восток, центр и запад Казахстана, поволжско-уральский регион, южнорусские степи). Военные действия монголов в этих районах, особенно на землях современного Казахстана, несмотря на дефицит сообщений источников, более чем вероятно, разворачивались по отмеченному облавному сценарию. Собственно освоить обозначенную гигантскую по средневековым меркам территорию завоеватели могли именно стремительными военно-облавыми способами. Подобные примеры есть из поздней и новой истории казахстанского ареала. Так, ойратские (джунгарские) армии, неоднократно вторгавшиеся на территорию Казахстана в XVIII в. действовали крупными войсковыми группировками, применявшие тактику, напоминающую «военно-облавные технологии» [Кушкумбасев, 2001, с. 134–135]. В пользу того, что монголы использовали те же облавные приемы против кыпчакских племен в XIII столетии, говорят как прямые, так и косвенные свидетельства некоторых источников. В 1253 г. Вильгельм Рубрук, проезжавший причерноморские степи, по рассказу очевидцев, отметил: «На этой равнине до прихода татар обычно жили команы... А когда пришли татары, команы, *которые все бежали к берегу моря, вошли, в эту землю в таком огромном количестве, что они пожирали друг друга взаимно, живые мертвых, как мне рассказывал видевший это некий купец; живые пожирали и разрывали зубами сырое мясо умерших, как собаки — трупы*» [Рубрук, 1957, с. 91]. Указания автора на то, что «команы» (кыпчаки) «бежали в огромном количестве к морю», позволяет предполагать, что монголы, по отношению к ним употребили известные военно-облавные приемы. Монгольские облавные отряды, выбив с исконных мест обитания кочевников западного Дашт-и Кыпчака, согнали кыпчакское население в без-

людное прибрежное место, и создали, видимо, изолированную зону, что-то подобие, концентрационных лагерей тоталитарных режимов XX в. Массовый голод и факты каннибализма среди пленных кыпчаков допускают выдвинуть именно такую версию этих страшных событий монгольской оккупации.

В семилетнем западном походе Чингизидов (1236–1242 гг.) военные операции в облавном стиле были обычной тактикой наступающих монгольских войск. В начале кампании особенно сильное сопротивление завоевателям оказывали половцы (кыпчаки) южнорусских степей, против которых и была успешно применена облавная тактика. Возможно, поэтому автор «Сокровенного сказания» назвал начальный период этой крупномасштабной военной операции «кыпчакским походом» [Сокровенное сказание, 1990, § 275, с. 141]. У Джувейни есть специальный рассказ, посвященный этим событиям. «Когда Каан [Угэдэй. – А. К.] направил Менгу-каана, Бату и других царевичей завоевать земли Булгара, Аса, и Руса, кыпчаков, аланов и других племен, все эти земли были освобождены от смутьянов, и те, кому удалось избежать меча, склонили свои головы в повиновении. Тем не менее, одному из вождей поверженных кыпчаков, человеку по имени Бачман, удалось уйти от преследования с отрядом кыпчакских воинов и к нему присоединились другие беглецы. Не имея никакого убежища или укрытия, он каждый день и каждую ночь отправлялся на новое место. И из-за своей собачьей натуры он, подобно волку, нападал на всех и каждого и уходил с награбленным. Со временем зло, причиняемое им, росло, и наносимый им вред увеличивался, и каждый раз, когда войско преследовало его, его нельзя было отыскать, поскольку он уходил на новое место и запутывал следы» [Джувейни, 2004, с. 399–400]. По В. В. Каргалову, монголы провели «облаву» весной 1237 г. против мятежных половцев и алан. Левый фланг монгольских войск состоял из отрядов Мункэ и Гуюка и направлялся по берегу Каспийского моря и степям Северного Кавказа с конечной целью выйти в район Нижнего Дона, а правый фланг шел по северной части половецкой земли [Каргалов, 1967, с. 72–73]. Тем самым борьбу Бачмана с монголами некоторые исследователи относят к 1237 г. [см., например, Черепнин, 1977, с. 192] или 1238–1239 гг. [Храпачевский, 2005, с. 353–354]. Последняя датировка более вероятна, так как из сообщения Джувейни можно определить, что военные действия по поимке Бачмана осуще-

ствлялись монголами после похода на северо-восточные русские княжества. Рассказ Джувайни повторен в летописи Рашид ад-Дина с некоторыми подробностями, в частности, включены сведения об эмире из племени асов – Качир-укулэ, отсутствующие у Джувайни. Кстати, на это обратил внимание украинский исследователь истории средневековых асов (аланов) О. Бубенок [Бубенок, 2004, с. 43–44]. Бачман – предводитель кыпчакского племени ольбурлик (ел-борили) и его союзник из асских князей Качир-укулэ, используя тактику партизанской войны, внезапно появлялись из засад и наносили урон монгольским отрядам, и так же быстро исчезали, постоянно меняя свои стоянки. «Поэтому войско монгольское не могло схватить его» [Рашид ад-Дин, 1960, т. II, с. 38]. В этой связи монгольские царевичи, «составив совет, пошли каждый со своим войском *облавой*, устраивая сражения и занимая попадавшиеся им по пути области. Менгу-каан с *левого крыла шел облавой* по берегу моря [Каспийского]». Кроме того, «Менгу-каан приказал изготовить 200 судов и на каждое из них посадить по 100 человек монголов в полном вооружении. Он же [сам] с братом своим Бучеком *шел облавой* по обеим берегам реки»¹⁰ Итиль

¹⁰ И. Н. Березин в примечании 46, касающемся этой военной операции по поимке Бачмана, достаточно обоснованно и убедительно доказывает, что лагерь этого кыпчакского предводителя находился не на острове Волги (Итиль), а в прибрежной зоне Каспийского моря, опираясь на китайскую версию (Юань ши) происходивших событий. Такое понимание к нему пришло исходя из практических соображений, или точнее местных природно-географических (гидрографических) особенностей этого района. Как выяснил исследователь, «открытие прохода на остров с помощью сильного ветра возможно только в Каспийском море, где иногда (как, напр., в 1853 г.) постоянно дующий в одном направлении ветер гонит в одну сторону воду и затопляет огромные пространства (см. еще И. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью, изд. 1-е, с. 37): вероятнее всего, Бачман был взят на одном из островов близ устья Волги, почему мусульманские авторы и приняли море за реку. Еще есть в этом рассказе одно обстоятельство, подтверждающее такое заключение: монголы, по словам Рашид-Эддина, не могли переправиться на остров потому будто бы, что не имели готовых судов; однако ж известно, что переправы через широкие реки не могли задержать монгольской рати» [Березин, 1855, с. 95]. С такой вполне убедительной версией можно согласиться.

[Рашид ад-Дин, 1960, т. II, с. 38]. Таким образом, в облаве на повстанцев было задействовано более 2 туменов (20 тысяч воинов). «Юань-ши» упоминает, что в походе на Бачмана участвовал и Субэдэй-бахадур, к тому же командовавший авангардом [Юань ши, 2005, с. 503]. Тщательно прочесывая местность, монголы обнаружили брошенный лагерь и больную старуху, которая и указала точное место пребывания мятежных эмиров. Бачман и его ассский сподвижник были захвачены в плен и обезглавлены [Джувайни, 2006, с. 60–61; Рашид ад-Дин, 1960, т. II, с. 38; Березин, 1855, с. 91–95]. Примечательно, что военная операция против Бачмана была осуществлена силами одного (левого) крыла, специально выделенного для этой цели. Как мне представляется, тактика тотальной зачистки технологией облавы была крайне эффективной в условиях степного театра войны и показала свою высокую результативность в подавлении восстания кипчакских и ассских племен Поволжья.

По мнению В. В. Каргалова, татаро-монгольское нашествие на русские земли осуществлялось по заранее известным удобным путям и направлениям, в котором четко видны «хорошо спланированные обходы и фланговые удары, грандиозные «облавы», захватывающие тысячекилометровые пространства и сходящиеся в одной точке». Причем завоеватели были основательно знакомы с театром будущей войны [Каргалов, 1967, с. 79]. В ходе «Батыевого погрома» 1237–1238 гг., овладев Рязанью, монгольские отряды прошли широкой облавой по этим землям и захватили гг. Пронск, Ижеславец, Белгород. Далее монгольские тумены подступили к Коломне, расположенной в северной части Рязанского княжества, где в начале января 1238 г. произошло кровопролитное сражение с подошедшими русскими полками – уцелевшим отрядом Романа Ингваревича Рязанского и владимиристо-суздальской дружиной сына великого князя Всеволода Юрьевича и воеводы Еремея Глебовича. По сообщению Новгородской летописи: «остушиша [т. е. окружили. – А. К.] их Татарове у Коломны и бишася крепко, и прогониша их к надолбам, и ту убиша князя Романа и Еремея, и много наде ту с князем и с Еремеем» [Новгородская, 1950, с. 50; Каргалов, 1967, с. 90–91; Феннел, 1889, с. 119; Астайкин, 1996, с. 458; Храпачевский, 2005, с. 361].

Об ожесточенности столкновения под Коломной свидетельствует то, что в этих боях знатный Чингизид – Кулкан по-

лучил тяжелую рану, от которой он скончался [Рашид ад-Дин, 1960, т. II, с. 38–39]. После разгрома Владимира «монголы рассыпались по территории княжества и, согласно практически единодушным свидетельствам летописцев, только в феврале 1238 г. овладели 14 владими́ро-суздальскими городами» [Астайкин, 1996, с. 458–459]. Тем самым, как обоснованно считает Р. П. Храпачевский со ссылкой на летописные известия, монгольские отряды были разосланы «для облавного обхода русских городов и поиска великого князя Юрия Всеволодовича» по трем главным направлениям – на север к Ростову и Ярославлю корпус Бурундая, на восток в сторону Городца (средняя Волга) другой отряд и на северо-запад тумены Бату [Храпачевский, 2005, с. 364]. В. В. Каргалов, внимательно разобравший летописные известия, правомерно, на мой взгляд, называет татарскую тактику «нечто вроде огромных «кнещей», которые «охватили землю к северо-западу от Владимира (от Переяславля – Юрьева-Кснятина до Волока – Твери), другие – междуречье рек Клязьмы и Волги», что привело к разрушению русских городов «на огромной территории, от Средней Волги до Твери» [Каргалов, 1967, с. 97]. Великий князь Георгий (Юрий Всеволодович), отмечал А. Лызов, недоумевал *«ибо в разные места, яко речеся, разъидошася погани воевати»* [Лызов, 1990, с. 23].

Облавные способы проведения военных операций осуществлялись как при вторжении, так и при возвращении монгольского войска из похода. В начале весны 1238 г., разбив основные силы русского войска князя Юрия у р. Сить, монгольские военачальники «ушли оттуда, порешив на совете *идти туманами облавою* и всякий город, область и крепость, которые им встретятся [на пути], брать и разрушать» [Рашид ад-Дин, 1960, т. II, с. 39]. «Большая облава» монголов также началась на огромном расстоянии от северо-востока Верхней Волги -- в гг. Городец, Кострома, Торжок и Тверь, в общем направлении на юго-запад с поворотом к югу, проходя на западе восточнее Смоленска по Верхней Десне до городка Вишиж и далес к Козельску. Конечным пунктом сбора этой облавы стал г. Козельск. «Фронт этой «облавы» (рис. 6) раскинулся очень широко – от восточных районов Смоленского и Черниговского княжества на ее левом фланге до Рязанской земли на правом. Правое крыло вел Батый, ...а левое крыло, видимо,

вели Бури и Кадан», -- предполагает Р. И. Храпачевский [Храпачевский, 2005, с. 370; подробнее Каргалов, 1967, с. 109–111].

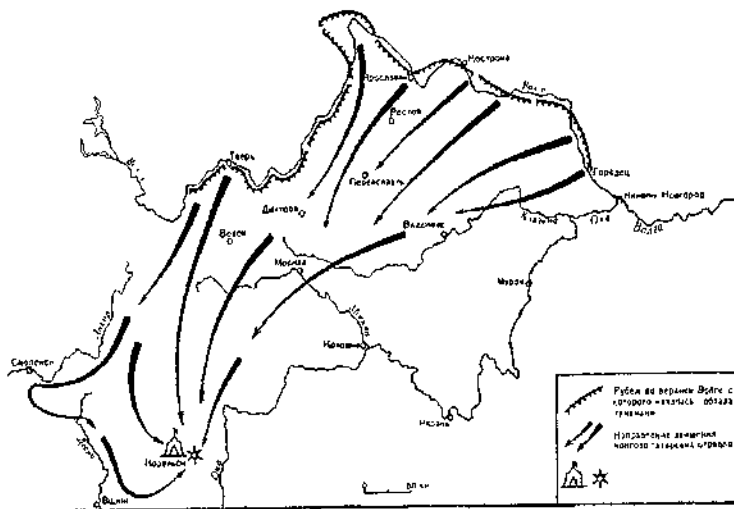

Рис. 6. Разгром Северо-Восточной Руси монголо-татарской «облавой» (весна 1238 г.) [Каргалов, 1967, С. 104].

При возвращении монгольских войск из первого нашествия на русские земли в кыпчакские степи на пути Бату, возглавлявшего такой облавный отряд, стоял небольшой город Козельск, который монголам с ходу взять не удалось. Население небольшого города дало ожесточенный отпор завоевателям: «изъити на полки Татарьские и ишедши из града исекоша праща их [т. е. осадные метательные орудия. – А. К.], нападе на полькы их и убиша Татар 4 тысячи, и сами избъсни быша» [ПСРЛ, т. II, 1843, с. 176; ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 781]. Осада Козельска затянулась на два месяца (или семь недель, по летописям). Подошедшие тумены Бури и Кадана совместно взяли город через три дня [Рашид ад-Дин, 1960, т. II, с. 39]. Войска, идущие сплошной (условно повальной) облавной линией, орудовали по проходимым землям дисперсно, и тумен Бату, по всей вероятности, был не в полном составе из-за упорных зимних боев на Руси и, скорее всего, в этой связи не смог вначале овладеть городом. Как видно, в кампании зима

1237 – весна 1238 г. монголы в оперативно-тактическом отношении действовали преимущественно военно-облавыми приемами.

И в дальнейшем завоевании, в частности юго-западных русских земель, монголы строго придерживались тактической схемы облавы территории противника. «Царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в девять дней взяли большой город русских, которому имя Манкер-кан, а затем *проходили облавой туман за туманом все города* Владимирские и завоевывали крепости и области, которые были на [их] пути». Далее монгольские войска были разделены на пять основных частей, функционировавших хотя и самостоятельно, но согласованно между собой. Орда и Байдар направились с правым крылом в район Люблина («область Илавут»). Левое крыло Кадана и Бури выступило «против народа сасан и после троекратного сражения победили этот народ». Бучек прошел через Валахию и ее горные и лесные массивы, отрезая тем самым Болгарию от Венгрии. Бату и другие военачальники руководили центральной группировкой, вторгнувшейся в Венгрию [Рашид ад-Дин, 1960, т. II, с. 44–45]. Более поздний автор, А. Лызов, опираясь на польские источники, отмечает деление монгольских войск на три части: «В первой сам идее [т. е. Бату. ... А. К.] в Венгерских странах, вторую с царем Кайдоком послал в Великую Польшу, третью часть с Петою гетманом в Малую Польшу» [Лызов, 1990, с. 25–26; см. также Храпачевский, 2005, с. 388]. В. Т. Пашуто, анализируя сообщения источников о монгольском нападении на страны Центральной Европы, пришел к выводу, что Бату двигался с основными силами на Венгрию и одновременно «направил отряды других воевод с таким расчетом, чтобы в первую очередь обезопасить себя от ударов со стороны Польши, Чехии и Болгарии» [Пашуто, 1977, с. 215]. Такая стратегия в целом себя оправдала, так как ни одна из этих стран не смогла скооперировать свои военные действия друг с другом и оказать достойное сопротивление захватчикам.

Монгольские тумыны, подошедшие к Сандомиру, разделились на две группировки. Войско Кадана направилось на Ленчицу, Серадз и Куяву и полностью опустошило эти области огнем и мечом. Более крупное соединение под предводительством Петы (Бури?) захватило Краков и все соседние края

[Меховский, 1936, с. 50-51; см. также «Великая хроника», 1987, с. 154]. Освоив Малую Польшу, монголы попытались провести облаву в земле Шлёнской, но не имели успеха [Храпачевский, 2005, с. 389].

Полному разгрому подверглось польско-немецкое войско во главе с князем Генрихом в битве при Лигнице (историки XIX в. называют это сражение при Вальштадте) в понедельник 9 апреля 1241 г. Благополучно пройдя равнинные поля вблизи р. Нисе недалеко от Лигницы, объединенная армия Генриха остановилась и развернула свои боевые порядки в глубокоэшелонированную диспозицию. Первую линию образовали крестоносцы и разноязычные добровольцы, для усиления к ним были прикреплены другие иностранные воины и золотокопатели (рудодокопы) шахт. Командование ими осуществлял сын моравского маркграфа Болеслав. Во вторую линию вошли краковские и великопольские рыцари во главе с Сулиславом — братом краковского воеводы Владимира. Третья линия была целиком представлена польскими рыцарями под руководством князя Мечислава. Четвертая линия состояла из рыцарства с великим магистром Поппо из Остерны. Пятая (основная) часть имела в своем составе силезских и вроцлавских оруженосцев, наиболее знатных и боеспособных рыцарей — выходцев из Великой Польши и Силезии и разношерстных наемников. Руководил этой линией (фактически резервом) сам князь Генрих. Противостоящее им монгольское войско имело также пять корпусов: авангард, два крыльевых фланга, два резервных корпуса (см. рис. 7). В то же время Ян Длугош сделал акцент на то, что татаров по численности было больше и они были лучше вооружены, имели военный опыт, «каждый из тех отрядов сам, в отдельности, превышал все войско поляков». Битва произошла на равнине с очень мирным названием «Доброе Поле». Первыми в бой ринулись отряды первой линии польского войска, состоявшие из крестоносцев, наемников и рудодокопов. Вначале крестоносцам и рыцарям удалось разбить копьями в жестокой сече первые ряды монгольского войска и двинуться вперед. «Но когда дошло до рукопашной — на мечах, татарские лучники так окружили со всех сторон отряды крестоносцев и иностранных рыцарей, что другие — польские — отряды не могли прийти им на помощь без того, чтобы поставить себя в опасное положение. Отряд тот пошатнулся и, в конце концов, лег под градом

стрел, подобно нежным колосьям под градом (ибо много среди них было людей без щитов и панцирей)». В числе погибших оказался и маркграф Болеслав и другие славные рыцари Польши. Несмотря на включение в бой второй и третьей линии польского войска и временного восстановления боевого равновесия, монголы прибегли к изощренной хитрости и наголову разбили польско-немецкие отряды. Большое количество польской шляхты и панов погибло; брат краковского воеводы Владимира Сулислав, воеводы Клеменс, Конрад Конрадович, Стефан и сын его Анджей, Томаш Пётрков, Пётр Куша и другие, в том числе и сам князь Генрих [Dlugos J.; см. также «Великая хроника», 1987, с. 154–155].

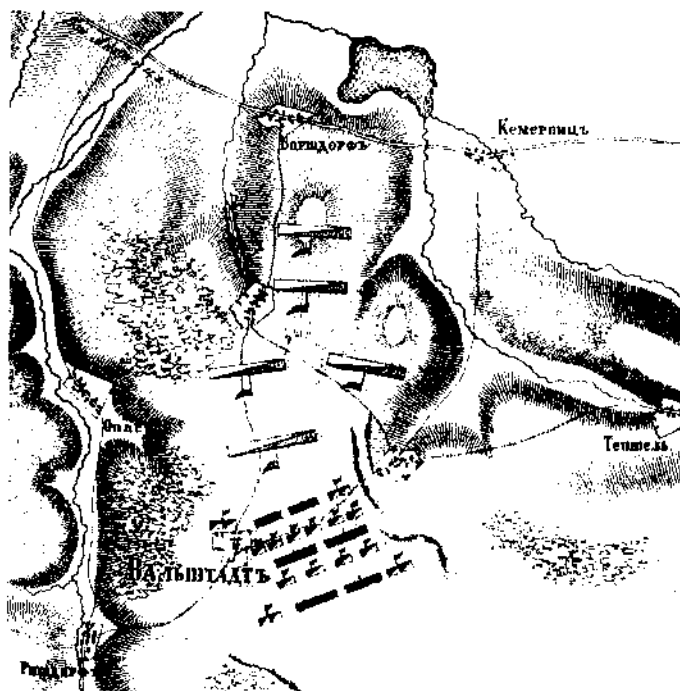

Рис. 7. План сражения при Лигнице 9 апреля 1241 г.

[Марков, 1886, С. 183–184]

Неудача, постигшая относительно сильную союзную армию поляков и немцев, была во многом предопределена пер-

вой стадией боя, когда довольно слабо вооруженная передовая часть во главе с Болеславом была значительно оторвана от основного войска, и монгольские подвижные части завлекли заравшегося противника в середину и совместно с крыльевыми подразделениями окружили и уничтожили их. Тем самым монгольский авангард ставил задачу «вытащить» передовую неприятельскую линию, а крылья должны были взять их в кольцо и, таким образом, полностью отсечь от помощи извне. С этим боевым заданием они отлично справились. Один из известных российских дореволюционных военных специалистов полковник М. И. Марков, разбирая сражение при Лигнице, отмечал, что монгольская конница «имела неоспоримое превосходство над всеми против нее выставляемыми войсками в отношении легкости, находчивости и умения владеть конем и оружием. Превосходный боевой порядок, представлявший во все стороны уступную форму... давал возможность развивать успех наступательного боя при совершенном обеспечении себя со всех сторон... и татары в большинстве сражений первый натиск делали с некоторой осторожностью, *стараясь вовлечь противника внутрь своего боевого порядка, чтобы сжать его как железным кольцом*. Этим объясняется отчасти то, что в большинстве сражений неприятельские армии нередко были совершенно истребляемы» [Марков, 1886, с. 184].

Особенно результативно, как в отдельных полевых боях, так и в условиях целых регионов, облавную тактику монгольские войска использовали на территории Венгерского королевства в 1241–1242 гг. Таким наглядным примером классического применения облавного метода было сражение на р. Шайо 11 апреля 1241 г. (то есть через два дня после битвы при Лигнице). Главным источником, который почти детально воспроизвел события этого кровопролитного боя, является «История» Фомы Сплитского. Венгерское войско (по некоторым данным, численностью от 30 до 60 тысяч воинов) до подхода монголов расположилось в укрепленном лагере, ожидая противника. Чтобы выманить венгров из укрепления, монгольское командование выслало вперед конный отряд, который специально дразнил и подстрекал их к открытому бою («хватит ли у венгров духа драться с ними»). Командующий венгерскими войсками — король Бела IV дал приказ отборным воинам выйти из лагеря и сразиться с врагом. Венгерские отряды, построившись в боевые порядки, атаковали монголов с полной

силой. Монгольские легкие подразделения, обстреливая венгров из луков и не вступая в рукопашную схватку, поспешно отступили. Венгры во главе с королем решили гнаться за бегавшими монголами по пятам и в ходе преследования дошли до р. Тиса, которую быстро форсировали и подошли к р. Шайо (Соло). Монгольское войско скрытно стало лагерем за этой рекой, используя для маскировки густые леса, так что венграм была видна только часть их боевого стана. Венгры также решили встать лагерем перед этой рекой. По распоряжению короля палатки венгерских воинов были поставлены плотно друг к другу. «Расставив таким образом повозки и щиты по кругу наподобие лагерных укреплений, все они разместились словно в очень тесном загоне, как бы прикрывая себя со всех сторон повозками и щитами». Такое нагромождение военного имущества — палаток, веревок и прочего «совершенно опутало всю дорогу, так что передвигаться по лагерю стало невозможно, и все они были как будто связаны». Венграм казалось, что они находятся в достаточно укрепленном лагере в безопасности, что в то же время «явилось главной причиной их поражения», — подчеркивает автор [Фома Сплитский, 1997, с. 106–107].

Накануне решающего боя Бату как главнокомандующий монгольским войском поднялся на ближайший холм и внимательно изучил боевые позиции венгерской армии. Вернувшись, он сказал: «Друзья, мы не должны терять бодрости духа: пусть этих людей великое множество, но они не смогут вырваться из наших рук, поскольку ими управляют бесечно и бестолково. Я ведь видел, что они, как стадо без пастыря, заперты словно в тесном загоне». Примечательно, что Фома Сплитский дважды сравнил боевое расположение венгров с «тесным загонем», указывая тем самым на тактическую неповоротливость их войска, заранее обреченного на избиение врагом. «И вот приблизительно во втором часу дня все многочисленное татарское полчище словно в хороводе окружило весь лагерь венгров. Одни, натянув луки, стали со всех сторон пускать стрелы, другие спешили поджечь лагерь по кругу. А венгры, видя, что они отовсюду окружены вражескими отрядами, лишились рассудка и благоразумия и уже совершенно не понимали ни как развернуть свои порядки, ни как поднять всех на сражение, но, оглушенные столь великим несчастьем, метались по кругу, как овцы в загоне, ищущие спасения от волчьих зубов. Враги же, рассеявшись повсюду, не переставали метать копья и стрелы».

Несчастливая толпа венгров, отчаявшись найти спасительное решение, не представляла, что делать. Никто не желал советовать с другими, но каждый волновался только о себе, будучи не в силах заботиться об общем спасении. Они не защищались оружием от дивных стрел и копий, но, подставив спины, сплошь валялись под этими ударами, как обычно падают желуды с сотрясаемого дуба... Тогда оставшиеся воины, с одной стороны, напуганные повальной смертью, а с другой — объятые ужасом перед окружившим их всепожирающим пламенем, всей душой стремились только к бегству. Но в то время как они надеются в бегстве найти спасение от великого бедствия, тут-то они и наталкиваются на другое зло, ими же устроенное и близко им знакомое. Так как подступы к лагерю из-за перепутавшихся веревок и пагроможденных палаток оказались весьма рискованно перекрыты, то при поспешном бегстве одни напирала на других, и потери от давки, устроенной своими же руками, казалось, были не меньше тех, которые учинили враги своими стрелами. Татары же, видя, что войско венгров обратилось в бегство, как бы открыли им некий проход и позволили выйти, но не напали на них, а следовали за ними с обеих сторон, не давая сворачивать ни туда, ни сюда. А вдоль дорог валялись вещи несчастных, золотые и серебряные сосуды, багряные одеяния и дорогое оружие. Но татары в своей неслыханной жестокости, нисколько не заботясь о военной добыче, ни во что не ставя награбленное ценное добро, стремились только к уничтожению людей. И когда они увидели, что те уже измучены трудной дорогой, их руки не могут держать оружия, а их ослабевшие ноги не в состоянии бежать дальше, тогда они начали со всех сторон поражать их копьями, рубить мечами, не щадя никого, но зверски уничтожая всех. Как осенние листья, они падали направо и налево; по всему пути валялись тела несчастных, стремительным потоком лилась кровь; бедная родина, обгаренная кровью своих сынов, алела от края и до края. Тогда жалкие остатки войска, которыми еще не насытился татарский меч, были прижаты к какому-то болоту, и другой дороги для выхода не оказалось; под напором татар туда попало множество венгров, и почти все они были поглощены водой и илом и погибли» [Фома Сплитский, 1997, с. 107–109].

Большое и весьма сильное венгерское войско было полностью уничтожено монголами. Р. П. Храпачевский, видимо,

опираясь на данные «Юань ши», констатирует одновременную атаку войск Бату с северной и отрядов Субэдэя-бахадур с южной стороны на венгерский лагерь. Во время вторжения в Венгрию Субэдэй был в авангарде монгольских войск, за которыми шли войска Бату, Орду, Шибана, Кадана и других. Скорее всего, накануне сражения при Шайо «Субэтай выдвинул отличный план — заманить его [короля] войско к реке Хонин. Войска чжувана [т. е. Бату. — А. К.] находились в верхнем течении, [где] мелководье и лошади могут перейти вброд, кроме того посередине имелся мост. В нижнем течении, [где] вода глубокая, Субэтай хотел связать плоты для скрытной, подводной, переправы, *выводящей в обхват врага сзади*». Но план Субэдэя был расстроен несколько несогласованными действиями монгольских военачальников» [Юань ши, 2005, с. 504].

На мой взгляд, более реалистично и ближе к характеристике этой битвы текст Джувайни, совпадающий с известиями Фомы Сплитского и «Юань ши». «На другой день приготовились к битве. Между ними [обоими войсками] находилась большая река. Ночью он (Бату) отправил одну часть войска (в обход), а войско (самого) Бату с этой стороны переправилось через реку. Шибакан, брат Бату, лично двинулся в самую середину боя и произвел несколько атак сряду. Неприятельские войска, будучи сильными, не трогались с места, но *то войско (отправленное в обход) обошло их сзади*. (Тогда) Шибакан со всем своим войском разом ударил (на них), бросился на ограды царских палаток, и они мечами разрубили канаты палаток. Когда они (монголы) опрокинули ограды царских шатров, войско келаров смутилось и обратилось в бегство; из этого войска никто не спасся» [Джувайни, 2006, с. 59–60; см. также Вассаф, 2006, с. 170]. Если опустить детали, то понятно, что тактическая задумка монголов заключалась в обходе и охвате противника с двух или нескольких сторон. Разгромив венгерское войско в открытом главном сражении, монгольские отряды развернулись по всей стране и «приступили к своей обычной практике «облавы» по всем основным направлениям, в которых участвовали тумены Бату и Кадана [Храпачевский, 2005, с. 390–391, 253–255].

О тактических приемах средневековых монголов сохранилось большое количество сведений, которые свидетельствуют о том, что в полевом бою они старались, главным образом, как отмечено выше, охватить неприятеля с разных сторон. Этот древний кочевнический прием (очень сложный по замыслу и

выполнению) был выработан на протяжении веков на больших коллективных облавных охотах, а затем был перенесен в тактическую модель военных действий евразийских походов. Вот как говорят об этом источники: «Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середине; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много» [Плано Карпини, 1957, с. 53]. Поэтому папский посол и разведчик Плано Карпини настоятельно советует при встрече с монголами: 1) «всегда должно отправлять им навстречу отряд против отряда; ибо они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине; отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение», 2) «если возможно, то место для сражения должно выбрать такое, где простирается гладкая равнина и Татар можно отовсюду видеть; если можно, то с тыла или с боку надлежит иметь большой лес, но так, чтобы Татары не могли проникнуть между войском и лесом» [Плано Карпини, 1957, с. 62-63]. В случае «если же они застают врагов неготовыми [к сражению], то неожиданно окружают их, словно венцом [т. е. со всех сторон], и гонят их по одному [специально оставленному] пути, с тем чтобы они побежали, и как бы обрушиваются на них, метая без меры [стрелы]. Так что если кто-либо в середине [не продолжает] сражаться, то погибает, спасаясь бегством. Поэтому я полагаю, что лучше умереть, достойно сражаясь, чем высматривать [путь] для позорного бегства» [Ц. де Бридиа, 2002, с. 97].

Последний совет брата Ц. де Бридиа достаточно разумен, так как при массовом бегстве воинов этот хаос и паника во вражеском войске, что примечательно, контролировались и направлялись в нужном им направлении самими монголами, которые посредством открытия ложного прохода (выхода) из созданного ими кольца старались как можно плотнее сбить бегущих в кучу, тем самым стремясь подвести (подогнать) под массированный многосторонний обстрел своих лучников. Поэтому в этой фазе боя убитых, что неудивительно, было иногда больше, чем пораженных непосредственно в самом сражении. По моему мнению, и этот тактический прием был заимствован из опыта проведения облавных охот, когда охотники сгоняли

зверя и в определенной точке расстреливали из луков несчастных животных, а потом добивали его копьями и ножами. Армейские подразделения на регулярных облавах, то есть практически на боевых маневрах учились согласованно действовать по заранее спланированному сценарию. В подтверждение этого довода уместно, как мне кажется, сослаться на мнение персидского историка XIII в. Джувайни, который писал, что монголы, «когда они не заняты военным делом, ...всегда занимаются охотой и войско свое к тому приучают, и не только ради добычи, но также для того, чтобы войны были привычны к охоте и обучались стрельбе из лука и перенесению тягот» [Джувайни, 2007, с. 13]. Следовательно, Чингиз-хан, да и вообще все кочевники рассматривали охотничий промысел как специальную тренировку для своих бойцов. Тактические способы ведения боя кочевых народов время от времени обновлялись и все более модернизировались. Военачальники выдвигали и осуществляли в военной практике все более сложные тактико-технические комбинации, требующие соответствующего оперативного мастерства и особой подготовки личного состава вооруженных сил для выполнения боевых задач.

При приближении к противнику монгольские отряды фактически обтекали его строй с одной или одновременно с двух противоположных сторон, подвергая вражеских воинов непрерывному многозалповому обстрелу из луков, заставляя их двигаться в середину и тем самым полностью дезорганизуя строевой режим и управление войска. Или же активизируя нападение по центру в качестве отвлекающего маневра, обходили и охватывали тактическое построение неприятеля, образуя фигуру полукольца, полукруга, практически превращая противостоящую им войсковую структуру в бесформенную массу, медленно сжимая и загоняя ее в круг. Обход флангов неприятельских боевых порядков в тактике кочевников Евразии был наиболее апробированным военно-операционным приемом и вкупе с массированным конно-лучным маневренным боем давал доминирующее тактическое преимущество в полевых столкновениях и был своеобразным «коронным номером» их полководцев. Неоднократно монголы прибегали к тактическому отступлению, чтобы утомить своих преследователей длительным маршем с помощью заводных коней, удлиняя свое построение, а затем окружали зарвавшегося врага с двух сторон.

И в дальнейшем, начиная большие военные кампании, золотоордынцы действовали военно-облавными приемами. При вторжении на территорию вражеского государства ордынские стратеги использовали тактический принцип окружения, взятый из методов проведения больших облавных охот. Об этом прямо говорят источники: «Царь Джанибек прибыл (туда) со стороны Сераха. Увидев войско (Малик-Ашрафа), он приказал, как на охоте, устроить облив, чтобы окружить войско Малик-Ашрафа. Эмиры Ашрафовы, увидев громаду войска (Джанибека), с большим трудом спаслись и разбежались» [Хамдаллах Казвини, 2005, с. 189]. Окружаемый противник не имел возможности что-либо противопоставить существенное в тактическом отношении золотоордынцам и поэтому предпочел выскользнуть из намеченного окружения и уйти. В то же время следует обратить внимание на количество задействованных войск в этой операции, так как ее успешность зависела иногда от численности противостоящих сторон.

Войско Урус-хана, возглавляемая его сыном Токтакией, направленное против ставленника Тимура – Токтамыша, в несколько раз превышало рать его соперника. По словам Му'ин ад-дина Натанзи, отряды Токтамыша по сравнению с неприятелем составляли всего «четверть». Ожесточенное столкновение произошло между ними на р. Чир – притоке Сырдарьи. «Несмотря на эту малочисленность, он не подумал о многочисленности врагов, с усердием открыл руку убийства и так сражался, что никто из его войска не получил менее пяти-шести ран. После всех этих усилий, когда круг врага стал окружать его со (всех) сторон и краев и кольцо облавы сузилось, Токтамыш, несмотря на две раны, которые он имел после многих ударов мечом, добрался до какого-то угла и обратился в бегство» [Аноним Искандара, 2006, с. 266]. Узбекское войско, используя свое подавляющее превосходство в живой силе, окружило своего противника, именно, как отмечает автор, в «кольцо облавы», которое, по всей вероятности, постепенно сужалось. Более того, вслед ретировавшемуся противнику «Токтакия послал всадников облавой на протяжении 1 фарсаха, чтобы, может быть, поймать его, но несмотря на все старания, это не удалось. Проискав таким образом 3 дня и не найдя, они, потеряв надежду, ушли обратно» [Аноним Искандара, 2006, с. 266]. Показательно, что прибывшие послы Урус-хан во главе с Кепек-мангутом передали его слова так: «Раненая лань [т. е. Токтамыш. – А. К.] скрылась из облавы нашей охоты в ваши страны»

[Авоним Искандара, 2006, с. 267]. Интересно также то, что военные действия, да и война в целом у восточных (в частности персидских) авторов сравнивается с облавой (*камарга*). Шам'-и Джахан – правитель могульского улуса, выступивший против Тимура, был разгромлен его полководцем султаном Искандаром и «с тысячью уловок вынес [свою] душу из той облавы и, едва дыша, спасшись бегством, дотащился до предела Алтая» [Апошим Искандера, 1973, с. 121]. Как можно легко заметить, военные действия прямо уподобляются облаве, направленной против неприятельского войска. Причем иногда сами воины ассоциируются (сравниваются) с охотниками, ищущими добычу. Такой мусульманский автор, как Джамал ал-Карши, перу которого принадлежит единственное историческое произведение, созданное в Чагатайском улусе в период господства монголов, «ал-Мулхакат би-с-сурах», уподобляет воинов Чингиз-хана хитрым бесам, «которых интересовала охота за правителями и султанами» [Джамал ал-Карши, 2005, с. 119].

В войсковых операциях, проводимых известным среднеазиатским полководцем Тимуром, военно-облавные методы получили дальнейшее развитие. Во время вторжения огромной армии Токтамыша в 1388 г. командующий золотоордынским авангардом Ильгмыш-оглан перешел р. Ходженд. Тимур, по словам Шараф ад-дина Йазди, принял смелое решение атаковать, несмотря на недостаток войск и возражение своих военачальников. Тимур направил «Кунче-оглана, Тимур-Кутлуг-оглана [царевичи-Джучиды, ранее перешедшие на сторону Тимура. – А. К.] и Шайх-Али-бахадра с отрядом войск отрезать неприятелям путь бегства». Таким образом, этот отряд должен обойти расположение золотоордынцев и встретить их с тыла для окончательного разгрома. В начавшемся сражении передовой отряд Ильгмыш-оглана был разбит и обратился в бегство. Те, «которые спаслись от избиения и спешили бежать, войско, которое ушло вперед, чтобы преградить путь неприятелю, вышло навстречу и (вместе с) победоносным войском, гнавшимся (за ними), окружило их, как дичь на охоте, со (всех) сторон и ударами копий и стрел, мечей и тяжелых палиц истребило их» [Йазди, 2006, с. 303–304]. Тактическая задумка Тимура заключалась в том, чтобы противник после встречного боя с основными силами его войска начал отступление в сторону заранее подготовленной западни и тем самым оказался в окружении под двойным ударом. Этот оперативный план был блестяще осуществлен армией и командирами Тимура.

В монгольской военной практике вооруженные силы постоянно снабжались продовольствием и фуражом за счет неприятельского населения. Чрезвычайно эффективно монгольские отряды проводили облавы на территории врага с целью грабежа местного населения и обеспечения довольствования личного состава воинских частей, а также прокорма конного парка и запасного поголовья. Осенью 1213 г. Чингиз-хан поделил армию на три тактические группы: западные тумены под командованием Джучи, Чагатая и Угэдэя; восточные -- командиры Хасар (Джочи-Хасар), Алчи-нойон, Чжурчэдай и Бочэ; центральные тумены под руководством самого Чингиз-хана и царевича Толуя. Все три группировки занимались грабежом цзиньских владений к северу от р. Хуанхэ. «Вплоть до апреля 1214 г. продолжались рейды этих корпусов (то есть, их облавных отрядов) по территориям современных провинций Шаньси, Шаньдун и приморской части провинции Хэбэй, всего было взято монголами более 90 городов, добыча оказалась баснословной» [Храпачевский, 2005, с. 298].

Войско Чормаган-нойона, изгнав отряды султана Джалал ад-дина из Хорасана и окрестных областей, «постепенно разорили всю страну персов, Атрпатакан, Дейлем, *по порядку очистили все*, дабы не осталось никаких препятствий на их пути. Захватили [и разорили] также большие, великолепные, изобилующие всем города Рей и Исфахан и снова восстановили их под своим именем. И так они поступали со всеми странами, через которые проходили». Далее Киракос Гандзакепи определил, что монголы «в весеннюю пору разбредались в разные стороны, производили набеги и опустошения и снова возвращались туда, в стан свой» [Киракос, 1976, с. 153--154]. На страницах его «Истории» можно неоднократно встретить примеры военно-облавной (по сути грабительской) тактики монгольских отрядов: «разбрелись [татары] по полям, горам и долинам, подобно тучам саранчи или же подобно проливному ливню, омывающему землю», «они совершали набеги по всем направлениям и даже по жребию делили [страны]», «стали совершать набеги по разным направлениям» [Киракос, 1976, с. 155, 170, 177]. Сходные сведения имеются и в других источниках. В 641 г. х. (1244 г.) монголы под предводительством нойона Байджу совершили вторжение в румские земли и победили войско сельджукского султана Гийас ад-дина Кайхусрау. А

потом «разбрелись войска направо и налево, и Татары нагнали столько, что и не сосчитаешь» [ал-Айни, 2005, с. 351].

Таким образом, это были не стихийные погромы вражеской земли, а целенаправленные военно-устрашительные акции, уничтожавшие как материальную базу для организации действенного сопротивления захватчикам, так и само население. В этом плане интересно, что после победы в решающем генеральном сражении монголы методично приступали к масштабному (облавному) пространственно-географическому овладению региона пребывания. Разбив в Лигницкой битве боеспособное крестоносное войско, монголы опустошили и сожгли все деревни вокруг Лигницы и отошли к местечку Отмухов, где «стояли там пятнадцать дней и разорили всю окружающую область. Оттуда они направились в Ратиборский край, восемь дней оставались в Болешиско, затем отошли в Моравию и... они более месяца огнем и мечом опустошали страну» [Матвей Меховский, 1936, с. 54–55]. Затем, «опустошив Венгрию по одну сторону Дуная, татары перешли и на другую», а при возвращении на восток монгольские отряды разорили и разграбили Боснию, Сербию и Болгарию [Матвей Меховский, 1936, с. 56].

В период военных действий в Центральной Европе монгольские маневренные отряды организовывали настоящие облавы на местных жителей. Фома Сплитский, давая характеристику жестоким восточным воинам, ворвавшимся в Венгрию, пишет, что «свиренные предводители [татар] как хищные волки, ненасытность которых разжигается неутолимим голодом и которые обычно с вождением смотрят на овчарни, выглядывая добычу, так и эти, подчинясь звериной натуре, осматривают все селение дикими глазами» [Фома Сплитский, 1997, с. 111]. Тактику сплошного захвата территории и гражданского населения в целом достоверно подтверждает и такой средневековый автор, как Матфей Парижский: «Внезапно рассеиваясь по всем землям, захватывая всех людей, невооруженных, беззащитных и разобленных, они производят такое разрушение, что король или вождь захваченной земли не найдет, кого собрать и выслать против них» [Матузова, 1979, с. 150]. А б. ц. де Бридиа, передавая свидетельства очевидцев, переживших монгольское нашествие, прямо констатирует: «Люди совершенно не могут скрываться в лесах, где летом и зимой их можно обнаружить. Они [татары] выслеживают людей, словно диких

зверей» [Щ. де Бридиа, 2002, с. 125]. В этой связи М. И. Иванин из ознакомления с известными ему средневековыми источниками закономерно отмечает, что «во время войны войска Чингис-хана охотились и на людей» [Иванин, 1998, с. 56]. Фактически перед нами предстает беспощадная картина преследования и самой настоящей охоты на людей, проводимых монгольскими войсками в масштабе целых (специально выделенных) облавных зон.

Особенно целенаправленно ордынские войска применяли тактику облавы при нападениях и набеггах на русские княжества. Так, разбив 24 июля 1252 г. под Переяславлем полки великого князя Андрея Ярославича (брата Александра Невского), золотоордынские войска под командой Невруча, Котиака и Олабуги «рассунушася по земли [т. е. рассыпались. — А. К.], и княгню Ярославлю яша и дети изымаша, и воеводу Жидослава ту оубиша, и дети Ярославли в полонь послаша, и людий, бещисла поведоша до конь, и скота, и много зла створше отидоша». Были захвачены десятки тысяч пленных и сотни тысяч голов скота, угнанные в Орду [Астайкин, 1996, с. 467; см. также Похлебкин, 2005, с. 45–46]. Аналогично при вторжении в Польшу зимой 1260 г. татарские войска громили всю страну в течение трех месяцев и вернулись обратно с огромной добычей [Веселовский, 1922, с. 25]. В 1281 г. городец-кий князь Андрей Александрович призвал татарские полки Кавгадыя и Алчедея в борьбе за великое княжение Владимирское, которые, как обычно, «рассыпащася по земли» и «все пусто сотвориша» вблизи городов Суздаля, Владимира, Юрьева, Ростова, Переяславля, Твери и Торжка [Черепнин, 1977, с. 203–204]. Печально знаменитая «Дюленева рать» (по имени главнокомандующего ордынского войска Тудана) 1293 г. была крупнейшей военной акцией Орды в русских землях, в результате которой было разграблено 14 городов Северо-Восточной Руси, так что «и всю землю пусто сотвориша» [ПСРЛ, т. VII, 1856, с. 180].

В. Л. Егоров, специально проанализировавший эти события, связанные с «Дюленевым нашествием», пришел к обоснованному предположению, что ордынцы в Переяславле создали центральную базу для своих войск, «откуда не только совершались рейды в окружающие города, но куда свозилась и складывалась вся награбленная добыча, включая и пленных» [Егоров, 1985, с. 185–186]. Захватив Москву в 1382 г., Токта-

мыш-хан свое войско *«роспустил по земли воевати»* [ПСРЛ, т. XV, 1922, стб. 145]. Вновь системному погрому подверглась русская земля. «К Володимерю граду шедше Татарове плениша, а люди изсекоша, а иные в полон поведоша. А инии ходиша к Звенигороду и к Можайску и тем тако же створиша, а инии шедше в Переславль взяша и пожгоша его, повергыше бо его граждане бегоша на озеро и тамо избыша от нахождения поганных. А инии к Юрьеву шедша пограбиша и пожгоша и инии мнози грады и власти и села и монастыри повоеваша и пожгоша и много зла земли Рустей сотвориша [ПСРЛ, т. XI, 1897, с. 81].

То же самое повторилось во время нашествия Едиге на Москву в 1408 г. В походе принимали участие сам хан Шадибек и другие знатные ордынские князья и огланы. Подойдя к городу с большими силами, Едиге *«вои свои роспусти на Рускую землю»* [Новгородская, 1950, с. 400]. Более подробно излагает ход вторжения Московский летописный свод: татары *«рассыпашася по всей земли, акы злии волци, по всем градом и по странам и по волостем и по селом, и не остана таково место, иде же не были Татарове»* [ПСРЛ, т. XXV, 1949, с. 238]. Разделившись на три тактические группы, татары действовали по трем направлениям: юго-запад, север, северо-восток. А. А. Астайкину удалось восстановить маршруты татарских отрядов. «Северная взяла Дмитров, повоевала Клинскую волость в Тверской земле и далее прошла широкой облавой между Кснятинем и Юрьевом-Польским в направлении Белоозера. Из захваченных этой частью монгольской армии городов можно назвать Переяславль и Ростов. Северо-восточная группировка по правому берегу Клязьмы, оставив в стороне Владимир, Суздаль и Стародуб, воевала по Волге и успешно осаждала Новгород-Нижний и Городец. Затем двинулась вверх по реке на Кинешму, Галич-Мерский и Соль-Галицкую. Достигнув «Белогородия» (местечко на Верхней Волге), монголы повернули назад, прошли мимо Костромы и «отъ Новагорода воюючи Уяды и Березово поле, тако поидоша обаполь [по обе стороны Волги вниз] и по лесомъ ищучи людей, и многа люди по лесомъ иссекоша; и отголе поидоша къ Суре, начата Суру воевати, Кормышъ пожгоша, и Сару Великую пожгоша... и все огневи предаша» [Астайкин, 1996, с. 513–544].

Войска хана Темир-Кутлука и Едиге, нанеся поражение союзной армии польско-литовского короля Витовта и Токта-

мышья, разделившись на небольшие отряды, начали типичные грабежи и погромы деревень и городков Киевских и Подольских земель. «Царь Темир Кутлуй пришел к Киеву, а *войско распустил разорять* землю Литовскую; и ходили до Луцка; и города многие взяли, и землю опустошили; а из Киева Темир Кутлуй, взяв 3000 гривен серебра, пошел в свою землю» [Тверская летопись, 1999, с. 118]. По Воскресенской летописи, хан «*сшу свою все распустил воевать* земли литовские, и ходиша рати татарские, воюючи даже до Великого Лучьского, и много стран повоеваша, и много зло сотворив Темир Кутлуй земли Литовской и отыде в землю свою» [ПСРЛ, т. VIII, 1859, с. 73; см. также Хроника Быховца, 1966, с. 75; Вернадский, 1999, с. 289; Греков, 1975, с. 232].

Еще со времен Чингиз-хана монголы перед осадой сильно укрепленного города подвергали разгрому окрестности города. Так же действовали и позднее. Золотоордынские войска Токтамышья, подступив к Бухаре, «стали ходить кругом и грабить деревни» [Йазди, 2006, с. 300]. В то время грабеж неприятеля у тюрко-монгольских номадов был повсеместно встречающейся нормой закона войны. В походе 1391 г. «все эмиры и воины, которые по приказанию (Тимура) отправились в разные стороны, победоносно прибыли ко двору Тимура с бесчисленной добычей — лошадьми, верблюдами, быками, баранами и множеством рабов — девушек и детей — на телегах. Всех неприятелей, искавших спасения на островах Итиля, схватив и забрав в плен, привели в (лагерь). Победоносным войскам в этой славной победе досталась такая огромная добыча, что нога изложения и написания совершенно не может достичь границы описания ее» [Йазди, 2006, с. 326]. Из источника становится понятно, что на поиски бежавшего противника по всем ориентирам выслались поисковые отряды, охватывавшие пространство облавным способом. Похожую облавную операцию провели войска Тимура в 1395 г. и в западных пределах Джучиева улуса. «Последовал приказ отираться на границы Дашт-и Кинчака и в другие области Туктамыш-хана от Сарая и Астрахани до Крыма и земель франков. И [вся] эта беспредельная страна была очищена от сопротивления противников [его величества] и освобождена от смуты [его] недругов» [Гийас ад-Дин Али, 1958, с. 57].

В XVI–XVII вв. войсковые подразделения тюркских государств в военной тактике набегов и нападений придерживались вышеописанных приемов. Например, узбекские кочев-

ники, вторгнувшись на территорию противника, двигались в разные стороны, то есть рассеянно, и занимались грабежом [Рузбихан, 1976, с. 132–133]. Отряды крымских татар, так же как и ордынские рати ранее, молниеносно налетали на села и города, а затем в таком же мобильном темпе отходили. При набеге крымского войска в 1502 г. «татары... *разделившись на отряды*, пошли по земле и, идя, воевали около Клецка и Несвижа, и город Клецк сожгли, и были, не доходя шесть миль до Новогрудка, в Ишкольди и повернули обратно. Многие города и села они сожгли и, сотворив христианам неописанное кровопролитие, с большим числом пленных и с добычей собрались у Слуцка, а затем без всякого ущерба, все в целости, ушли назад» [Хроника Быховца, 1966, с. 117]. При нападении в 1506 г. на белорусские земли «старший царь Махмет-Гирей стал в тот же день лагерем под Минском и *распустил свои отряды* под Вильно и в Завилейскую сторону, а также к Витебску, Полоцку и Друцку и на все стороны Литвы и Руси» [Хроника Быховца, 1966, с. 119]. В 1507 г. двадцатитысячное татарское войско перекопских царевичей Бити-Гирея-султана и Бурнаш-султана вошло в польско-литовские земли. «Татары, придя к Новогрудку, скоро переправились через Неман и, не дойдя до Лиды за милню или за полумилню, *со всех сторон начали воевать*, церкви божий и имения и деревни сжигали, а людей хватили и убивали». Наскоро собранное литовское войско в количестве десяти тысяч выступило навстречу татарам. После захвата пленных выяснилось, «что царевичи стоят лагерем под городом Клецком и *что еще все из разошедшихся отрядов* не могли так скоро к кошу собраться» [Хроника Быховца, 1966, с. 121–122]. Кош – это маневренно передвигавшийся обоз, обычно находившийся в заранее условленном пункте. В данном случае под кошем понимается место или точка, к которой подвозилось и где концентрировалось награбленное материальное имущество со всех сторон. В 1655 г. отряды крымского хана, находившиеся в Украине, рассеялись по разным направлениям, оставив в центре кош [Санин, 1987, с. 167].

Военно-грабительские походы крымских татар на Польшу и Литву по своей организации и приемам напоминали в некоторых случаях грандиозные облавы. Двигаясь в набег, татары делили свои силы «на три отряда; две трети должны составлять один корпус, треть же разделена на два отряда, из которых каждый образует крыло, то есть правый и левый фланг. В

таким порядке вступают они внутрь страны. Главный корпус, который на их языке называется кошем, движется плотной массой вместе с крыльями, медленно, но безостановочно, день и ночь, давая лошадям не более одного часу для корму и не причиняя никаких опустошений в стране, пока не проникнут на 60 или 80 миль вглубь края. Тогда они начинают поворачивать назад тем же шагом, между тем как крылья, по распоряжению начальника, отдаляются и могут бежать каждое в свою сторону от 8 до 12 миль от главного корпуса, но так, что половина направляется вперед, половина же в сторону». Каждое крыло, состоящее из 8000–10000 человек, делится, в свою очередь, на 10–12 отрядов численностью от 500–600 воинов, «которые разбегаются в разные стороны, нападают на деревни, окружая их и устанавливая вокруг по четыре сторожевых поста, поддерживающих большие огни по ночам, боясь, чтобы никто из крестьян не ушел от них, затем грабят, жгут, убивают всех, которые им оказывают сопротивление, берут и уводят в плен» население и скот противника. Крылья, «получив приказ отдаляться не более как на 8 или 12 миль, вскоре возвращаются с добычей к главному корпусу войска». Затем «отделяются два другие крыла, числом равные первым; одно из них идет направо, другое — налево; они производят такой же грабеж, как и первые, потом возвращаются, как и прежние, к главному корпусу, а от войска отделяются два свежих крыла, которые производят подобный же грабеж, как и первые; они совершают свои экспедиции так последовательно, что их корпус никогда не уменьшается в числе; он всегда состоит из $\frac{2}{3}$ армии, движется шагом, чтобы не утомляться и всегда быть в готовности сразиться» [Боплан, 1901, с. 22–23].

Представленные выше сведения также дополняют и другие источники. Отряды крымского хана Ислама Гирея III подвергли «окраины и окрестности» польской земли «грабежам и разбою на расстояние в три и четыре перехода в разные стороны». Соединенное войско татар, ногаев, черкесов, аккерманцев, румелийцев и запорожских казаков, «охватив в круг пространство в пять и десять переходов... сильно разбили и разрушили лежавшие справа и слева богохульствующие города ляшского короля и сожгли так много сел и крепостей...» [Кырымлы, 1998, с. 28–29]. Даже при незначительных набегах татары почти всегда расходились «направо и налево» или «во все стороны» отправляли отряды воинов в набег, которые возвра-

щались с богатой добычей [Кырымлы, 1998, с. 29, 60]. Таким образом, крымцы в своих набегах использовали те же тактические облавные способы, которые были известны со времен золотоордынских татар.

Тем самым облавные организационные способы являлись одним из стержневых стратегических принципов в военной агрессии монгольской армии. Причем наибольшее (высокорезультативное) применение облавных приемов (окружение, охват со всех сторон, одновременные удары с флангов, «втягивание в мешок» и т. д.) в войнах монгольской эпохи можно увидеть во время проведения отдельных войсковых операций. Если исходить из изложенных данных, то можно предварительно выделить, что в основе наиболее отработанных методов монгольского полевого боя лежал общий шаблон – окружение, охват боевых сил противника (если быть точнее – «нависание» доминирование над флангами) или его наиболее дееспособных частей, что достигалось за счет полного контроля и господства над «рабочим полем» сражения. Такой специфический тактический прием был, безусловно, взят из многочисленных конфигуративных схем организации облавных охот, который стал эмпирически накопленной и успешно освоенной моделью проведения как отдельных боев, так и широкомасштабных военных акций у кочевых народов Центральной Азии. Скорее всего, со временем, наоборот, уже сама военно-организационная структура и отработанные военно-тактические комбинации могли оказывать влияние и отражаться на способах и приемах организации коллективных охот. Наряду с этим облава у кочевников стала первостепенной формой по военному освоению и грабежу неприятельской территории и населения.

ГЛАВА IV. ВЗАИМОСВЯЗЬ ОРУЖИЯ ОХОТЫ И ВОЙНЫ В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

4.1. Соотношение охотничьего и боевого оружия

Начиная с доисторических каменных орудий труда довольно затруднительно различить среди них предметы оружия, которые использовались как на охоте, так и в межобщинных столкновениях людей¹¹. С развитием технологий и оснащением более совершенными средствами – топорами, копьями, ножами, пращами, луком, стрелами охота против опасных диких зверей стала более успешной. Орудия охоты, использовавшиеся в добыче животных и пернатой дичи, одновременно позволяли древнему человеку вести сражение с себе подобными в неизбежных спорных ситуациях за природные ресурсы обитания, «почти таким же способом, как это было и впоследствии, до самого изобретения пороха» [Винклер, 1992, с. 16]. К числу первых продуктов трудовой человеческой деятельности относилось наступательное оружие. Его появление напрямую обусловило создание адекватной верхней одежды с оборонительными признаками и защитными свойствами.

Как известно, боевые доспехи воина – неотъемлемый элемент защитных средств комплекса вооружения, эволюционировавшие с изменением военно-технических средств нападения. Возникновение конструктивно-технических и эффективных видов и типов оружия или существенная модификация старого, а тем самым усиление его боевой результативности

¹¹ В частности, известный исследователь вооружения народов Сибири древности и Средневековья А. И. Соловьев особо отметил: «Обращаясь к оружию, мы должны помнить, что боевое и охотничье оружие в Северной, Центральной и Юго-Западной Азии не всегда можно различить. Зверовая охота здесь всегда была школой войны. На иранских миниатюрах XVI в. можно увидеть, что охотники использовали даже такое сугубо боевое оружие, как сабля, а в Бурятии еще в начале XIX в. выходили на загонную охоту в лагах. Можно сказать, что история всего оружия начинается в каменном веке, когда охота на крупных животных составляла основное занятие племени» [Соловьев, 2003, с. 10–11].

при применении всегда способствовало укреплению оборонительного вооружения. Как показывают археологические данные, древнейшее население Западной Сибири и смежных районов центрально-азиатского культурного региона начиная с середины II тыс. до н. э. в качестве предохранительных приспособлений использовало специальные пластины, сделанные из кости, дерева и кожи. Прежде всего, это следует из материалов погребений могильника у д. Ростовка Омской области, относимых к XIV–XI вв. до н. э., в которых найдены (идентифицированы) латы, скомпонованные, судя по всему, из больших трубчатых костей животных [Матюшенко, 1988, с. 48–53]. Думается, это предварительно дает основания считать, что появление первых защитных одеяний было непосредственно связано с обработкой и применением относительно мягких материалов – дерева, костей и шкур животных.

Таким образом, эти сведения позволяют думать, что оборонительное снаряжение существовало (стало появляться?) в эпоху развитой бронзы. Или, по крайней мере, уже тогда употреблялось как защитное средство. Более того, в хронологически сходных культурах Древнего мира Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, да и в относительно недавней этнографически зафиксированной охотничьей практике использовалось защитное вооружение (щиты, панцири, шлемы, поножи) – Древний Египет, Эгеида, Сирия, о. Крит. В этой связи есть определенная доля вероятности, что защитные элементы воинского снаряжения возникли изначально как предметы охотничьей «спеподежды» (костюма), а со временем стали отдельным атрибутом воинской экипировки. Отсюда «весьма трудно, вплоть до эпохи средневековья, разделить охотничье и боевое оружие», – считает М. В. Горелик [Горелик, 1993, с. 8–9; см. также Худяков, 2003, с. 37]. Интересно также, что, по информации этнографа С. Г. Жамбаловой, буряты в XIX в., имеющие старинные доспехи, облачались в них и шли на охоту [Жамбалова, 1991, с. 102]. Тем самым предметы вооружения войны и орудия охоты на протяжении всей истории военного дела обнаруживают постоянную взаимосвязь между собой.

Функциональной разницы между первоначальным охотничьим оружием и формирующимся боевым (ранние виды, типы, образцы), особенно если это касается охоты на крупных зверей, нет. В древневосточных обществах лук как орудие

труда применялся как на охоте, так и при охране стад от опасных хищников [Горелик, 1993, с. 78]. Да и намного позднее, в средневековый период, луки М-образной формы продолжали оставаться основным оружием дальнего боя и орудием охотничьего промысла. «На Руси, — отмечает А. Ф. Медведев, — насколько мы можем судить, и для войны, и для охоты применялись одни и те же сложные луки. Об этом свидетельствуют самые различные изображения. Единственное объяснение этому «универсализму» лука заключается в самом принципе: ведь задача и воина, и охотника-лучника была одинаковой». Поэтому лук был универсальным метательным оружием, использовавшимся на тренировках, охоте и войне [Медведев, 1966, с. 8, 14].

Среди прибрежных североамериканских индейцев нутка, хайда, тлингиты, атапаска отдельные виды вооружения (луки, стрелы, копья) использовались равным образом как для охоты (морские выдры, китобойный промысел, медведь), так и для войны. Вместе с тем одновременно фиксируется появление специализированных предметов вооружения (булавы, дубины), ориентированные на военные столкновения [Шнирельман, 1994, с. 118]. Аналогичные процессы взаимозаменимости охотничьего и боевого набора оружия отмечены и в кочевой среде. Так, у кимаков, проживавших в раннем Средневековье на территории Восточного Казахстана, наконечники боевых и охотничьих стрел ложились в один колчан, в связи с этим «не исключено применение охотничьих наконечников в боевых целях, в частности для стрельбы по лошадям», — полагает Ю. А. Плотников [Плотников, 1981, с. 114].

Издrevле при охоте на крупную дичь древними и средневековыми кочевниками применялись и конья. На охоту сарматы шли с контосом (копьем), тем самым отрабатывая свои боевые приемы владения этим оружием. В изобразительном искусстве этого периода встречаются неоднократно рисунки сарматских всадников, охотящихся с пикой-контосом на кабана. Сарматские охотничьи и скотоводческие навыки находили применение и в военном деле [Нефедкин, 2004, с. 44–45, 54, 67 рис.]. Интересно, что всадники держат длинные пики двумя руками, что было более характерно для конно-копейной атаки сарматских катафрактариев в бою. На территории Прииртышья при раскопках Бобровского могильника, датированного VII–IX вв., обнаружена бляха, на которой изображен всадник,

поражающий копьём тигра [Казахи, 1995, с. 47]. В комплект бурятского охотничьего снаряжения входили луки, стрелы, колчаны, налучья, копыя, ножи. Даже с повсеместным распространением огнестрельного оружия на охоту предпочитали идти с луками и стрелами [Жамбалова, 1991, с. 102].

С эпохи позднего палеолита и особенно с мезолита и вплоть до интенсивного применения огнестрельного оружия со второй половины II тыс. н. э. важнейшим орудием охоты, а потом и основным оружием дистанционного боя оставался лук со стрелами и его разновидности, эволюционировавший на протяжении тысячелетий от простых к более сложным (усовершенствованным) типам. Появление лука значительно улучшило технику охоты (дальность полета стрелы, силу для натягивания лука, силу удара и развитую силу пущенной стрелы). Первые обнаруженные остатки деталей сложносоставного лука следует, по всей вероятности, начинать с находок А. П. Окладникова в Прибайкалье. Найденные остатки лука (длинные костяные пластины, 30–60 см) датируются серовским временем III тыс. до н. э. Судя по обнаруженным предметам, этот древнейший лук имел симметричную форму, а с внутренней стороны был снабжен стержнем-основой, на которую накладывались пластины. Предположительно длина лука варьируется в пределах 100–150 см [Окладников, 1940, с. 106–112].

Таким образом, возможно, что местом появления сложносоставного лука были Южная Сибирь и близлежащие пограничные районы Центральной Азии. По Лэн Фоксу, происхождение сложного лука должно быть связано с регионами, где нет подходящего материала (леса): длинных эластичных сучьев. Это северная полоса тундры и тайги, примыкающая к Ледовитому океану. Жившие здесь народы для выделки луков придумали «комбинацию хвойного дерева с лиственным» или другим эластичным материалом (рог горного барана, быка, оленя, китовый ус, моржовый зуб, оленьи жилы). Д. Н. Апушин, подготовивший в конце XIX в. историко-этнографический очерк о луке и стрелах, согласился с этой точкой зрения, так как он мог быть «изобретен где-нибудь в пределах этого пространства и распространился уже отсюда, из одного центра, на Восток... и на Запад». В подтверждение этой гипотезы он ссылается на то, что сложные луки существовали с древних времен у монголов, тюркских племен, тунгусо-маньчжурских на-

родов, некоторых народностей Сибири, Северной и Центральной Азии [Анучин, 1887, с. 14–15]. Возникновение лука и стрел было продиктовано необходимостью дистанционной стрельбы на расстоянии, используемой на охоте и в военном деле. Активное применение лука дало возможность людям результативно заниматься охотой, благодаря чему этот вид деятельности стал основным наряду со скотоводством и земледелием [Кищенко, 2003, с. 131].

Появление сложносоставного лука очень существенно увеличило расстояние от лучника до цели и поражающие свойства стрелы. Древние луки могли достигать в длину роста человека. На наскальных рисунках эпохи неолита (IV тыс. до н. э.) имеются изображения как загонной, так и облавной охоты, основным элементом которых было окружение диких зверей со всех сторон или загон одной группой (загонщиков) на другую группу (стрелков) – вооруженных луком и стрелами [Жаргалов, 1996, с. 28–29]. Наскальные изображения на территории Монголии (более древние, датируемые периодом мезолита), район Хангая и р. Чулутын-Гол, представляют собой фигурки зверей, лосей, горных козлов и других животных, и наряду с ними отчетливо видны охотники с луками, строящиеся илидвигающиеся целью. Охотники поражают зверей, стреляя из луков. Предводитель охотников, который изображен на одном из рисунков как человек высокого роста с луком в руках, облачен в защитную одежду (доспехи) (рис. 8).

В бронзовом веке одомашнивание лошади привело постепенно через освоение верховой езды к появлению конных охотников, осуществлявших большие облавы зверей. Частым изображением на так называемых «коленных камнях» Центральной Азии наряду с другим оружием становится лук довольно необычной сигмовидной формы.

Хунны, впервые объединившие кочевые народы, «натягивающие луки», на охоте применяли как луки, так и копыя, рогатины и другие орудия. В древнетюркскую эпоху древние традиции облавных охот были продолжены. Опять же существенную информацию о приемах ведения охоты можно почерпнуть из наскальных рисунков. Например, на изображении сцены охоты в районе р. Ангара и Лена у д. Шишкино (рис. 9) показано, что зверей преследует наездник с луком и колчаном, а навстречу им скачет охотник, готовящийся к стрельбе из лука. На многих рисунках и писанинах традиционными были

сюжеты, связанные именно с облавной охотой (см., например, рис. 10, 11, 12). В верхней части видно изображение конного охотника, скачущего на полном скаку и стреляющего из лука и поражающего убегающего оленя. В облавах принимают участие как всадники, так и пешие охотники. Комплекс ранне-средневековых изображений на сланцевых плитах горы Бичикту-Бом Горного Алтая содержит около пятидесяти сцен охоты. Подавляющее большинство из них «передают сцены коллективной охоты, в которых участвуют несколько пеших или конных лучников, стреляющих в скачущих оленей. Эти фигуры, как правило, перекрывают большое количество линий, видимо, символизирующих летящие стрелы». Рисунки датируются VIII–X вв. исходя из типов лука и наконечников стрел [Мартынов, 1995, с. 178–180].

Огромное количество наскальных изображений (писаниц, петроглифов) древности и Средневековья сохранилось на территории Южного и Восточного Казахстана, в которых постоянным сюжетом являются охота, пешие и конные лучники [Кадырбаев, Марьяшев, 1977; Самашев, 1992; Памятники, 2004]. Наскальное искусство является очень ценным источником, дающим значительный объем исторически достоверной информации, а порой уникальный (единственный) по образу жизни, хозяйственной деятельности, идеологии и культуре, в том числе и военному делу кочевников Центральной Азии. Из полученных сведений следует, что основным орудием охотничьего промысла были ручные метательные средства – лук и стрелы как наиболее удобное и эффективное оружие, которые одновременно занимали ведущие позиции в комплексе боевых средств кочевников.

4.2. Лук и стрелы как основное орудие охоты и оружие войны кочевников Центральной Азии

По истории лука существует огромная специальная литература, но в данной работе будут использоваться только некоторые основные работы по обозначенной проблеме.

Археологи заметили, что в период, предшествующий формированию кочевничества XV–XI вв. до н. э., в степях Евразии

(на территории Казахстана) в захоронениях было большое количество предметов оружия: бронзовых наконечников стрел, копий, ножей, кинжалов. Все это свидетельствует о росте межплеменных военных конфликтов и значении войн, которые привели к динамичному росту производства специализированного вооружения [Акишев, 1991, с. 6].

Археологические данные свидетельствуют о том, что население срубной культуры II тыс. до н. э. наряду с простым применяло и сложный лук. Хронологически, «срубники» — предшественники скифов, саков, савроматов (сарматов), и есть основания считать, что именно от них представители нарождающейся кочевой культуры могли позаимствовать отдельные варианты сложносоставного лука. На это указывает прежде всего сходство форм наконечников и древков стрел «срубников» и скифов-кочевников [Пишлина, 1990, с. 23–27]. Возможно также и то, что скифы (саки), уже обладая этим видом оружия, продвигаясь, из глубин Центральной Азии, распространяли новые эффективные типы сложносоставных дальнебойных луков или творчески синтезировали свои инновационные разработки и приобретенные технические новации и достижения в новых местах.

Одной из основных тенденций развития сложносоставного лука считается, наряду с усовершенствованием конструкции, уменьшение его размеров. В период господства скифо-сакской культуры в середине I тыс. до н. э. возникает М-образный лук скифского типа, который быстро распространяется на широких просторах евразийской степи, в том числе и на территории древнего Казахстана. Как показали специальные исследования, длина скифских луков доходила до 60/70–100 см, хотя и не исключается, что его параметры могли быть и больше [Мелюкова, 1964, с. 14; Черненко, 1981, с. 21, Горслик, 1993, с. 68]. В значительной степени размеры лука определялись его мощностью (упругостью), структурой материала. Так, например, лук малой длины укреплялся в местах соединения роговыми или костяными накладками, что делало его достаточно тугим и тем самым увеличивало метательную силу.

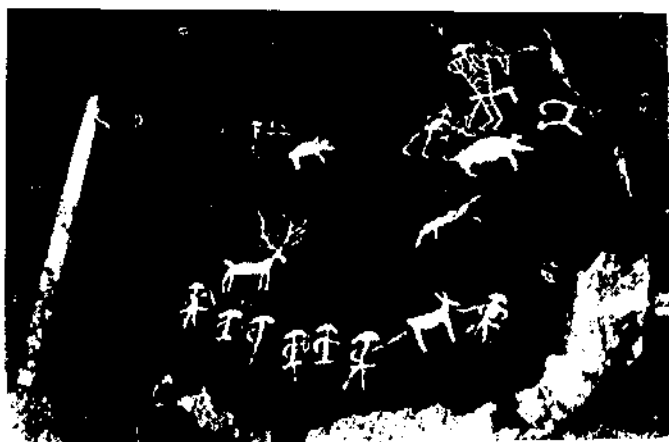

Рис. 8. Облавная охота, р. Чулутын-Гол (Монголия)

Рис. 9. Конная облавная охота на кабанов, д. Шишкино

Рис. 10. Изображения охотника с луком, лося и кабанов в момент охоты, р. Селенга (Монголия)

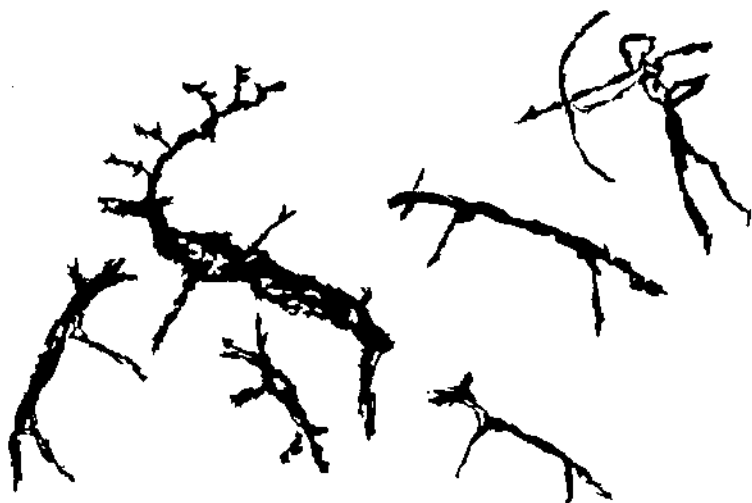

Рис. 11. Охота совместно с волками, р. Чулутын-Гол

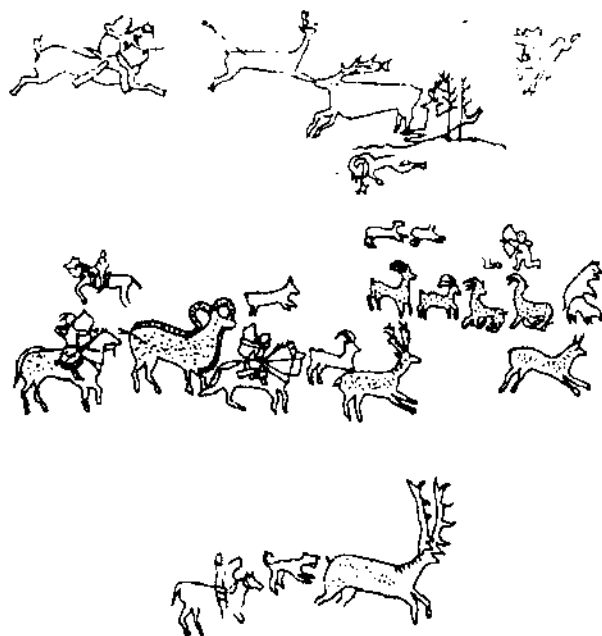

Рис. 12. Сцена облавной охоты по Сулекской писанице

Рис. 14. Хуннский лучник

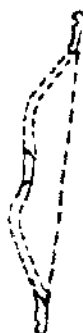

Рис. 15. Тюркский лук (по Ю. С. Худякову, 1986)

Рис. 16. Лук енисейских кыргызов

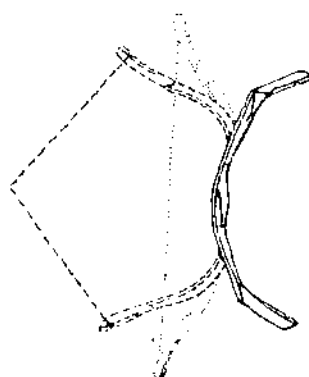

Рис. 17. Монгольский лук

В то же время это могло быть связано с условиями применения луков. В частности, «...народы, обычно применявшие лук и стрелы для стрельбы с коня, имели, как правило, более короткие сложные луки, чем народы пользовавшиеся луком в пешем строю», так как «длинный лук был большой помехой для эффективной стрельбы с коня, затруднял бы управление конем и быстрый переход к применению холодного оружия» [Медведев, 1966, с. 15]. С последними доводами нельзя полностью согласиться, так как у кочевых народов имелись различные типы луков как малой, так и большой длины, причем иногда стрелок пользовался ими одновременно (попеременно). Некоторые луки в длину были довольно большими и массивными по весу. Письменные и изобразительные источники XIII–XIV вв. показывают применение монгольскими воинами двух типов луков, как больших, так и малых. И нет веских оснований считать, что стрельба из больших луков с лошади была для лучников затруднительна или они испытывали какие-то технические неудобства.

Чуть позднее «скифского лука» на востоке в Центральной Азии, в конце I тыс. до н. э., идет процесс формирования лука хуннского типа. Более чем вероятно, что именно в хуннской этнокультурной среде была изобретена форма лука с тремя зонами жесткости и двумя зонами упругости, которая впоследствии определила дальнейшую эволюцию в кочевом мире Евразии ручного метательного оружия (рис. 13, 14, 15, 16, 17).

Лук «хуннского типа» по своей конструкции был един, имел большие размеры кибиты и костяных накладок. Стрелы по материалу изготовления наконечника относятся к трем классам: костяные, бронзовые и железные. По сечению пера наконечника выделены группы: трехлопастные, удлиненно-ромбические, ярусные, шипастые, удлиненно-треугольные. Уже на основе хуннского лука в раннем и развитом Средневековье появляются его различные виды и их модификации — древнетюркский, уйгурский, кыргызский, кимакский, монгольский [Ковычев, 1981, с. 99; Савинов, 1981, с. 146–162; Худяков, 1986, с. 25–43; Худяков, 1990, с. 103–114 и др.]. Луки, обнаруженные в знаменитых Ноинулинских курганах, были различными по своим параметрам. По размерам имелись в наличии от полуметра и более. Кибиты хуннского лука укреплялась роговыми накладками, а его

середина имела сильный изгиб, поэтому при стрельбе стрела не касалась руки (пальцев) лучника. Самые большие луки у хунну достигали 160 см, то есть практически равнялись среднему росту человека. Хуннский длинный лук имел концевые, промежуточные и срединные попарно сконструированные роговые накладки с длиной от 20 до 40 см. На концевых накладках делалась специальная выемка, так как в этом месте киби́ти имелся вырез для тетивы, который должен был совпадать. А срединные накладки имели вогнуто-выпуклую форму. С внутренней стороны роговых накладок наносились насечки, чтобы прочно скрепить их с луком. Причины появления длинных луков в хуннской среде недостаточно изучены. Древко хуннских стрел готовилось из березы, а наконечники из кости (охотничьи), бронзы или железа (боевые). Наконечники, например, железные различались по форме пера – трехлопастные, четырехлопастные, трехгранные, четырехгранные [Худяков, 1986, с. 30–37]. Хуннские стрелы снабжались специальными устройствами – свистунками, представляющими собой бочонкообразные или биконические полые трубки с несколькими отверстиями в боках, крепившиеся на древке стрелы ближе к основанию наконечника. При полете такая стрела издавала пронзительный свист, пугая вражеских коней и воинов. Оперение стрел делалось из перьев орла или других птиц.

Кочевнические луки по ареалу распространения охватывают огромные территории – Центральную Азию, Южную Сибирь, Восточный Туркестан, Казахстан, восточноевропейские степи. Причем происходит его качественная эволюция – появление модернизированных образцов, заметных инноваций и их дальнейшая дифференциация. Исследователями проведена большая систематизация накопленного оружейного материала, типологизация (выделение групп, типов) ручных метательных средств, наконечников стрел средневековых кочевников Центральной Азии, Южной Сибири (сибирские племена, древние тюрки, енисейские кыргызы, кимаки, кидани, монголы и др.), некоторых районов Казахстана (восточные кыпчаки), [Худяков, 1980, с. 66–117; Худяков, 1986, с. 54–59, 64–78, 90–99, 111–117, 126–130, 139–150, 170–172; 181–190; Худяков, 1991, с. 74–78; 99–126; Худяков, 1997, с. 79–84, 107–112 и др. раб.] (см. рис. 9, 10, 11). По мере увеличения археологических данных представляемая типология луков, наконечников стрел бу-

дет постоянно дополняться и меняться. Судя по отдельным данным, можно сказать, что прогрессивное развитие в военно-технической области у отдельных кочевых центрально-азиатских обществ не прерывалось вплоть до позднего Средневековья и Нового времени. Вместе с тем довольно интересное замечание по вопросам типологизации луков было предложено М. В. Гореликом, который считает, что так называемая «этническая типология» хотя и отражает особую взаимосвязь какой-либо конструкции с определенным этносом, но такая классификация является достаточно условной (Горелик, 1993, с. 66). Возможно, здесь может идти речь о более или менее широкой известности (популярности) тех или иных видов (типов, групп) оружия в той или иной этнокультурной общности, связанных с какой-то местной спецификой.

Например, интересен вопрос о назначении костяных наконечников стрел, по которому существуют две точки зрения: 1) они являются обязательной принадлежностью только охотничьего снаряжения [Хамзина, 1970, с. 106, 109]; 2) они имеют универсальное значение как для добычи промыслового зверя, так и для применения в бою [Медведев, 1966, с. 87–89; Хазанов, 1971, с. 42]. В пользу второго мнения говорят и другие сведения [Лубсан Данзан, 1973, с. 266]. Но, опять же, тут следует иметь в виду сложившуюся традицию использования предметов вооружения конкретной этнической группой, связанную со средой обитания, местными природно-материальными ресурсами, конструкцией лука, способами изготовления древков и наконечников стрел, закрепившейся техникой применения оружия и т. д. Так, известно, что для устойчивости в полете стрелы снабжались птичьими перьями. У казахов для этого употреблялись «перья снежного грифа, похожие на овечью шерсть, перья стервятника, похожие на шерсть жеребенка-стригунка» [Валиханов, 1985, с. 37]. В популярном среди ногаев и казахов эпосе «*Ер Едиге*» герой описан «...натягивающим двенадцатихвостую стрелу», «с вороньими перьями, с наконечником, подобным бараньей лопатке» [Ер Едиге, 1995, с. 113, 119]. Птичьи оперенья были характерны для древков стрел центрально-азиатских кочевников, например, монголов, использовавших для этого перья орла, коршуна, гуся [Алтан Тобчи, 1973, с. 269; Немеров, 1987, с. 219]. При-

чем «все такие стрелы опушивают они [т. е. калмыки. — А. К.] орлиными перьями¹², которые берут только из хвоста, — особо подчеркивает П. С. Паллас, — ибо перья из крыльев к тому неспособны, по той причине, что опущенные ими крылья косо летают» [Паллас, 1809, с. 477]. Вместе с тем интересно отметить, что у казахов орлиные перья «не уважались» [(см. Валиханов, 1985, с. 37)]. Следует полагать, что формы оперенья могут служить одним из этномаркирующих (отличительных, дифференцирующих) признаков.

В процессе длительного изучения оружейного комплекса древних и средневековых кочевников центрально-азиатского культурного региона Ю. С. Худяков пришел к обоснованному выводу об использовании луков и стрел в качестве различных элементов так называемой знаковой функции: «инсигнии» (символы и атрибуты) власти, в дипломатической практике (посольские полномочия), при отправлении религиозных культов и обрядов (например, охранительная магия), рассматривая их в тесной связи с их прямым военным назначением [Худяков, 2004, с. 102–111; см. также Плотников, 2001, с. 79–95].

Для казахов также было характерно употребление костяных, роговых и деревянных наконечников. Обычно стрелы, снабженные тупыми концами наконечников, применялись при поражении зверя на охоте. Такие стрелы назывались «догал оқ» — стрела с затупленным наконечником. По некоторым сведениям, иногда воины использовали этот тип стрелы в бою для сбивания противника с лошади [Ахметжан, 2003, 98 б.]. В Новое время, по данным Д. Н. Анучина, буряты и монголы имели на вооружении довольно многочисленные типы железных наконечников стрел, тогда как у казахов и китайцев они были однообразными (одинаковой формы) — плюско-ромбоидальными. Среди бурят были известны разнообразные наконечники в зависимости от того, на какое расстояние (близкое, дальнее) лучник будет стрелять. Если цель на близкой дистанции, то употребляются стрелы с узким наконечником, а на дальнем более широкие и многоперые [Анучин, 1887, с. 74–75]. Н. Витсен, непосредственно наблюдавший действие оружия дистанционного боя монголоязычных наро-

¹² Средневековые хакасы, по фольклорным материалам, также использовали при оперении стрел перья орла, беркута и других птиц [Бутанаев, 1981, с. 192].

дов, сообщает, что стрелы у них «были с утолщенным передним концом, сделанным из кости, на них три или четыре свистульки, которые в воздухе очень громко свистят, что забавно слышать». С помощью этих свистунок военачальники стреляли «через головы своих отрядов, чтобы возбудить в них храбрость, а также для того, чтобы этим звуком в зависимости от направления, в котором они стреляют, отдавать приказы» [Хамарханов, 1988, с. 153]. «Большие военные стрелы с большим остроконечным копейцом» видел П. С. Паллас в XVIII в., проезжая кочевья волжских калмыков [Паллас, 1809, с. 477]. Последние представляли собой тяжелые бронебойные стрелы для пробития защитного доспеха противника.

Очень древней традицией кочевых народов считается нанесение «украшений» на древки стрел («в месте оперения», «близ ушка») в виде различных ярких полос – красных, черных красок [Курылев, 1978, с. 19; Худяков, 1986, с. 150]. В героическом эпосе казахов постоянно говорится о таких раскрашенных стрелах: «*сур жебе*», «*көк жебе*», «*сары жебе*», «*қызыл жебе*» и т. д. Полагаем, эта традиция связана не столько с украшением стрел, сколько с практической необходимостью. Серые, синие, желтые, красные полосы, наносимые на древки стрел, были обусловлены тем, что по этим обозначениям стрелок извлекал из колчана нужную стрелу. Косвенным подтверждением этому может служить следующее выражение из казахской устно-поэтической прозы: «*Я был стрелой красной, стрелой, разящего врага*» [Поэты, 1993, с. 15]. «Разная окраска древка позволяла воину безошибочно выбрать нужный наконечник. Надо полагать, что подобность в таких метках существовала при хранении стрел наконечниками вниз в колчанах закрытого типа», – констатирует Ю. С. Худяков [Худяков, 1986, с. 150; см. также: Медведев, 1966, с. 20, 52]. В то же время это были специальные метки, указывающие на собственность хозяина стрелы. После проведения облавной охоты в обязательном порядке израсходованный боезапас стрел собирался охотниками. «Странно, что по окончании охоты каждый может узнать свои стрелы», – пишет о бурятах Н. Витсен в своем сочинении «Северная и Восточная Тартария» [Хамарханов, 1988, с. 150].

На бурятских облавных охотах луками и стрелами пользовались в XVIII–XIX и даже в начале XX в., так как они считались наиболее адаптированным и удобным оружием для кон-

ной облавной охоты (рис. 12). Это также было характерно для населения Южной Сибири и Горного Алтая [(см. Потапов, 1934, с. 65)]. По этнографическим данным¹³ [Жамбалова, 1991, с. 52–61], буряты имели на вооружение два вида луков – «*номо*», «*манза номо*», которые были одним из многочисленных вариантов так называемого сложносоставного «монгольского» лука, широко распространенного в развитом Средневековье (у монголов «*номо*», «*номун*» также означало лук). В то же время они отличались по своей форме. У «*номо*» по центру была округленная форма кибити¹⁴, а в конце она уплощалась. Для «*манза номо*» делалась плоская и широкая кибить. Луки были достаточно упругими и предназначались для дальноточной стрельбы. Средняя длина бурятских луков доходила до 150–160 см и по этим параметрам сближается с типами, бытовавшими в регионе в период Средневековья [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1970, с. 80]. По материалу лук состоит из нескольких слоев: березы, с внутренней стороны кибити рог или кость, снаружи покрыт сухожилиями, а поверх них берестой для предохранения его от сырости. Березовое дерево, кости (рога) и сухожилия придавали луку необходимую силу натяжения для дальней стрельбы. Бурятские луки состоят из пяти основных частей (секций) и четырех узловых соединительных точек. Каждая из них имеет свое рабочее предназначение: рукоять (*барюул*), два плеча (*бурээс*) отвечали за метательную силу лука. С внутренней стороны лук снабжался концевыми костяными накладками 18–20 см. Помимо них крепились фронтальные концевые накладки, меньше, чем вышеуказанные, со специальным вырезом (*хэрцэлэ*) для тетивы (*хубшэ*). Внизу узлов тетивы на накладках имелись кобылки (*тэбхэ*). Все основные компоненты лука соединялись в узловых точках. Чтобы лук стал эластичным, сухожилиям обматывались луковища. Для того чтобы ограничить инерционное движение лука, изготавливались подставки для лука, зафиксированные на определен-

¹³ Здесь и далее использовались материалы исследований С. Г. Жамбаловой [Жамбалова, 1991, с. 52–61] и А. Ф. Медведова [Медведов, 1966, с. 10–19].

¹⁴ По В. И. Далю, «кибить – лука, дуга, дужка, гноток, лучок; выгнутое на пару дерево для лука (оружие); кибить всегда была цельная, но каждая половина ее называлась рогом и была подложена козлиным рогом, подзором» [Даль, 2006, с. 89].

ном уровне высоты. Тем самым они не давали возможность луку после выстрела вывернуться в противоположную сторону и возвращали его в исходное положение. Таковую же нагрузку несут и фронтальные концевые накладки, допуская колебания кибити в заданных пределах.

В целом можно отметить, что технология изготовления лука было процессом сложным, требовала значительного времени и профессионального подхода. В качестве наглядного примера можно сказать, что изготовление лука по моему заказу у мастера ушло несколько лет (2,5 года). В древней Японии, по данным Б. Адлера, на изготовление лука уходило 15 лет, а сам мастер пользовался большим почетом и уважением [Адлер, 1903, с. 189]. По некоторым сведениям, чтобы изготовить хороший лук, необходимо было время до пяти лет [Луки и стрелы]. Обычно для деревянной кибити использовалась специально просушенная береза. Длинные сухожилия извлекали из позвоночников части животного (олень, лось, бык), вырезая вместе с кожей. Природным свойством этих сухожилий было то, что они отличались прочной эластичностью и после натягивания возвращались в исходное положение. Одной из самых важных операций было наклеивание сухожилий, так как здесь надо было исходить из силы натяжения лука (это было сугубо индивидуально), и наклеивание другого слоя могло происходить только после высыхания предыдущего, которое занимало от четырех дней до недели. Клей готовился из кожи коровы, обрезков кожи и рогов олсней, отличавшихся устойчивостью к сырости и эластичностью. После окончания наклеивания толщина сухожилий должна была приблизительно равняться большому пальцу. Изготовление одного лука занимало два года. Для того чтобы лук обладал необходимой рефлексией, его помещали в раму на один год в сухое помещение со стабильным температурным режимом.

В качестве тетивы использовали сыромятную позвоночную кожу тощей коровы, считавшуюся крепкой. Полученный таким образом ремень чистили от жира, скручивали, растягивали так, чтобы он не вытянулся и не давал усадки, сохраняя изначальную длину. Помимо этого тетиву брали из кишок барана, смазывая топленным жиром, а потом ссучивали. Рузбихан отметил в своих записях, что казахи «из кишок делают тетиву для лука» [Рузбихан, 1976, с. 103]. Но такая тетива в сырую погоду имела существенный недостаток – свойство вы-

тягиваться. Кочевники отдавали предпочтение материалу из сырой скрученной конской шкуры, сохранявшую упругость в мороз. Возможно, в историческом прошлом использование тетивы носило сезонный характер: зимой тетива из конской шкуры, летом из других материалов. Тетива на лук крепилась двумя способами: в первом случае сидящий ступнями вытянутых ног натягивал лук, а во втором стоя пропускал лук под левой ногой и правой делал опору для натяжения лука. Описанные выше приемы были присущи и для монголдоязычных средневековых кочевников Центральной Азии [Werner, 1974, s. 28].

Луки и стрелы как важнейшее орудие охоты на диких животных и птиц и основное боевое стрелковое оружие кочевников обусловило значительное многообразие названий стрел и их составных деталей. Стрела — «*хомо*», стрела с деревянным и роговым наконечником — «*годли*» (монг. «*годоли*»), стрела с опереньем — «*уудхэ*», стрела без оперенья — «*мохо*», наконечник — «*зэбэ*» (монг. «*дэжэбэ*»), наконечник с четырьмя отверстиями — «*зэн (гэ)*», стрела-свистунка — «*зэн, яһан зорхо*». В прошлом существовали мастера по изготовлению стрел — «*моһошин*» (от названия специального инструмента «*моһон*».) Для древков стрел подбирались подходящее дерево из хорошего леса. Так, хунны заготавливали материал для луков и стрел в местности Инь-шань, где росли подходящие породы дерева [Бичурин, 1950, с. 94]. Если стрелы были сделаны из некачественного дерева, то они кривились со временем, плохо летали. Древки заготавливали из березы, которую сушили и делали идеально прямой (гладкой). В целом бурятские и монгольские стрелы славилась своими высокими техническими данными и баллистическими качествами. Средняя длина бурятских стрел варьировалась в пределах 80–100 см и в толщину диаметром до 1 см. Для сравнения казахские стрелы позднего Средневековья и Нового времени достигали в длину 60–77 см [Курылев, 1978, с. 19]. В конце стрелы на древке делалась выемка, а чуть выше это место обтягивалось сухожилиями, что давало возможность лучше натянуть лук. С целью лучшей фиксации стрелы пальцами чуть выше выемки делалось несколько боковых надрезов. Это было характерной чертой монгольских стрел. В качестве оперения использовали перо гусей, журавлей, орлов и др. В зависимости от типа стрелы или лука для оперения древка применяли гладкие и жесткие перья. Буряты

старались лопасти оперения делать одинаковой длины и ширины с изгибом в одну сторону, что придавало стреле в полете устойчивость и винтообразное вращение, что повышало точность стрельбы. Стрела, снабженная перьями из правого крыла птицы, летела слева направо. Во время войны широко употреблялись стрелы с тяжелым металлическим наконечником стрел без оперения, которые летели строго по прямой линии и уверенно достигали цель.

Стрел и их наименований было огромное множество, возможно, десятки, а то и сотни разновидностей. В зависимости от поражаемой цели различались многообразные формы (конфигурация) наконечников стрел. Мелкую дичь и птиц поражали стрелами с костяными шишками и деревянными наконечниками, а также легкими стрелами с узким наконечником, а на крупного зверя шли с ромбовидными широкими железными наконечниками. «На близком [т. е. расстоянии] употребляются стрелы с более узкими наконечниками, на дальнем — с более широкими и многоперые. Это, очевидно, основано на том, что при дальнем расстоянии важно, чтобы стрела держалась дальше на полете и могла бы если не поразить цель, то хотя бы задеть своим острым краем или ребром» [Анучин, 1887, с. 75].

Применялись на охоте вплоть до начала XX в. и костяные наконечники с накладками-свистунками. Такой летающий снаряд пускали при погоне крупного животного оленя, лося в расчете на то, чтобы задержать его движение, когда он будет прислушиваться к вою летящей стрелы. Пользовались ею также для вспугивания дичи. Например, охотник запускал свистящую стрелу выше того места, где сидела белка, дабы заставить ее спуститься вниз или перегнать на другое дерево (более открытое место), а после этого он уже стрелял обычной стрелой. (О «поющих» стрелах см. выше свидетельство Н. Витсена.) В Южной Сибири в могильнике Кудыргэ были обнаружены связки стрел без металлических наконечников, но с утолщением и заостренными концами. Хуннские стрелы с костяными пасаками-свистунками были хорошо известны в первой половине I тыс. н. э. [Гаврилова, 1965, с. 30; Савинов, 1984, с. 130]. Все это показывает, что монголоязычные кочевые этносы сохранили древнюю традицию изготовления «свистящих стрел» идущую от хунну.

В бурятских стрелах выделяются четыре типа боевых наконечников стрел: «*сабишуур*, *шубгэ*, *гурбалжа шубгэ*, *саран*».

Так, «шубгэ, шубгэ ээбэ» имел шиловидный наконечник для пробития кольчуги. «Илтаһан ээбэ», обладая специальной формой, разрывал броню или кольчугу, «сабиуур» (пер. как зубило). Трехгранный наконечник — «гурбалжсан шубгэ» напоминал шило и свободно проникал через кольчугу. Особой стрелой была «саран ээбэ», сделанная в форме полумесяца, по размерам соответствовала шее человека и могла срезать голову. В основном все боевые наконечники, предназначенные для пробития кольчуг и брони, имели поперечное сечение пера с плоским граненым наконечником. «В войне они употребляют небольшие легкие стрелы с мелкими острыми концами, для дичи у них стрелы с широкими железными остриями», — пишет хорошо осведомленный Н. Витсен [Хамарханов, 1988, с. 154].

Особый интерес представляют способы натягивания лука и приемы метания стрелы. Бурятские стрелки натягивали лук достаточно сильно, причем рука, в которой была зажата тетива, и конец древка стрелы отходили за ухо, а другая рука вытягивалась на всю длину вперед. При натягивании стрелы основную нагрузку нес большой палец, а указательный палец помогал, нажимая сверху. Наконечник стрелы доходил до самого лука. Очень важным был плавный спуск натянутой тетивы. Неумелое применение этого приема приводило к существенному отклонению движения стрелы в полете или даже поломке древка. Способы натягивания и спуска тетивы также были персональными, зависели от личностных физических особенностей, опыта и подготовки лучника. Для предохранения пальцев и рук пользовались специальным наперстком («яһан эрхэ») в виде полый кости или надевали специальный чехол на большой палец, сшитый из толстой кожи.

Кочевники при гоне, облове и загоне зверей свободно стреляли на полном скаку. Это достигалось как через систему специальных обучающих тренировок, так и в естественных условиях на коллективной и индивидуальной охоте. К стрельбе из лука кочевники готовились с детства. У хунну «мальчики умеют ездить верхом на овцах, из лука стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками... в мирное время все следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу

для совершения нападений» [Материалы, 1968, с. 34; Бичурин, 1950, с. 40]. Маодунь-шаньюй, прежде чем совершить государственный переворот, начал «упражнять своих людей в конном стрельбании из лука», а «ухуаньцы искусны в конной стрельбе из лука», так как систематически занимаются зверовой охотой [Бичурин, 1950, с. 46, 142]. Чжурчжэни отбатывали свое искусство владения луком во время занятий охотой, которые сопровождались состязаниями лучников в метании стрел с коня по движущимся и неподвижным мишеням [Гончаров, 1986, с. 28; Деревянко, 1987, с. 66].

Как видно из источников, у кочевников Центральной Азии вся индивидуальная ловкость владения луком прививалась с младенчества, и особенно с такого возраста, когда молодой начинающий воин принимал участие в охоте, как индивидуальной, так и коллективной. В «Джами-ат-таварих» Рашид ад-Дина содержится рассказ об одиночной охоте пятнадцатилетнего Шики-Кутуку – приемного сына Бортэ-фуджин – будущего Великого *Яргучи* (верховный судья) Монгольской империи. «Когда [однажды] зимой орды Чингиз-хана кочевали. Была крайняя стужа, и снега [выпало] непомерно [много]; Кучукур-нойон из племени йисут начальствовал над ордами, внезапно по краю дороги, по снежному насту, пробежало стадо диких коз [аху]; Кутуку сказал Кучукуру: «Я догоню этих коз, так как они вследствие массы снега не смогут бежать, и я их перестреляю». Кучукур [на это] заметил: «Ну, что же – можно!». [Кутуку] погнался следом за козами. К ночи, когда орды остановились на ночлег, Чингиз-хан потребовал [Кутуку], [но] он не явился; [Чингиз-хан] спросил о нем Кучукура, [тот] ответил: «Он ушел за дикими козами». ...Когда легли спать, Кутуку явился. Чингиз-хан спросил его: «Что ты сделал?» Он ответил: *«Из числа тридцати диких коз больше, чем три, не смогли ускользнуть; всех остальных же я побил и бросил среди снегов»*. Чингиз-хан сильно удивился мужеству этого мальчика и послал Кучукура с несколькими пукерами, дабы они привезли тех [убитых] коз. По этой причине Чингиз-хан сердечно полюбил Кутуку» [Рашид ад-Дин, 1952, т. I, кн. I, с. 108].

Из свидетельств монгола Сайме, входившего в состав московского посольства, находившегося в Амстердаме (Голландия) в конце XVII в., Н. Витсен поразительно для себя отметил, что он «...с восьми лет научился стрельбе из лука и с де-

сяти лет пошел на войну со своими стрелами на врагов. Он умел удивительно хорошо стрелять из лука, попадал в голубя в моем присутствии и редко промахивался, он выстреливал стрелу так далеко и высоко в воздух, что она терялась из поля зрения, и так умел рассчитывать время, что когда выстреливал вторую стрелу после первой, я видел несколько раз как вторая почти касалась первой, и обе стрелы падали одновременно, очень близко друг от друга. Поистине я бы не поверил этому, если бы я этого не видел». Передавая его рассказ, автор констатирует: «Он уверял меня, что некоторые из них так ловки, что, сидя верхом на лошади, умели отражать стрелу, выпущенную в них, хлыстом или палкой и, спешившись, держают выставить себя как мишень для любых стрел и умеют их отразить. Чтобы не рисковать потерять честь и уважение к себе, он не хотел стрелять мокрой или негодной стрелой, ибо тот, кто лучше всех стреляет, пользуется у них наибольшей славой... На лошади они сидят низко, что они делают для того, чтобы легче поворачивать лук — когда они целятся во врага, они натягивают лук в направлении от врага, затем резко поворачиваются к нему для выстрела, но всегда стреляют вверх так, что стрела падает прямо сверху вниз, когда имеет наибольшую силу, то как он мне наглядно показал и как это математически обосновывается. При спуске стрелы он держал оба глаза открытыми, он почти никогда не промахивался и попадал либо в цель, либо немного ниже или выше, и очень редко стрела отклонялась в сторону. И хотя у них очень хорошие мушкеты, все же они охотнее использовали против врага лук и стрелы, потому что могли выпустить две или три стрелы прежде чем зарядить мушкет» [Хамарханов, 1988, с. 153-154].

Лук хранили в кожаном налучье «*хоромго*» из тисненой кожи «*булгарию*», направляя тетивой вниз, которое было на левой стороне, прикрепленное к поясу специальными колечками. Такой футляр надежно защищал лук от сырости и повреждений. Стрелы содержали в обтянутых кожей кожаных «*саадак*» открытого типа с жесткой деревянной каркасной основой, украшенных металлическими бляхами, живописными рисунками. Внутри корпуса имелись перегородки для удобного и безопасного размещения стрел. Кольчан носился с правого бока на длинном перекинутом через плечо ремне и пристегивался колечками к поясу. Такое расположение считается самым удобным для лучника, так как он правой рукой вытаскивал из

колчана стрелы. Количество стрел в колчане было разным — от 4–5 до 15 у охотников [Жамбалова, 1991, с. 52–61] и 25–30 для воина. Для монгольских лучников также стандартным (оптимальным) был набор из 25–30 стрел в одном колчане. Обычно у центрально-азиатских кочевников боезапас стрел носился в двух колчанах и достигал, по данным источников, в общей сложности 60 единиц.

Главным оружием монгольских охотников на коллективных (облава, загон) охотах был тот же сложносоставной лук. Его особенностью было то, что на нем, как правило, не было концевых накладок. Наиболее слабыми в таком луке были именно концы. В зимнее время клей и сухожилия на морозе промерзали и становились ломкими. В целях устранения этого недостатка монгольские мастера решили отказаться от роговых накладок и стали употреблять прослойку дерева, просто приклеивавшиеся к кибити лука. А вместо роговых и костяных накладок крепили концевые вкладыши лучшей прочности. В монгольскую эпоху большим разнообразием отличались стрелы.

Метание стрел из лука на охоте способствовало выработке необходимых и закреплению индивидуальных технических приемов и адаптированности поведения лучника в будущей военной обстановке. По мнению А. И. Соловьёва, у таяжных народов Западной Сибири именно «стрельба в лесу накоротке по быстро исчезающей в зарослях добыче требовала высокой сноровки, четкости и слаженности действий, точности и выдержки, т. е. качеств, в равной степени необходимых охотнику и воину. Очевидно, в результате тренировок достигалась и большая скорость стрельбы» [Соловьев, 1987, с. 29]. Тем самым «широкое использование лука, наличие большого контингента хороших лучников возможны прежде всего в обществе, в котором развита охота и пастушеское скотоводство», а сложившаяся система общественных отношений давала время для занятий тренировками и охотой, — считает известный оружейвед М. В. Горелик [Горелик, 1993, с. 78–79].

Многие тактические приемы, выработанные кочевыми народами на облавных охотах, нашли самое широкое применение в военной организации и военном искусстве. В частности, массированная стрельба из луков по противнику имеет прямое отношение к отработанной номадами Центральной Азии облавной традиции гона (преследования) зверя и его расстрела в

определенной точке. Его действенность возрастала при четко спланированной тактике боя и неукоснительном выполнении команд вышестоящих начальников.

Порядок и правила, действовавшие на охоте, были направлены на то, чтобы добыть как можно больше дичи. Очень часто на охотах против диких и опасных зверей участники получали серьезные травмы и ранения. В 1270 г. ильхан Ирана Абага решил устроить грандиозную охоту. Во время облавы горный буйвол повредил хану руку своим рогом, так что у него «лопнула жила и кровь не останавливалась». Один из сопровождающих его лиц, взяв лук, стал слегка натягивать тетиву и ударять по ране. Место вокруг раны сразу распухло, но кровь была остановлена. В течение трех дней хан испытывал боль. Никто из придворных врачей не решился вскрыть рану. Но среди них оказался один смелый, который это сделал, после этого боль утихла, и через неделю Абага встал на ноги [Жаргалов, 1996, с. 81].

Территория древнего Забайкалья и Прибайкалья, как уже говорилось, относилась к историческому региону, где появляется сложный лук с костяными (роговыми) накладками, который прошел в своей эволюции несколько ступеней, начиная с древнейшей эпохи вплоть до этнографической современности. В общем можно сказать, что все типы и варианты сложных луков центрально-азиатско-сибирского этнокультурного мира и смежных с ним районов генетически взаимосвязаны между собой. Существующие классификационные таблицы, схемы эволюционного изменения луков и стрел (классы, отделы, группы, типы) затрагивают и охватывают только те модели, которые сохранились (как правило, это накладки на кибишь или сохранившиеся деревянные остатки деталей лука) и найдены в подавляющем большинстве в ходе археологических работ, представлены в музейных экспозициях, фондах и хранилищах. При этом огромный набор применявшихся в прошлом ручных метательных средств (деревянные конструкции) остается недоступным ввиду его плохой сохранности в культурных слоях и хронологически быстрого его физического исчезновения. О них можно судить только по образительным источникам, письменным описаниям, фольклорным и этнографическим материалам, устным сведениям, передаваемым в семьях мастеров — изготовителей луков и стрел. Оружие дальнего боя было сугубо индивидуальным, так как оно дела-

лось для конкретного человека с учетом его персональных особенностей, внешне различалось размерами, силой натяжения тетивы лука, количеством накладок и т. д. Технологический процесс изготовления лука занимал большое время. Также специфическими свойствами отличались и стрелы, различавшиеся не только по наконечникам (материал, размеры, конфигурация, способ насада), но и по древку, оперению, длине, весу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как следует из проанализированных материалов, охота, в частности облавная, являлась важнейшей частью системы жизнеобеспечения кочевого общества как в период генезиса номадизма, так и во времена его расцвета, приходящегося как раз хронологически на период раннего и развитого Средневековья. Основополагающей линией эволюции кочевничества, пронизывающей все исторические этапы его развития, явилось то обстоятельство, что степень кооперации (организация взаимодействия) в кочевых сообществах на макрообщинном уровне была выражена довольно слабо. Исходной причиной этого феномена было то, что для кочевой системы хозяйства и в целом способа производства и даже образа жизни была характерна так называемая закономерность дисперсной организации процесса производства, что было детерминировано низкой кормовой продуктивностью естественных пастбищ, аридностью естественно-климатических условий (бедность водных ресурсов) [см. подр. Масанов, 1995, с. 114–123]]. Вследствие этого огромные территории проживания кочевников и особенности природы и климата не позволяли сконцентрировать большие людские ресурсы в одном экологическом ареале их местообитания. В связи с этим кочевники вынуждены были осваивать окружающую среду дисперсно (рассредоточенно), подходя избирательно к выбору экологической ниши в природной системе, соответственно плотность населения в их регионе обитания была низкой.

При отсутствии тесных социоинституциональных связей в кочевом обществе формы взаимодействия успешно действовали в рамках малых общин. Тем самым, например, десятичный принцип военной организации, который предусматривал значительную политически организованную концентрацию населения и ее упорядоченность в рамках определенной социосистемы, не мог рационально действовать там, где не имелось необходимых условий. Вместе с тем как только происходило сосредоточение населения в достаточно оптимальных размерах, сложение устойчивой групповой общности и как следствие усиление институциональных связей (отсюда и расширение потока циркуляции социально полезной информации), которая приводила к увеличению форм и методов взаимодействия, неизбежно требовался регулятивный механизм для упорядочения этих связей и отношений и эффек-

тивного управления этими отношениями. В то же время значительная концентрация кочевого населения могло иметь место тогда, когда этого требовали (или диктовали) хозяйственно-экономические интересы кочевого социоорганизма, например, укрупненные совместные кочевки родов в теплое время года. С другой стороны, номадная система хозяйства с большим удельным весом охотничьего промысла побуждала проводить сезонные облавы с участием значительной массы кочевников. Внутренняя социальная организация, материальные средства (орудия) облавы предопределили именно такую технологию (тактическую форму) охоты, в которой операционные действия выполняются согласованно и на уровне достаточно высокой кооперации всех ее участников. Поэтому для того чтобы более или менее эффективно управлять и распоряжаться сосредоточиваемыми (весьма немалыми) людскими ресурсами, объективно требовался социорегулятивный механизм. Таким социальным институтом и была организация облавной охоты военизированного характера. Неудивительно, что отряды охотников напоминали одновременно боевые подразделения армии кочевников на войне, применявшие соответствующую тактику.

Нетрудно заметить, что для всех облавных охот присущи две примечательные стороны, определяющие внутреннюю и внешнюю стороны этого явления. Первым обязательным условием данного вида коллективной охоты является участие значительного контингента охотников. При этом чем меньше людей, тем ниже ее функциональная (производственная) значимость и наоборот. Вторая сторона связана с технико-технологическими особенностями, которые определяются отработанным приемом проведения облавы — широкомасштабный охват конкретной площади с целью окружения и сжатия находящихся в этом районе диких зверей. Организация (формы, способы, приемы, средства) облавных охот в кочевых обществах центрально-азиатского историко-культурного региона, возникшая как ключевой компонент номадной экосистемы, стала одним из решающих факторов в становлении структурных элементов военного дела (планирование военных действий, тактические методы, схема предполагаемого боевого столкновения, усвоение военных навыков, тренировка владения холодным оружием). Можно сказать, что по существу для военно-командного состава армии масштабные облавные охоты становились имитацией (воспроизведением) и выполнением

военных операций войсковыми соединениями кочевников, которые в реальной охотничьей практике проверяли свою боевую готовность к выполнению стратегической или тактической задачи. Облавная охота как стержневой институт в военной системе кочевников являлась основополагающим милитаризованным учреждением в военной культуре кочевых народов древности и Средневековья, рудименты которого дожили вплоть до Нового времени.

Как видно из представленных материалов, институт облавной охоты у кочевников Центральной Азии выполнял четыре основные функции:

- 1) хозяйственно-экономическую, в системе жизнеобеспечения кочевого социума (пополнение запасов пищи);
- 2) интендантскую (военно-походную);
- 3) военную (всесторонняя подготовка воинов, структура формирования вооруженных сил, отработка боевой тактики и приемов);
- 4) духовно-физическую (развлечение, отдых, идеология, показание удали, разминка).

Наглядно можно выделить четыре позиции, по которым можно судить о взаимной близости организации крупных облавных охот и военной структуры кочевых объединений: а) и в том, и в этом случае успешное функционирование обеих организаций обеспечивалось массовым участием привлекаемых людских ресурсов; б) дуально-триальное подразделение организации облавы и вооруженных сил кочевых народов; в) четкая социальная градация внутри данных организаций; г) присутствие единого руководства (командования). Все вышеизложенное позволяет считать, что облавная охота была не только дополнительным хозяйственным занятием, но и необходимым экономическим и военным институтом в кочевом обществе.

Из всего многообразия стратегических и тактических способов ведения войны кочевых народов вызывают особый интерес так называемые «военно-облавные» методы проведения военных действий, которые возникли, по моему мнению, прежде всего из опыта проведения коллективных (грандиозных по размахам облавных) охот, в которых были задействован значительный контингент людей.

Таким образом, представленная информация доказательно свидетельствует, что в становлении и эволюции военного искусства (стратегия и тактика) кочевников Евразии огромное

значение имели способы, приемы и методы облавной охоты, ярко характеризующие специфику их военного дела в целом. Кроме того, такой особенностью было то, что разнообразная и богатая охотничья практика кочевников давала широкий выбор методов и приемов ведения боевых действий в самых разнообразных тактических комбинациях. Иными словами, накопленный многовековой опыт охот у кочевников выполнял своего рода функцию фонда, или точнее постоянного «банка инновационных» идей, замыслов и планов в военной сфере. Конечно, это не было просто копирование облавных охотничьих порядков, а творчески переработанная и адаптированная к мобильно-маневренной войне военно-тактическое построение, которое все время совершенствовалось в боевой практике кочевых народов. Естественно, что комплекс боевых средств и методы ведения военных действий кочевых армий были ориентированы на вооруженную борьбу с конкретным противником и являлись в большей степени зависимыми от этих обстоятельств. Но при всем функционально-целевом несопадении охотничьего промысла и военной деятельности есть все же основания считать, что метод облавы и на коллективной охоте и в военной тактике кочевников имел принципиальное сходство, заключавшееся, прежде всего, в операционных действиях и в военно-организационной структуре войсковых подразделений, выполнявших охват, окружение выбранного объекта.

У степных народов центрально-азиатской (шире евразийской) зоны ручные метательные средства достигли одного из высших этапов своего развития. Причину этого феномена следует видеть в том, что сам кочевой ХКТ в древности и Средневековье был ориентирован на расширенное использование продуктов охотничьего промысла и занимал, как известно, заметное положение в их традиционной экономике. Ведущим охотничьим оружием кочевников были лук и стрелы. В процессе непрерывной охотничьей практики форма и техническая конструкция лука объективно подвергаются постоянным изменениям и дополнениям. Одновременно лук и стрелы — ведущее оружие кочевников в бою. Усиление вооруженных столкновений с развитым оседло-земледельческим миром и близкое знакомство с его новинками и достижениями в военном деле, в частности, с диверсифицированной оборонительной системой защиты (латы, кольчуги, панцири, щиты и пр.), непосредственно побуждали степных мастеров работать над усовершен-

ствованием боевых возможностей (дальность полета и пробивная сила стрелы, сила натяжения кибити, усиление упругости «плечей» и т. д.) кочевнических луков. Повсеместно шел процесс экспорта/импорта не только вооружений, но и массовое распространение передовых оружейных ноу-хау. Перманентно приобретавшийся охотничий, военный, технический и технологический опыт способствовал неуклонному прогрессивному изменению оружия дистанционного боя вплоть до развитого Средневековья.

Специализация видов оружия, постепенная дифференциация охотничьего и боевого оружия определялась существенной перестройкой техники и технологии изготовления (производственной базы) и соответствующим качественным перевооружением, сопровождалась повышением эффективности как наступательного, так и защитного вооружения. Прогрессивное и неуклонное развитие ручных метательных средств кочевников это подтверждает. В отдельные периоды военно-политического подъема кочевым державам (сарматы, сянби, тюрки, имперские монголы, ойраты) удавалось создавать мощную латную кавалерию, в которой металлическими доспехами оснащены были не только всадники, но и кони. Такая тяжеловооруженная конница применяла в качестве главных боевых средств – разнообразные длинные копья, мечи, палаши, сабли, короткое ударное древковое оружие. В то же время их позиция в структуре комплекса вооружения не всегда была преобладающей. В большинстве сражений номады начинали, продолжали и обычно заканчивали бой, особенно при массовом преследовании врага с помощью интенсивной перестрелки стрелков, что и предопределило доминирование и преимущество у них дистанционного конно-лучного боя, с устойчивой тенденцией минимизировать малопредсказуемую рукопашную схватку, и не только из-за слабости защитного вооружения. На протяжении почти всей военной истории евразийского кочевничества приоритетным (решающим) видом оружия, как на охоте, так и на войне, продолжал оставаться лук и стрелы, с его широкими результативными возможностями вести бой на предельно допустимом расстоянии. Наибольшую отдачу при тактическом использовании оружие дистанционного боя показывало тогда, когда оно использовалось в общем строевом порядке с заранее обозначенным сектором обзора с широким видением мишеней. Причем вкупе с разно-

сторонним (многозалповым, всерным, настильным) обстрелом как по неподвижной, так и маневрирующей массе (цели).

Системное проведение облавных охот и появление на этой базе особого военно-охотничьего института внутри кочевого общества способствовали созданию военных структур уже на основе дуально-триальной военной организации и десятичной системы деления войска, которые в то же время, возможно, обусловили появление достаточно крупных военно-потестарных чифдомов. Наверное, можно сказать, что формирование военного искусства кочевников находился под постоянным воздействием кочевого ХКТ, и было порождено совместным сосуществованием кочевников и звероловной (облавной) охоты.

В эпоху Чингиз-хана и его преемников армия, выросшая из ядра военного института гвардии (*кешик*), была органично соединена с древним социо-хозяйственным институтом облавных охот (*джи(а)ргэ*) и стала важнейшим государственным ведомством в Монгольской империи (*Еке Монгол Улус*) по подготовке войск к войне. Более того, этот военно-социальный институт становится как «микромоделью» военной организации кочевников, так и стратегией освоения по отношению вначале к окружающей природной среде, а затем, с возникновением государственности в военно-политическом пространстве, не только в регионе проживания, но и в мире в целом. Тем самым это стало своеобразной основой их наступательной военно-стратегической, а возможно, и практической формой имперской доктрины по подчинению окружающего геополитического ареала. В этом, видимо, и заключается вклад кочевников в теорию военного искусства, хотя, как считается, они не оставили после себя разработанных военных теорий и концепций, так как нет письменной ее регистрации, как это было принято у оседлых народов мира. Такие военные институты, опирающиеся как на самобытное военное дело кочевников Центральной Азии, так и на творческое заимствование военных и материальных технологий более «продвинутых соседей», показали своё тактико-стратегическое превосходство над военной системой развитых оседло-земледельческих цивилизаций и государств в период трансконтинентальных завоеваний монголов на евразийском континенте XIII столетия. Военно-политическая доктрина кочевников еще ждет своего всестороннего и глубокого исследования.

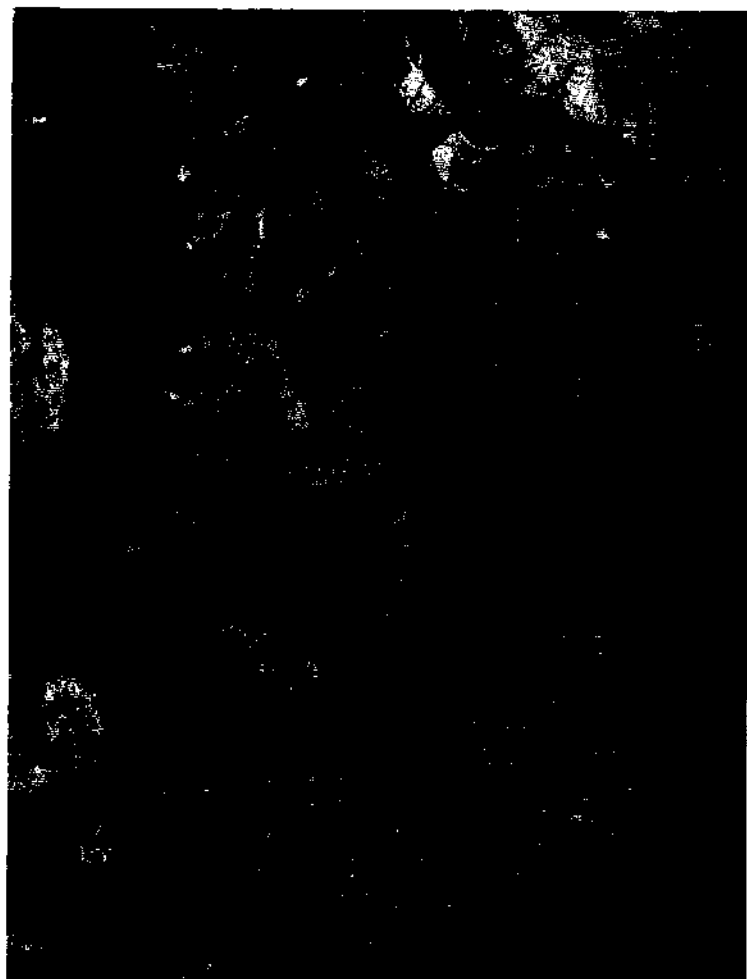

Рис. 18 «Золотая Охота».
Миниатюра (конец XV – начало XVI вв.) изображает царскую охоту зяблых птиц
во главе с правителем Самарканда Халил-Султаном или Улугбеком.
«Охота в горах» Джамал. «Золотая цепь». Рукопись ГИМ

Литература

Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса "Манас") // ТИЯЛИ. – Фрунзе, 1945. Вып. 1.

Адлер Б. Ф. Луки и стрелы Северной Азии // Русский антропологический журнал. – 1903. – № 3,4.

Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1971.

Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII–XIX вв. – М.: Наука, 1970.

Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. – М.: Наука, 1974.

Акишев А. К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1984.

Акишев А. К. Мирза Мухаммед Хайдар: дуглат против куркэна // Отан тарихы. Отечественная история. Научный журнал. – 2001. – № 2.

Акишев К. А. Древние кочевники и мировая цивилизация: генезис, проблемы, перспективы // ВАН КазССР. – 1991. – № 10.

(ал.-Айни) «Из летописи Бадр ад-дина ал.-Айни» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I) / Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б. Е. Кумекова, А. К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – Т. I.

Алексеев В. П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984.

Анрианов Б. Г. К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы // Общество и природа. – М.: Наука, 1981.

(ан-Насави) Шихаб ад-дин ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., прим. и указатели З. М. Буниятова. (Памятники письменности Востока. CVIII). – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1996.

(Аноним Искандара) «Из "Анонима Искандара"» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т. II) / Отв. ред. М. Х. Абусейтова / Пер. и доп. подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М. Х. Абусейтовой и Ж. М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – Т. IV.

(Аноним Искандера) «Аноним Искандера» (пер. с персидского О. Ф. Акимушкина) // МИКК. – М.: ГРВЛ Наука, 1973. – Вып. 1.

Анучин Д. Н. Лук и стрелы. Археолого-этнографический очерк. – М., 1887.

Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). – Новосибирск: Наука, 1984.

Астайкин А. А. Летописи о вторжениях на Русь: 1223–1480 гг. // Мир Льва Гумилева. Арабески истории. Вып. 3–4: Русский разлив. В 2 т. – М.: «ДИ ДИК Танаис», 1996. – Т. 1.

Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989.

Ахинжанов С. М., Макарова Л. А., Нурумов Т. Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1992.

Ахметжан К. С. Қазақтың дәстүрлі қару-жарағының этнографиясы. – Алматы: «Алматыкітап» ЖШС, 2003.

Бабаджанов М. С. Охота во Внутренней киргизской орде // Сочинения (сборник статей 1861–1871 гг.). / Составитель проф. Н. П. Ивлев). – Алматы: Санат, 1996.

Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа // Красный архив: Исторический журнал. – 1939. Т. III (94).

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. М.: ГРВЛ Наука, 1963. – Т. 1.

Бартольд В. В. Чингиз-хан // Соч. – М.: ГРВЛ Наука, 1968. – Т. V.

Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Пер. с англ. Д. В. Рухлядсва. – СПб: Факультет филологии и искусств СПб ГУ; Нестор-История, 2009.

Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. – Алма-Ата: Казак университеті, 1992.

Березин И. Нашествие Батия на Россию // ЖМПН. – СПб., 1855. – Ч. LXXXVI.

Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // ТВОРАО. – СПб., 1864. – Ч. VIII.

Бернштам А. П. Социально-экономический строй орхоненейских тюрок VI – VIII вв. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Бертельс Е. А. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов // Советское востоковедение. – 1947. – Вып. 4.

Бибиков Д. И. Волки (взгляд эколога) // Охотничьи просторы: Альманах. Вып. 48 / Сост. Ф. Р. Штильмарк. – М.: Физкультура и спорт, 1991.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. I.

Бичурил Н. Я. (Иакинф). История первых четырех ханов дома Чингисова // Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. – М. –Т. –Б., 1996.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). – СПб: Факультет филологии и искусств, СПб ГУ, 2008.

Боплан Г. Л. Описание Украины // Гийом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России / Пер. В. Г. Ляскоронского. – Киев, 1901.

Бубенок О. Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). – Киев: Истина, 2004.

Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. – М., 1969.

Бутанасв В. Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем Средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981.

Бутанасв В. Я. Степные законы Хонгорая. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2004.

Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991.

Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Собр. соч.: В 5 т. – Алма-Ата: Наука, 1985. – Т. IV.

(Вассаф) «Из “Истории Вассафа”» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т. II) / Отв. ред. М. Х. Абу-сейтова. Пер. и доп. / Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М. Х. Абусейтовой и Ж. М. Тулибасовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – Т. IV.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.: (Пер. и комм.) / Под ред. В. Л. Янина / Сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. – Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1999.

Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды, Ногай и его время // ЗРАИ. – Петроград, 1922. – Сер. VIII. Т. XIII. № 6.

Винклер фон П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. – М.: «Менатеп», «Наука», 1992.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районов // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата: Наука, 1960. – Т. VIII.

Вяткин М. П. Батыр Срым. – Алматы: Санат, 1998.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М. – Л.: Наука, 1965.

Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. Вступ. стат. А. Л. Хорошкевич / Под ред. В. Л. Янина. – М.: Изд-во МГУ, 1988.

Герберштейн С. Записки о Московитских делах. – СПб., 1908.

Гийас ад-Дин Али. Дневник похода Тимура в Индию / Пер. с перс., предисл. и примеч. А. А. Семенова. – М.: Изд. «Восточная литература», 1958.

Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун. 1127–1142. – М.: Наука, 1986.

Гордеев А. А. История казаков. Золотая Орда и зарождение казачества. – М.: Страстной бульвар, 1991. – Ч. 1.

Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех // Олон Улсын монголч Эрдэмтний III Их хурал. – Улаанбаатар, 1979. Бот. III.

Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987.

Горелик М. В. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1990.

Горелик М. В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). – М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1993.

Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Военское искусство, оружие, снаряжение. – М.: ООО «Восточный горизонт», 2002.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). – М.: ГРВЛ Наука, 1975.

Груссе Р. Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан / Пер. с француз. Х. К. Хамраева / Сост. Б. М. Сужигов. – Алматы: Санат, 2005. – Т. I.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – М., 1993 а.

Гумилев Л. Н. Хунну. – СПб., 1993 б.

Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. – СПб.: Абрис, 1994.

Гусейнов Р. А. Сельджукская военная организация // Палестинский сборник. – М., 1967. Вып. 17(80).

Далай Ч. Монголия в XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1983.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. IV.

Даль В. И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2006.

Деревянко Е. И. Очерки военного дела племен Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1987.

Джамал ал-Карши «Ал-Мулхакат би-с-сурах» / Отв. ред. А. К. Муминов / Введ., пер. с арабско-персидского, коммент., текст, факс. Ш. Х. Вохидова, Б. Б. Аминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

(ал-Джахиз) Абу Усман амр ибн ал-Джахиз. Послание ал-Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и остального хаиф-

ского войска // Арабские источники о тюрках в раннее Средневековье / Пер. Ф. М. Асадова. — Баку, 1993.

(Джувайни) Ата-Мелик Джувейни Ала-ад-Дин. Чингисхан: История Завоевателя Мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. текста с англ. на русс. язык Е. Е. Харитоновой. — М.: Изд. дом «Магистр-Пресс», 2004.

(Джувайни) Из «Истории завоевателя мира Джувайни» // СМИЗО (Т. II). История Казахстана в персидских источниках / Отв. ред. М. Х. Абусеитова. Перераб. и доп. / Подгот. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М. Х. Абусеитовой и Ж. М. Тулибаевой. — Алматы: Дайк-Пресс, 2006. — Т. IV.

(Джувайни) «Из «Тарих-и Джахан-гушай» Джувайни» // История Казахстана в персидских источниках / Извлечения из сочинений XIII-XIX веков / Отв. ред. М. Х. Абусеитова / Сост. М. Х. Абусеитова. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — Т. V.

Длугош Ян. Грюнвальдская битва / Изд. подгот. Г. А. Стратановский, Б. В. Казанский, Л. В. Разумовская. — М. —Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969.

Дробышев Ю. И. К типологии средневековых заповедников Центральной и Средней Азии // Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и Средневековье/ С-Петербург. фил. — М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2005.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. — М.: Наука, 1985.

Егоров В. Л. Золотая Орда: Мифы и реальность. — М.: Знание, 1990.

Е Лун-ли. История государства киданей («Цидань го чжи»). — М.: Наука, 1979.

Ер Едиге. — Алматы: Гылым, 1995.

Еременко А. И. Охота — школа воинской закалки // Охотничий спорт в Советской Армии. — М.: Воениздат, 1960.

Ермоленко Л. И. О роли образа волка у древних тюрков. 1990 (сборник материалов конференции) // Маргулановские чтения. — М., 1992. — Ч. 1.

Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. / Пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. — М.: Наука, 1981.

Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. — СПб., 1875.

Иванин М. И. О военном искусстве при Чингис-хане и Тамерлане. – 2-е изд. – Алматы: Санат, 1998.

История Казахстана. – Алматы, 1996. – Т. I.

(Йазди) Из «Книги побед» Шараф ад-Дина Йазди // СМИЗО (Г. П.). История Казахстана в персидских источниках / Отв. ред. М. Х. Абусейтова. Перераб. и доп. / Подгот. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М. Х. Абусейтовой и Ж. М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – Т. IV.

Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск: Наука, 1991.

Жаргалов Д. Обланные охоты до и после Чингисхана. – Иркутск: Имя, 1996.

Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпачков. Родоплеменная структура и расселение в XIX – начале XX в. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Жузбасов К. Музыкальный фольклор казахов Горного Алтая. – Алматы: Өнер, 2007.

Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1970.

Зданович Г. Б., Зайберт В. Ф. Основные закономерности становления хозяйства производящего типа в Урало-казахстанских степях // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. (Сборник научных трудов). – Свердловск: УРО АН СССР, 1989.

Зуев Ю. А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (к вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1981.

Зуев Ю. А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, Сотня (сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья): сборник статей. – Алматы, 1998.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

Калырбасов М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения хребта Каратау. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1977.

Казахи: историко-этнографическое исследование. – Алматы: Казахстан, 1995.

(Казвини) «Из «Избранной истории» Хамдаллаха Казвини и продолжений к ней» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т. II) / Отв. ред. М. Х. Абусеитова. Пер. и доп. / Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М. Х. Абусеитовой и Ж. М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – Т. IV.

Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. – М.: Высшая школа, 1967.

Киракос Гандзакечи. История Армении. / Пер. с древнеар., пред. и коммен. Л. А. Хаплярян. (Памятники письменности Востока LIII). – М.: Наука, 1976.

Кищенко В. Г. Стрелы древних и средневековых культура Евразии: реконструкция // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецко-золотоордынское время. Сборник научных работ. – Донецк: ДонНУ, 2003. – Т. III.

Ковалевская В. Б. Конь и всадник (пути и судьбы). После словесие Н. Я. Мерперта. – М.: ГРВЛ Наука, 1977.

Ковалевский Е. Путешествие в Китай. – СПб., 1853. – Ч. 1.

Ковычев Е. И. Лук и стрелы восточно-забайкальских племен I тысячелетия н. э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981.

Косинцев П. А. Охота у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. (Сборник научных трудов). – Свердловск: УРО АН СССР, 1989.

Косинцев П. А., Стефанов В. И. Особенности хозяйства населения Зауралья и Приишимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. (Сборник научных трудов). – Свердловск: УРО АН СССР, 1989.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Изд-во АН СССР, 1964.

Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). – Владивосток, 1992.

Крадин Н. Н. Империя Хунну. – М.: Логос, 2001.

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2006.

Кубарев В. Д. Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // Древности Алтая.

Известия лаборатории археологии № 7. Межвузовский сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001.

Кузьмина Е. Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // Вестник древней истории. – 1996. – № 2.

Кузнецов В. С. Нурхаци – основатель маньчжурского государства // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980.

Кун В. Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Учен. зап. Ташкент, пед. ин-та им. Низами. Сер. обществ. наук. – 1947. – Вып. 2.

Курышев В. П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана: СМАЭ. – Л.: Наука, 1978. – Т. XXXIV.

Кутепов Н. И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси. В 4 т. // Электронная версия CD-ROM. 2005: Изд-во: «Directmedia Publishing». – Т. XXXXIV.

Кушкумбасов А. К. Истоки возникновения традиционной военной организации кочевников Центральной Азии // Эволюция государственности Казахстана. Материалы Международной конференции, г. Алматы, 3–5 апреля 1996 г. – Алматы, 1996.

Кушкумбасов А. К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

Кэстль Д. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхайру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды / Пер. с нем. В. Штаркенберга, В. Скорого. – Алматы: Жибек жолы, 1998.

Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. История хана Ислям Гирая третьего / Пер. К. А. Усейнова. – Симферополь: Крымучпедгиз, 1998.

Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Болокту-хане. – Новосибирск: Наука, 1980.

Кычанов Е. И. Формы ранней государственности у народов Центральной Азии // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляо ши») // Сибирь, Центральная Азия и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск: Наука, 1975.

Линь Кюн-и, Мункуев Н. Ц. "Краткие сведения о черных татарах" Пэн Да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. – 1960. – № 5.

Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ. коммен. и прилож. Н. П. Шастиной. – М.: ГРВЛ Наука, 1973.

Луки и стрелы, современные и древние (компилятивное исследование) // <http://engineerd.narod.ru>

Лызлов А. Скифская история. / Отв. ред. Е. В. Чистяков. Под. текста, коммент., и аннотированный список имен А. П. Богданов. – М.: Наука, 1990.

Макарова Л. А. Материалы к охотничье-промысловой фауне эпохи неолита в бронзы Казахстана // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1978.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М. –Л., 1951.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М. –Л., 1959.

Мамелюки. 1250–1517. Военно-исторический альманах. Новый солдат. – 2002. – № 68.

Манас. Киргизский героический эпос. – Алма-Ата, 1975.

Мандельштам А. М. Характеристика тюрков IX в. в "Послании Фатху ибн Хакану" ал-Джахиза // ТИИАЭ АН Каз. ССР. – Алма-Ата, 1956. – Т. I.

Марков Б. И. Охота на рысь, кабана, лося, косуль // Русская охота с гончими. – М.: Экология, 1992.

Марков М. И. История конницы. – Тверь, 1886. – Ч. 2.

Маргынов А. И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии: Сборник научных трудов. – Кемерово, 1995.

Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1984.

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. – Алматы: «Социни-вест»; М.: «Горизонт», 1995.

Массон М. Е. О былых охотничьих парках в Средней Азии // ТИИАЭ АН Тадж. ССР. – Сталинабад, 1953. – Т. XVII.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Пер. и коммент. В. С. Таскина. – М.: Наука, 1968. – Вып. 1.

Матвиевский П. Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. – 1958. – № 4.

Матузова В. И. Английские средневековые источники. IX–XIII вв. (Тексты, перевод, комментарий). – М.: Наука, 1979.

Матюшенко В. И., Сеницына Г. В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. – Томск, 1988.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. САИ. Вып. Е 1–36. – М.: Наука, 1966.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов. – М.: Наука, 1964.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

(МИГД) Материалы по истории кочевых народов группы дунху. – М.: Наука, 1984.

(МИТТ) Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М. – Л., 1939. – Т. 1.

Миткевич В. Казаки и их тактика // Нива. – 1893. – № 18.

Моисеев В. А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства // Из истории международных отношений в Центральной Азии. – Алма-Ата: Наука, 1990.

Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). – Алма-Ата: Наука, 1991.

Моуэт Ф. Не кричи, волки! / Пер. с англ. Г. Н. Топоркова. – М.: Мысль, 1992.

Мурзин В. Ю. О происхождении скифов: основные этапы формирования скифского этноса. – Киев: Наукова думка, 1990.

Мэн-да бэй-лу ("Полное описание монголо-татар") / Пер. и коммент. Н. Ц. Мункеева. – М.: Наука, 1975.

(ан-Насир) «Из биографии Султана ал-Малик ан-Насира» // (СМИЗО Т. 1). История Казахстана в арабских источниках / Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б. Е. Кумекова, А. К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – Т. 1.

Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // Советская археология. – 1987. – № 2.

Нефёдкин А. К. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н. э. – V в. н. э. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

Никоноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Новое открытие: лошадей приручили предки казахов // http://news.bbc.co.uk/hi/russian/sci/tech/newsid_7927000/7927778.stm

Нуркамысов А. Административное и военное управление в стане Амангельды Иманова // Светлый образ батыра. – Алма-Ата, 1986.

Окладников А. П. К вопросу о происхождении и месте лука в истории культуры // КСИИМК – М., 1940. – Вып. V.

Охота на копытных (биологические основы промысла). – М., 1976.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1809. – Ч. I.

Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004.

Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе / Ответ. ред. числ-корр. АН СССР С. Л. Тихвинский. – М.: ГРВЛ Наука, 1977.

Першиц А. И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества. – М., 1994. – В 2 т. – Т. II. Ч. 3.

Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI века. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1977.

Плотников Ю. А. Наконечники стрел из могильника Кызыл-Ту // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981.

Плотников Ю. А. О назначении отверстий в лопастях стрел // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001.

Плетнева С. А. Половцы. – М.: Наука, 1990.

ПСРЛ, Т. II. Ипатьевская и Густинская летопись. Изд. 2. – СПб., 1843.

ПСРЛ, Т. II. Ипатьевская летопись. – СПб., 1908.

ПСРЛ, Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. – СПб., 1856.

ПСРЛ, Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – СПб., 1859.

ПСРЛ, Т. XV. Вып. 1. Рогожский летописец. – Л., 1922.

ПСРЛ, Т. XI. Ч. 3. Патриаршая, или Никоновская летопись / Ред. С. Ф. Платонов. – СПб., 1897.

ПСРЛ, Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью (852–1499 гг.). – СПб., 1863.

ПСРЛ, Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. / Ред. М. Н. Тихомиров. – М. – Л.: 1949.

Поппе Н. Н. Монгольский словарь Муккадимат ал-Адаб // Труды института востоковедения XIV. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – Ч. I–II.

Потанов Л. П. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев // Советская этнография. – 1934. – № 3.

Потанов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хакас. книж. изд-во, 1956.

Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв., 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири): Справочник. – М.: Международные отношения, 2005.

Поэты пяти веков: Казахская поэзия XV – начала XX века / Пер. с каз. – Алма-Ата: Жазушы, 1993.

Пэн Да-я, Сюй Тин «Хэй-да шилуэ (Краткие известия о черных татарах)», комментированные и исследованные Ван Го-взем // Золотая Орда в источниках. Кит. и монг. источники (Собрание сведений, относящихся к истории Золотой Орды (улусу Джучи) из китайских и монгольских источников) / Пер. с кит., состав., введ. статья и коммен. Р. П. Храпачевского. – М.: Наука, 2009. – Т. III.

Книга Марко Поло. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. – Алма-Ата: Наука, 1990.

Рахилин В. К. Общество и живая природа: Краткий очерк истории взаимодействия. – М.: Наука, 1989.

Рашид ад-Дин Сборник летописей. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. I. Кн. 1.

Рашид ад-Дин Сборник летописей. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. I. Кн. 2.

Рашид ад-Дин Сборник летописей. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. II.

Рашид ад-Дин Сборник летописей. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – Т. III.

Росляков А. А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI – XV вв. // Учен. зап. Туркмен, гос. ун-та им. А. М. Горького. – Ашхабад, 1962. – Вып. XXI.

Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Пер. А. И. Малеина. – М.: Изд-во геогр. лит-ры, 1957.

(Рузбихан) Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман наме-йи Бухара. (Записки бухарского гостя). – М., 1976.

Савинов Д. Т. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981.

Савинов Д. Т. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // УЗМГУ. Вып. IX. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960.

Самашев З. С. Паскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992.

Самашев З. С. Петроглифы Казахстана. – Алматы, 2006.

Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. – М.: Наука, 1987.

Свечин А. А. Эволюция военного искусства. – М.: Академический Проект; Жуковский: Кучково поле, 2002.

Симаков Г. Н. Охота с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана (по собраниям МАЭ) // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. – Л., 1989. – СМАЭ. Т. LIII.

Симаков Г. Н. Соколиная охота и военное дело у кочевников Средней Азии и Казахстана // Кунсткамера. Этнографические тетради. – СПб., 1995. – Вып. 5–6.

Симаков Г. Н. Военный и хозяйственный аспекты соколиной охоты в Средней Азии // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья). – Алматы, 1998.

Скрынникова Т. Д. Потестарно-политическая культура монголов XI–XIII вв. // Средневековая культура монгольских народов. Сб. науч. трудов. – Новосибирск, 1992.

«Сокровенное сказание монголов» / Пер. С. А. Козина. – Улан-Удэ: Буряад нэмой хэблэл, 1990.

Солдаткин Е. Бизоны в прошлом и настоящем (По материалам зарубежной печати) // Охотничьи просторы: Альманах.

Вып. 48 / Сост. Ф. Р. Штильмарк. – М.: Физкультура и спорт, 1991.

Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987.

Соловьев А. И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск: ИН-ФОЛИО-Пресс, 2003.

Стратанович Г. Г. Военная организация триадного типа и ее судьба // Проблемы алтаистики и монголоведения. – Элиста, 1974. – Вып. I.

Тактика партизанской войны // <http://nativeurals.narod.ru/partisan.htm>

(Тверская летопись) Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // Тверские летописи. Древнерусские тексты и переводы / Пер. В. И. Исакова. – Тверь: Тверское книжно-журнальное издательство, 1999.

Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII века. Проблема исторической преемственности. – М.: Наука, 1993.

Тюрюмина Л. В. Военное дело у маньчжуров (сведения из «Мань-вэнь лао-дан») // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1990.

Урманчеев Ф. Золотая волчья голова на знамени: (К вопросу о происхождении образа волка в древнетюркском эпосе) // Советская тюркология. – 1987. – № 3.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 / Вступ. ст. и общ. ред. А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузова. – М.: Прогресс, 1989.

Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Пер., коммент. О. А. Акимовой. – М.: Индрик, 1997.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. – М.: ГРВЛ Наука, 1971.

Хазанов А. М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. – М.: Наука, 1975.

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. – Изд. 3-е, доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000.

Хайдар Мирза Мухаммад. Тарих-и Рашиди / Введ., пер. с перс. А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Елифановой. Примеч. и указ. Р. П. Джалиловой и Л. М. Елифановой. – Ташкент: Изд-во «Фан» АН РУ, 1996.

Хангалов М. Н. Зэгэтэ-аба -- облава на зверей у древних бурят // Собр. соч.: В 3 т. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. I.

Хангалов М. Н. Зэгэтэ-аба у кудинских бурят // Собр. соч.: В 3 т. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. I.

Хангалов М. Н. Юридические обычаи у бурят // Собр. соч.: В 3 т. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. I.

Хамарханов А. З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. (Сборник статей). – Улан-Удэ, 1988.

Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1970.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. – Алма-Ата: КРАМДС-Ахмед Яссауи, 1992.

Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005.

Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / Крит. текст, пер. с латыни «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. Экспозиция, исслед. и указ. А. Г. Юрченко. – СПб.: Евразия, 2002.

Хроника Быховца / Предисл., коммент. и пер. Н. Н. Улащика; отв. ред. М. Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1966.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск: Наука, 1980.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в хуньскую эпоху // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. – М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1990. – Вып. 2.

Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. — Новосибирск: Наука, 1991.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997.

Худяков Ю. С. Сабля Багыра: Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Худяков Ю. С. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии / Под ред. В. Е. Медведова / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск, 2003.

Худяков Ю. С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. — 2004. — № 1.

(Ц. Де Бридиа) *Hystoria Tartarorum fratris C. de Bridia*. «История тартар» брата Ц. де Бридиа // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Мат-лы францисканской миссии 1245 года / Крит. текст, пер. с лат. «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. Экспоз., исслед. и указ. А. Г. Юрченко — СПб.: Евразия, 2002.

Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе / Ответ. ред. член-корр. АН СССР С. Л. Тихвинский. — М.: ГРВЛ Наука, 1977.

Черненко Е. В. Скифские лучники. — Киев: Наукова Думка, 1981.

(Шахи) Низам ад-Дин Шахи «Зафар-наме» / Пер. с перс. О. Ф. Акимовича // МИКК. — М.: ГРВЛ Наука, 1973. — Вып. 1.

«Шараф-наме-йи шахи» // МИКХ. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1969.

Шевченко Н. Ф. «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // Вестник древней истории. — 2006. — № 1 (255).

Шишлина Н. И. О сложном луке срубной культуры // Проблемы археологии Евразии: (по материалам ГИМ). — М.: Наука, 1990.

Шнирельман В. А. У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества. В 2 т. — М., 1994. — Т. I. Ч. 1.

Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // ЗОИРГО. – Омск, 1894. – Кн. 18. Вып. 2.

Юань ши (Официальная хроника династии Юань). Основные записи // Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005.

Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транскрип., текстол. примеч., исследование В. П. Юдина. Комм. и указ. М. Х. Абу-сситовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992.

Юнусов А. С. Военное дело тюрок (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990.

Юрченко А. Г. Опыт интерпретации средневекового описания империи Чингисхана. – Прага, 2000 // rss.archives.ccu.hu/archive/00001149/01/157_2.pdf

Якубовский А. Тимур // Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / Сост. обр. и подг. текста Р. Рахманалиева – М.: Гураш, 1992.

Allsen Th. T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // *Archivum Eurasiae medii aevi*. – 1983. – № 3.

Allsen Th. T. The Royal Hunt in Eurasian History. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2006.

Barfield T. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // *Journal of Asian Studies*. – Vol. XLI, – No. 1.

Benson D. S. Six Emperors: Mongolian Aggression in the Thirteenth Century. – Chicago-Illinois, 1995.

Dlugos J. *Historia Polonicae* // Перевод с сайта «Восточная литература» <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Dlugos/fragm1241.phtml?id=462>

Chambers J. Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. – New-York: Atheneum, 1979.

Grousset R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. – London, 1970.

de Hartog L. The army of Genghis khan // *Army Quarterly and Defence Journal*. – Vol. 109. – 1979.

Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. 2nd ed. – Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1994.

Phillips E. D. The Mongols. – London, 1969.

Saunders J. J. The History of the Mongol Conquests. – New-York, 1971.

Sinor D. On Mongol Strategy // Proceedings of the Fourth East Asian Altaistic Conference, ed. Ch'en Chien-hsien. – Tainan, Taiwan, 1975.

Sinor D. The Mongols in the West // Journal of Asian History. – 1999. – Vol. 33. – No. 1.

Werner J. Polska bron. Łuk i kusza. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974.

Список сокращений

ВАН	Вестник Академии Наук
ЖМПН	Журнал Министерства народног просвещения
ЗОИРГО	Записки Западносибирского отделения императорского Русского географического общества
ЗРАН	Записки Российской академии наук
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИКК	Материалы по истории киргизов и Киргизии
МИКХ	Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
САИ	Свод археологических источников
СМАЭ	Сборник музея археологии и этнографии
СМИЗО (Т. I)	Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлечения из сочинений арабских)
СМИЗО (Т. II)	Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлечения из сочинений персидских)
ТВОРАО	Труды Восточного отделения Археологического общества
ТИИАЭ АН КазССР	Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
ТИИАЭ АН АП ТаджССР	Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР
ТИЯЛИ	Труды Института языка, литературы и истории
УЗМГУ	Ученые записки Мордовского государственного университета
УРО	Уральское отделение

SUMMARY

In the scientific review are examined the problems both features educations and formation of military affair in nomadic societies of Central Asia, with attraction of a significant file of various sources are considered: the written items of information, ethnographic materials, archaeological both historical researches and special military literature. As the military organization follows from the investigated materials in creation and generation of the basic components of military affair Central Asian nomads - tactics of conducting battle actions, the weapon arsenal had appreciable meaning (importance) military institute collective huntings which are carrying out the main part in preparation of armed forces ancient and medieval nomadic of the states.

Айболат Кайрслямович Кушкумбасв

Научное издание

**ИНСТИТУТ ОБЛАВНЫХ ОХОТ
И ВОЕННОЕ ДЕЛО КОЧЕВНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Сравнительно-историческое исследование

На обложке: Сцена облавной охоты. Горы Кызыл тас, на правом берегу реки Текебай. ВКО, Тарбагатайский район. Автор фотографии Садыков С. С., МНС КазНИИ по проблемам культурного наследия номадов

Ответственный редактор Р. Ж. Абдрахманова
Компьютерная верстка Д. Д. Секенова
Корректор А. Б. Айдарбскова

Подписано в печать 26. 10. 09.
Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Объем 10,6 усл. п. л.
Заказ № 299. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ТОО «Келешек-2030»
020000, г. Кокшетау, ул. М. Горького, 17а
тел. (8-716-2) 31-33-56, факс 31-33-51
[http:// www. keleshek-2030. kz](http://www.keleshek-2030.kz)
E-mail: Keleshek_red@mail.ru

